

(М) 1 /
За помощь в осуществлении издания данной книги
издательство «Евразия» благодарит
Кипрушкина
Вадима Альбертовича

Научный редактор:
Карачинский А. Ю.

Фердинанд Лот

Последние Каролинги. Перевод с французского
Дягилевой Ю. Ю. — Евразия, СПб., 2001. — 320 с.

Настоящая книга известного французского историка-медиевиста Фердинанда Лота (1866-1952) посвящена исследованию периода правления последних представителей Каролингской династии (954-987 гг.). Перед читателем предстает трагическая картина упадка и децентрализации государства, калейдоскоп событий, безмерно множась и утрачивающих свою значимость. Деграция королевской власти и ослабление связующих нитей государственного устройства рождают ощущение хаоса, на смену которому неизбежно придет новая власть, новый миропорядок, новая династия. Исследование Лота отличается фактической скрупулезностью, обширной источниковедческой базой и повышенным вниманием к отдельной личности, конкретному поступку. Книга адресована широкому кругу читателей.

8 3 5 5 1 5 3

ISBN 5-8071-0077-8

© Дягилева Ю. Ю., перевод, 2001
© Карачинский А. Ю., вступительная
статья, комментарии и генеалогические
таблицы, 2001
© Лосев П. П., оформление, 2001
© Издательство «Евразия», 2001

ЦГПБ им. Н.А. Некрасова
Отдел абонементного обслуживания
Сектор _____

*Моему дорогому учителю
Артюру Жири
с глубочайшей признательностью*

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

ФЕРДИНАНД ЛОТ
(1866–1952)

Имя Фердинанда Лота по праву занимает почетное место среди наиболее авторитетных исследователей средневековой истории. В колоссальном наследии более чем из 15 монографий, 300 статей и 11 публикаций, свидетельствующих о творческой активности ученого, Ф. Лот начал изучение истории раннего средневековья, и на его трудах до сих пор базируются исследования современных медиевистов. Во многом этому способствовало то, что история раннесредневековой Франции в конце XIX в. была полна лакун, и Лот был одним из первых, кто начал исследование этой эпохи. Однако вовсе не это принесло Лоту заслуженную славу; а личные и профессиональные качества, которые он сам ставил себе в достоинство: «любопытство, интерес к сложным проблемам, воображение, иногда доходящее до авантюризма», прибавим — способность к тонкой критике источника, упорство, привычка неоднократно возвращаться к предмету своего исследования. Один из учеников и коллег Ф. Лота — М. Блок, зачастую споривший со своим учителем, — писал, что «даже если не соглашаешься с ним /Лотом/ во всем, нельзя читать его книги без удовольствия и восхищения».

Судьба Ф. Лота сложилась непросто. Отец умер рано, и ему пришлось обеспечивать свою мать. Сам он неодно-

кратно шутил, что его жизнь и карьера во многом обязаны воле случая или providения — «мне везло во всем», писал он. Получив диплом бакалавра, Лот встал перед выбором профессии. Интерес давно влек его к истории. В 1885–1886 гг. он присутствовал в Сорбонне вольнослушателем на лекциях великого французского ученого Фюстеля де Куланжа, признательным учеником которого он считал себя всю оставшуюся жизнь. В 1886 г. случайная афиша привлекла внимание Лота: в ней предлагалось поступать в Школу Хартий — учебное заведение, которое и поныне является самым престижным учебным заведением, где готовят специалистов-палеографов. К собственному удивлению, Лот занял третье место в сложнейшем конкурсе. Обучение в Школе Хартий оказало большое влияние на его дальнейшую жизнь. «Все, что требуется в юности, — это контакт со знаменитыми людьми и их знаниями», — писал Лот, вспоминая о годах своей учебы в Школе Хартий. Ему посчастливилось попасть в Школу, когда там преподавали известные всем научным кругам Западной Европы ученые — Л. Готье, Ж. Тардиф, А. Жири, П. Мейер, Ж. Кишера. В беседах с ними, во время занятий пришла и уверенность в себе. Всегда скромный в самооценке («Я сознаю, что не стал ни выдающимся историком, ни ученым»), Лот впоследствии признавался, что именно после похвал и доверия со стороны его учителей он всерьез стал думать о карьере профессионального историка. Своеобразие обучения Ф. Лота, повлиявшее на область его научных интересов, состояло в том, что, помимо занятий в Школе Хартий, он активно посещал целый ряд учебных заведений, в прямом смысле «поглощая» информацию из соседних с историей дисциплин. Его можно было увидеть во Французском коллеже, на факультете литературы и права в Сорбонне, даже в школе восточных языков, где он (по его словам, повинувшись «неведомому зову») изучал русский язык. Эти широкие познания помогли Лоту не только заниматься собственно историей и палеографией, но и посвятить немаловажные очерки средневековой филологии и праву, использовать самые разнообразные материалы при подготовке своих трудов. Известно, что его перу принадлежат работы о героических песнях XI–XII вв. и цикле легенд о короле

Артуре. Правда, сам Лот заметил, что, хотя и не жалеет о своем временном «бегстве от истории», позволившем ему расширить свой кругозор, у него «хватило мудрости понять, что романская или кельтская филология, или же любая другая требует полной самоотдачи», иначе бы его ждал «бесполезный дилетантизм». Даже в рамках самой истории Лот, долгое время живо интересовавшийся новой историей, проблемами колониализма, решил ограничить себя изучением средневековья.

В 1890 г. Лот защищает выпускную работу «Последние Каролинги», которая и стала предметом нашей публикации. Его учитель А. Жири, давший самые высокие отзывы об этом труде, помог ее напечатать. Получив диплом архивиста-палеографа, Лот был вынужден искать место работы и занял скромное место помощника библиотекаря в библиотеке Арсенала. Безусловно, эта должность способствовала тому, что Лот, первоначально не очень обремененный служебными обязанностями, мог продолжать свои научные изыскания. К нему постепенно приходит известность: в 1896 г. его книга «Последние Каролинги» удостоивается престижной премии Гобера. В 1899 г. умирает А. Жири, и Лоту предлагают занять его место в Практической школе высших исследований. В старости Лот упоминал, что не смог бы продолжить свою научную карьеру, если бы был «вынужден, подобно множеству своих товарищей брать добавочную работу или похоронить себя в провинции в поисках средств для существования». В 1909 г. его принимают преподавателем в Сорбонну, где он ведет семинары. В 1920 г. ему присваивают звание титулярного профессора на кафедре средневековой истории. В 1924 г. избирают в Академию надписей и изящной словесности. В мае 1937 г. Лот уходит в отставку. Его преподавательская деятельность наложила глубокий отпечаток на его научное творчество. Ему пришлось преподавать в Сорбонне, этом «центре научной жизни», где он был всегда в окружении мэтров, товарищей и учеников, «чья дружба и работа меня окрыляли». Он перенес на преподавательскую деятельность свое отношение к работе историка: «Подсказать новые идеи, поставить проблемы, побудить молодую аудиторию их разрешать рано или поздно — в этом-то и заключается для

меня основной труд преподавателя высшей школы», писал он. Именно на семинары он выносил вопросы, которые были ему интересны, и неизменно завершал их серией работ по поставленной перед студентами проблеме. В 1925 г., выступая на праздновании 25-летия своего преподавания в Практической школе высших исследований, Лот назвал плодом своей преподавательской карьеры своих учеников. А ему было кем гордиться — в их число входили такие известные французские медиевисты, как М. Блок, Л. Альфен, Р. Фавтье, Х. Самаран, Э. Перруа.

Концепцию исторического развития Лота можно условно назвать концепцией «разрыва», изменения. Лот полагал, что историка должно интересовать лишь то, что изменяется, движется. Он вступил в активную полемику со сторонниками глобальной истории, полагавшими, что общество развивается медленно и поступательно и в основе этого процесса лежит жизнь народных масс, консервативных и не признающих изменений в своей жизни. Все научное творчество Лота основывалось на противоположном тезисе: он стремился показать роль личностей, государей (например Карла Великого), племенных групп (например роль варваров в формировании средневековой Европы), социальных слоев, этносов (например кельтов, франков), их действия, наложившие видимый отпечаток на исторический процесс. Конечно, идея о эволюционировании общества не была полностью неприемлема для Лота; он сам писал: «Несомненно, было бы глупо отрицать существование неких неизбежно проявляющихся великих процессов». Однако он считал, что история формируется под влиянием физических причин (катаклизмов, эпидемий) или человеческих поступков, которые имеют определяющее влияние на политику, экономику, военную историю и т. д., вплоть до простой случайности. Лот не ограничился только событийной историей, которую ему, одному из первых французских историков, занимавшихся ранним средневековьем, пришлось во создавать из обрывочных источников, дошедших до его времени. Не склонный к конформизму, всегда готовый оспорить любую теорию или исторический подход, казавшийся ему ошибочным, он тем не менее был готов рассматривать историю под иным углом зрения. Он посвятил свои иссле-

дования проблемам демографии, которая, по его мнению, лежала в основе экономического и политического развития человечества («Вопросы о демографии Франции IX в.»), феодальной ментальности («Феодальное общество»), рождению национального духа («Рождение Франции»), средневековым политическим и правовым институтам («История французских институтов», совместно с Р. Фавтье), рождению средневекового города, истории кельтского и раннефранцузского языков. Перу Ф. Лота принадлежат критические исследования ряда различных средневековых источников — от хартий франкских королей, монастырских хроник и анналов до хроники загадочного англосаксонского историка Ненния. Особняком в творчестве Лота стоит его последний двухтомный труд о военном искусстве и армиях в Средние века. Все вышеперечисленное составляет лишь незначительную часть исследований выдающегося французского медиевиста, поскольку его статьи, не выходя из хронологических рамок, которые установил для себя ученый, посвящены самым разнообразным сюжетам.

Ф. Лота всегда волновала проблема задач, которые призван выполнять историк. Он писал: «Автор не считает нужным воздерживаться от того, чтобы выносить суждения, иногда суровые, о людях и событиях. Отличать добро от зла, отделять ложь от правды — таков первейший долг историка». Характерной чертой ряда произведений Ф. Лота является осмысление мотивов исторических деятелей, их роль в ходе исторического процесса. Часто это приводило к тому, что его оценка действий ряда лиц была неоправданно поспешной. Впрочем, не стоит думать, что произведения Лота наполнены личностными, пристрастными оценками человеческой деятельности: наоборот, он требовал от историка профессиональной невозмутимости, быть способным без волнения расследовать любую драму человеческой жизни. Известен случай, когда Лот упрекнул одного из своих учеников, Л. Альфена, в излишней эмоциональности, которую тот проявил на страницах своей книги «Карл Великий» — хотя как раз этот исследователь прославился среди коллег своей беспристрастностью и педантичностью. Для Лота всегда важно было подчеркнуть, быть может, не столько моральный облик и поведение какого-либо персо-

нажа, сколько вклад, который он внес в развитие цивилизации. Характерным примером могут послужить викинги, на протяжении многих лет грабившие Европу и обрекшие ее на экономическую стагнацию, однако которые, спустя некоторое время, спровоцировали активное развитие торговли в Атлантике. Однако высокие моральные, нравственные требования Лота к историческому исследованию способствовали тому, что его книги проникнуты духом глубочайшей человечности, которую так ценили в нем его коллеги и ученики. В этом отношении необычайно показательно то, как Лот оценивал падение династии Каролингов в 987–991 гг. и восшествие на французский престол представителя династии Капетингов: «Стремительная и окончательная победа Гуго позволила избежать впоследствии кровавых распрей. Налицо реальный результат восшествия на престол новой династии, единственно заслуживающий нашего внимания. Если рассматривать его с сочувствием, то не в силу необъяснимой и неоправданной симпатии к одной династии, а только из-за того, что это уменьшило количество войн и меньше пролилось крови». Безусловно, подобный взгляд на одно из важных политических событий французской истории конца X в. грозил бы стать однобоким, если бы Лот ограничился этими словами. На самом же деле подобная оценка автора вытекает из его убежденности, что события 987–991 гг. ничего не изменили ни в политической, ни в социальной жизни средневековой Франции. Однако, часто оценивая то или иное событие с точки зрения его значимости для развития цивилизации, Лот все же считал «порочным осуждать во имя так называемой исторической или национальной необходимости».

Выбор Ф. Лотом периода исторического исследования далеко не случаен. Средневековье всегда оставалось для него единственной и излюбленной темой исследования. Сам ученый так объяснял свой интерес к той эпохе: «Эстетически, эмоционально, мы зависим от средневековья, оно продолжается среди нас и оно живет в нас». Он был уверен, что именно период IV–X вв. был определяющим в истории Франции. Были и другие причины: как упоминалось выше, влияние его первого учителя, медиевиста Фюстеля де Куланжа и неизученность раннего средневе-

ковья. Сам Лот писал: «Мои научные труды и лекции ограничивались ранним средневековьем, эпохой с дурной репутацией в истории. Было ли это эксцентричностью? Вовсе нет. В начале моей научной карьеры еще предстояло написать или переписать пространные главы французской истории. Школа Хартий, казалось, присвоила себе конец средневековья (XIV–XV вв.). Первые Капетинги были вотиной Люшера, не говоря о Пфистере. Ланглуа был неразлучен с XIII в. и Филиппом Красивым. Лишь франкский период оставался не разработан. Именно над ним предстояло трудиться. Мои товарищи и я решили создать историю французских государей IX–X вв.». Более того, Лот считал, что именно этот период был переломным в истории средневековой Франции, ведь именно тогда появляются первые ростки политической и экономической организации общества, известной под названием феодализма: «Феодализм берет начало в конце Римской империи, незаметно формируется в правление Меровингов, продолжается при Карле Великом и, как огонь, таящийся под слоем пепла, с непреодолимой силой вспыхивает в середине IX в.».

Ф. Лот сделал удачный выбор. Львиная доля его трудов посвящена именно периоду IX–X вв., когда Францией правили короли из династии Каролингов, самым знаменитым из которых был франкский император Карл Великий (769–814 гг.). Но, по иронии судьбы, Ф. Лот начал разрабатывать этот период с его конца, то есть с периода правления последних Каролингов (954–987/991 гг.), о которых до него было написано несоразмерно мало.

Следует сказать несколько слов об истории Франкского королевства в правление династии Каролингов до 954 г., с которого Ф. Лот начинает свою книгу «Последние Каролинги». В VIII–IX вв. Франкское государство в период правления первых представителей династии Каролингов достигло своего политического расцвета. Короли Пипин III Короткий (751–769 гг.) и его сын Карл Великий (769–814 гг.), опираясь на преданную себе знать, располагая колоссальным экономическим потенциалом (огромными родовыми владениями, отчасти конфискованными у церкви, к которым они присоединили захваченные в войнах земли), смогли подчинить своей власти всю территорию королевства

и перейти к активной завоевательной политике за ее рубежами. В результате почти сорока лет непрерывных войн под властью Карла Великого оказался внушительный комплекс земель, включавший в себя, помимо самой Франции, Северную и Центральную Италию, Саксонию, Баварию, Алеманию, Фризию, Фриуль и Каринтию. На территории, подвластной Карлу Великому, действовал отлаженный административный аппарат, представленный в каждом округе — графстве — королевскими представителями — графами и епископами, часто воспитанными при Каролингском дворце. Их дублировал слой королевских вассалов, в силу своего положения пользовавшихся особым почетом и привилегиями и связанных с королем узами неразрывной верности. Карлу удалось подчинить своему влиянию франкскую церковь, ставшую одной из самых прочных опор его престола: франкский епископат фактически являлся проводником королевской политики, часто выполняя не столько религиозные, сколько надзорные функции, неся военную службу в королевском войске. В 800 г. в ознаменование своих побед Карл Великий принял императорский венец из рук папы Римского. Однако с 20-х гг. IX в., спустя лишь немного времени после смерти Карла (814 г.), для его империи настали сложные времена, показавшие всю хрупкость политического организма, созданного великим императором. На внешних границах франки были вынуждены перейти от наступления к обороне — участились набеги датчан и сарацин, а знать империи более не желала рисковать жизнью часто в бесплодных походах. События на границах осложнились внутривластным кризисом — сын и преемник Карла, Людовик Благочестивый (814–840 гг.), оказался неспособен удержать в своей власти отцовское наследство. Часть графов и епископата была недовольна тем, что император приблизил к себе отдельных представителей знати, отдав им предпочтение, а прочих отстранив от власти.

Ссора Людовика со своими сыновьями дала им предлог выступить против своего государя. В столкновении со своими сыновьями и мятежной знатью император потерпел поражение. После его смерти империя Карла Великого была поделена на три части между сыновьями Людовика.

Власть над Францией (Западно-Франкским королевством) досталась младшему отпрыску — королю Карлу II Лысому (840–877 гг.). Но за время междоусобной борьбы Людовика с его сыновьями, а затем и между ними самими произошли изменения, которые сделали невозможным возвращение к «золотым временам» первых Каролингов. Власть короля в VIII–IX вв. зиждилась на верности представителей могущественных родов, которые и являлись основным активным элементом завоевательной политики Каролингов, служили им в администрации королевства, занимая должности графов — временных и сменяемых чиновников. Но в период смут 30–40-х гг. знать научилась переходить из одного лагеря в другой, вымогая у королей-соперников милости и земли. Понятие верности государю было скомпрометировано уже самими Каролингами, которые в борьбе против друг друга не чурались подкупать вассалов своих противников или, в случае отказа, без справедливой причины лишать их земель и должностных постов. Королям приходилось договариваться о соблюдении крупными вассалами верности, отдавая земли и привилегии, а взамен получая расплывчатые обещания. Пока король обладал достаточно крупными владениями и верными вассалами, он мог, хоть и не без труда, диктовать свою волю. Но королевские владения не были безграничными. Вынужденный отдавать их в обмен на поддержку, король постепенно истощал свои ресурсы. Свою роль в ослаблении королевской власти сыграл и институт вассалитета, активно внедряемый Карлом Великим и его преемниками. Каждому свободному человеку предлагалось найти себе сеньора, который, конечно, был одним из представителей знати или королевских вассалов. Таким образом король мог рассчитывать, что в случае призыва в королевскую армию высшей знати и его же собственных вассалов, вместе с ними придут и их вассалы, за чье снаряжение оружием теперь отвечал сеньор. Однако то была палка о двух концах, поскольку вассалитет позволил крупной знати открыто сформировать свою частную вертикаль власти, которая впоследствии оттеснила государственную на второй план, и фактически создавать заслон между королем и населением его королевства. И без того непростую ситуацию усложнили грабительские рейды бретонцев и норманнских пиратов, постепенно превратившиеся

в планомерное заселение морского побережья Северной Франции. Единственной верной, хоть и достаточно неспокойной, опорой королевской власти еще оставалась церковь в лице могущественного и авторитетного франкского епископата, который распоряжался значительными церковными владениями и собственными войсками. И, кроме того, престиж имени Карла Великого, осененный благословением папы Римского, еще оставался силен на протяжении всего IX в.

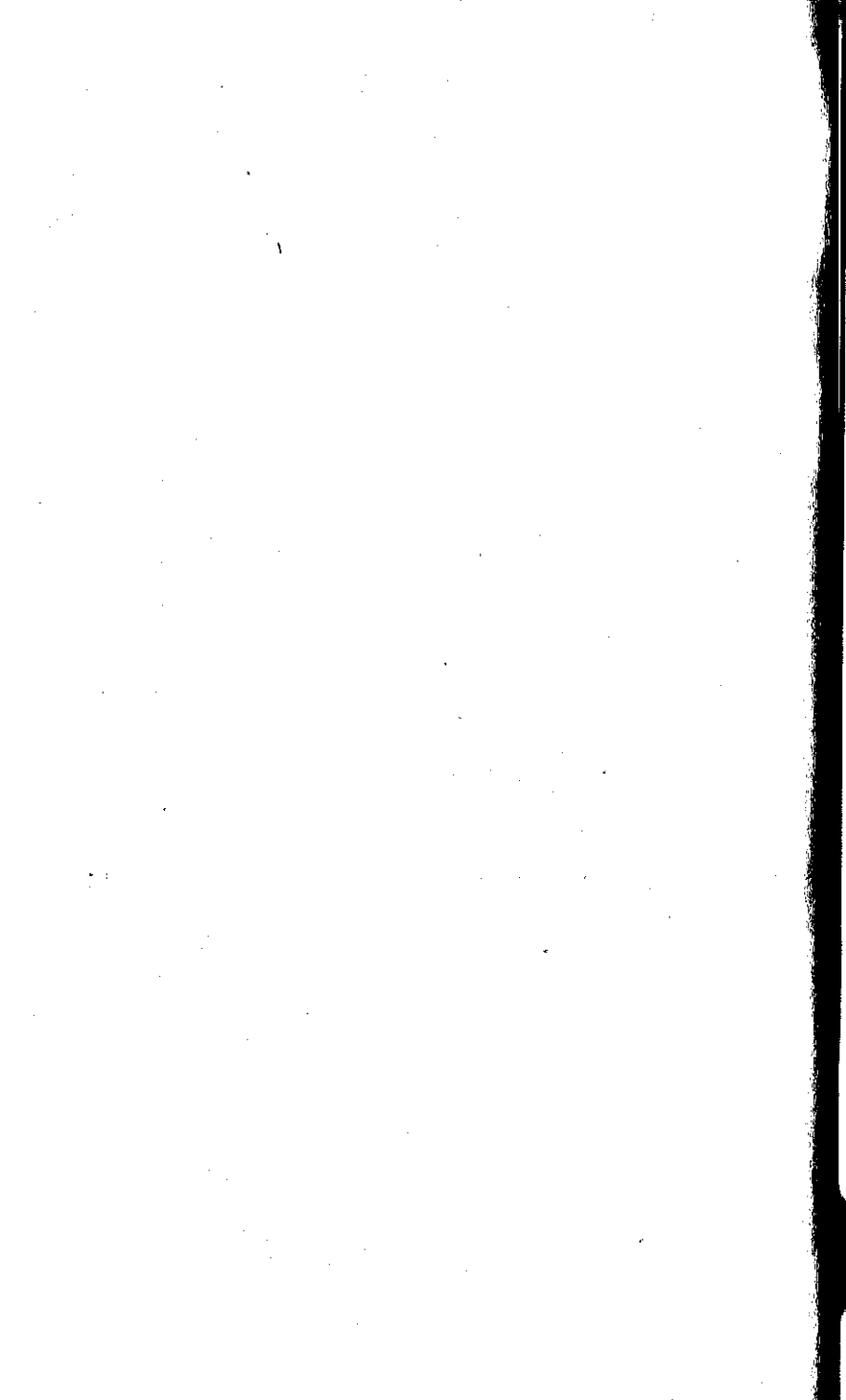
Опираясь на церковь и авторитет королевского имени, лавируя между многочисленными группировками аристократии, поддерживая то одних, то других, эксплуатируя уцелевшую административную структуру, Карл Лысый и его ближайшие преемники заставили уважать свою власть на территории своего королевства. Но ослабление королевской власти во Франции было ускорено из-за династического кризиса. В 887 г. император Карл Толстый, тремя годами ранее в последний раз объединивший империю Карла Великого, был низложен в Германии за неспособность к правлению. В Западно-Франкском королевстве в 888 г. королем был выбран не представитель Каролингов, внук Карла II Лысого, а один из наиболее могущественных аристократов Северной Франции — маркграф Нейстрии Эд I. Правление Эда было недолгим (888–898 гг.), но значимым по своим последствиям. Далеко не все признали власть выходца не из династии Каролингов. Бретонцы, знать Южной Франции, и без того достаточно независимые, не торопились подчиняться власти Эда. Другие — граф Фландрии, граф Пуатье, граф Отена, способные потягаться силами с новым королем, — хоть и принесли оммаж государю, ограничились внешней формой подчинения и прибирали к рукам королевские права и привилегии, заставляя королевских вассалов приносить им клятву верности в ущерб монарху. В их княжествах Эд, несмотря на всю свою активность и полководческий талант, начинал терять реальное влияние. Положение усугублялось тем, что новый король откровенно пытался увеличить могущество своего клана, который возглавлял его брат Роберт, в ущерб другим сеньорам, чем вызвал их раздражение. В 893 г. недовольные выбрали королем внука Карла Лысого, Карла Простоватого. Война между Эдом и Карлом Простоватым позволила крупной знати, как и раньше переходившей из одного лагеря

в другой, усилить свою независимость лицом к центральной власти. После смерти Эда I на престол по завещанию умершего короля, взошел Карл III Простоватый (896—922 гг.). Ему пришлось согласиться с переменами, произошедшими в период правления его предшественника, и признать за аристократическими родами, стоявшими во главе крупных земельных княжеств — Фландрии, Бургундии, Аквитании, Нейстрии, — фактическую независимость, невмешательство в их внутренние дела и право передавать свои земли и должности по наследству. Отныне владения короля располагались почти исключительно в Северной Франции. Внешнее благополучие и политические успехи, достигнутые в период правления Карла III (в частности, присоединение Лотарингии), стали возможны только благодаря союзу Каролинга с крупными магнатами. Но как только король Карл попытался обойтись без советов аристократии и незаконно отнял у одного из ее предводителей, Роберта, брата покойного короля Эда I, аббатство, его свергли с трона. Несмотря на то, что Роберт, провозглашенный мятежной знатью королем, вскоре был убит в битве с Карлом (923 г.), последнему так и не удалось вернуть себе престол. Вместо него королем был избран зять убитого Роберта I, Рауль I, герцог Бургундский (923—936 гг.). Чтобы добиться своего признания королем, Рауль должен был пойти на крупные территориальные уступки в Южной и Северной Франции. Вплоть до своей смерти королю пришлось бороться с магнатами, оспаривавшими его право на корону. Именно в этот период Южная Франция почти полностью стала автономной, ибо там преобладали сильные прокаролингские настроения и Рауля считали узурпатором. На севере же возможности королевской власти целиком и полностью зависели от взаимных договоренностей с крупной знатью, от которой государь отличался только традиционными королевскими функциями — быть гарантом мира и арбитром. Ближайшим сторонником и союзником короля был племянник Эда I и сын Роберта I, Гуго по прозвищу Великий, граф Парижский и маркграф Нейстрии.

Когда в 936 г. Рауль умер бездетным, северофранцузская знать во главе с Гуго Великим призвала на трон последнего отпрыска династии Каролингов, сына Карла III Простоватого, скрывавшегося в Англии; положение нового короля

казалось безнадежным. От некогда обширных владений его предков не осталось ничего, кроме города Лана. Епископские кафедры, которые ранее занимали верные государю лица, по большей части находились в руках знати, не склонной уступать их без боя. Король и шагу ступить не мог без разрешения Гуго Великого, претендовавшего осуществлять над ним постоянный надзор и контролировать его действия. По существу Каролингу отводилась роль символа, который не имел бы никакой реальной власти. Однако энергичный Людовик IV сумел изменить положение; он вырвался из-под опеки герцога и принялся отвоевывать свои владения, окружавшие королевскую столицу Лан. Он даже смог привлечь на свою сторону представителей крупной знати, которым грозила опасность со стороны амбициозного Гуго Великого, ведшего активную завоевательную политику во Франции, — Арнульфа I Старого графа Фландрии, Вильгельма I герцога Нормандии, Гильома IV графа Пуатье, Гуго Черного герцога Бургундии. Благодаря этому король смог удержаться на престоле, несмотря на ряд серьезных поражений, в ходе которых он даже попал в плен к Гуго Великому (945–946 гг.). В результате накануне своей смерти в 954 г. Людовик IV сумел восстановить небольшой, но компактный королевский домен вокруг двух городов Реймса и Лана, окружить себя мелкими вассалами и, главное, навязать себя в качестве неоспоримого государя Западно-Франкского королевства. В Северной Франции отныне царило своеобразное равновесие между королевской властью и династией Робертинов, которую по-прежнему возглавлял могущественный Гуго Великий, чей сын Гуго Капет в 987 г. взойдет на трон Франции. Правда, им обоим приходилось считаться с третьей силой — Оттоном I королем Германии из династии герцогов Саксонских, активно вмешивавшегося во внутренние дела Западно-Франкского государства. Повествование о событиях, последовавших после 954 г., до того момента, когда пресеклась династия Каролингов, содержится в предлагаемой читателю книге Ф. Лота, которую один из наиболее авторитетных французских медиевистов, И. Сассье, назвал «бесценным вкладом» в историю средневековой Франции.

КНИГА
ПЕРВАЯ



ГЛАВА I

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТИЕ ЛОТАРЯ (935-956)

*Вступление. — Очерк правления
Людовика Заморского. — Опекa Гуго Великого
над Лотарем.*

Участь последних потомков Карла Великого существенно отличается от судьбы последних Меровингов¹. Приемники Хлодвиг², сохранявшие свое могущество до смерти Дагоберта³ (январь 639 г.), потерпели полное поражение в битве при Тертри⁴ (687 г.); с той поры они не оказывали более никакого сопротивления, медленно угасая в праздности и безделье, и их агония продолжалась две трети века, вплоть до 752 г⁵. Потомки же Карла Великого⁶, напротив, никогда не смирялись с потерей власти. Они боролись до последнего вздоха с потрясающей энергией и активностью; но присущие им ум и отвага только усугубляли их бедственное положение; еще недавно всесильные, по крайней мере внешне, вскоре они подверглись плену и гонениям и были обречены влачить существование, полное нищеты и унижений. Падение Меровингов началось с середины VII в. Судьба обошлась с Каролингами совершенно иначе. Кажется, что они вовсе не имели ничего общего с такими ничтожествами,

как Теодорих III⁷ или Хильдеберта II⁸; скорее их влияние было настолько же прочным, как и влияние их предков, но они сами обманывались насчет размаха и реального содержания своей власти.

На самом деле, неоднократно изгоняемые и пленяемые потомки Карла Великого еще долго могли рассчитывать, если не на привязанность, то, по крайней мере, на почтение своих подданных. Правление сыновей Роберта Сильного⁹ и Ричарда Бургундского¹⁰, Эда¹¹ (886–898) и Рауля¹² (923–936), не было настолько овеяно славой, чтобы затмить престиж Карла Великого. Поэтому потомки великого императора еще дважды призывались на престол. Всего было две реставрации Каролингов, одна — Карла III¹³ (28 января 893), другая — Людовика IV¹⁴ (20 июня 936). Впрочем, их царствования оказались очень бурными. Известно, как закончил Карл III¹⁵. Людовик IV был так же несчастен, как и его отец¹⁶. Призывая его, Гуго Великий¹⁷, без сомнений, поддался некоторому чувству верности, но он также намеревался компенсировать свой отказ от короны, поставив молодого короля под свою опеку, вымогая из него всевозможные милости и используя в собственных интересах авторитет королевского имени; одним словом, он желал играть роль майордома¹⁸. Людовик Заморский был еще очень молод (ему не исполнилось и шестнадцати), когда его призвали во Францию, но уже очень быстро показал герцогу Франции¹⁹, что не имеет ничего общего с «ленивыми королями»²⁰. Обеспокоенный Гуго вступил в союз с Гербертом II, графом Вермандуа²¹, и Вильгельмом Нормандским²², направленным против Людовика IV; одновременно он сблизился с Оттоном I²³, королем Германии, женившись на его сестре Гатуиде. Казалось бы, имея столь могущественных союзников, ему легко будет раздавить молодого короля; однако тот сражался с необычайным упорством, поддержанный, главным образом, югом Франции²⁴, а затем, после тщетной попытки завладеть Лотарингией (939 г.)²⁵ и

Оттоном, с которым он примирился, взяв в жены его сестру Гербергу. Мир, заключенный между двумя королями в конце 942 г., был почетным для Людовика Заморского. Влияние и власть Людовика еще более укрепились благодаря двум событиям, произошедшим в начале следующего года. Один из его опасных противников, Герберт II, умер; а Вильгельм Нормандский был предательски убит в Пикиньи, во время встречи со своим врагом Арнульфом Великим, графом Фландрии²⁶. Опека над его молодым сыном Ричардом²⁷ и управление герцогством перешли к королю.

Сначала удача сопутствовала Людовику IV. Он занял Руан и подавил мятеж норманнских язычников Сетрика и Турмода; затем король отправил в Лан молодого Ричарда, чтобы воспитать его при своем дворе. Но вскоре все изменилось. Справедливо или нет, но Людовика Заморского стали подозревать в грубом обращении с ребенком и в страстном стремлении завладеть Нормандией. Норманн Осмунд, воспитатель Ричарда, тайком похитил его из Лана и с помощью датчанина Бернарда спровоцировал волнения в Нормандии (944). Они даже привлекли себе на помощь могущественного норманнского вождя по имени Гарольд. Гарольд назначил Людовику Заморскому свидание в устье Див (13 июля 945): но то была западня. Герлуин, граф Монтрейский, один из самых верных вассалов Людовика, был убит там с семнадцатью другими вассалами, королю же с большим трудом удалось бежать и скрыться в Руане. Но от этого он ничего не выиграл, поскольку жители города выдали короля врагам. Людовика постигла та же участь, что и его отца двадцать два года назад. Но Карл Простоватый, попав в плен, не получил помощи. Напротив, Людовик многим был обязан активным действиям своей жены Герберги, принявшей судьбу мужа близко к сердцу, и участию короля Германии, англосаксонского короля Эдмунда²⁸, а также герцога Франции. У последнего, правда, был свой

интерес; во время войны в Нормандии он не прекращал переходить из королевского лагеря на сторону Ричарда и, наоборот. Теперь же герцог, исходя из своих интересов, выгадал удобный момент, чтобы взять на себя такую же роль при Людовике Заморском, какую Герберт де Вермандуа играл при Карле Простоватом. Он добился у норманнов, чтобы они отпустили короля на свободу при условии, что тот отдаст им в качестве заложников своего второго сына и епископа Суассона, Ги Анжуйского²⁹. Но едва несчастный Людовик IV, вырвался из рук норманнов, как оказался во власти Гуго Великого. На самом деле Гуго, вместо того чтобы вернуть королю свободу, заточил его в темницу, поручив охрану Людовика IV своему вассалу Тибо, графу Шартра³⁰.

Около года Людовик Заморский находился под стражей. Гуго согласился его отпустить только в обмен на город Лан, столицу королевства, последнюю крепость, которая оставалась у Каролингского короля. Едва вырвавшись из плена (1 июля 946), Людовик бросился просить отмщения у своего шурина Оттона I. Объединившись с Конрадом, королем Прованса³¹, они были полны решимости раздавить непокорных. Три короля, к которым присоединился Арнульф Фландрский, вторглись во Францию с тридцатью тысячами человек, огромной армией для того времени, и в течение нескольких месяцев (август—ноябрь 946) разоряли владения Гуго Великого и Ричарда Нормандского. Они взяли Реймс, но потерпели неудачу под стенами Лана и Руана.

Кроме того, ситуация осложнялась непрерывными распрями из-за Реймского архиепископства. После смерти архиепископа Сеульфа (1 сентября 925), Герберт де Вермандуа приказал назначить на это место своего сына Гуго, которому было всего 5 лет³². Рауль и Гуго Великий не могли допустить столь возмутительное вмешательство; в конце 932 г. они назначили реймским архиепископом Артольда, монаха из Сен-

Реми де Реймс³³. Герберт пытался отстоять интересы своего сына. Но напрасно; король Рауль завладел Ланом, Амьеном, Хамом, Сен-Кантенем и в какой-то момент принудил его бежать в Германию (933–934). В 940 году Герберт, на сей раз в союзе с Гуго Великим, отвоевал Реймс у Людовика Заморского и его верного советника Артольда и снова восстановил своего сына на архиепископской кафедре.

Мы видели, что в 946 году Оттон и Людовик вернули себе Реймс. Естественно, они поспешили опять сделать архиепископом Артольда, который и был восстановлен на своем прежнем месте Робертом, архиепископом Трирским, и Фридрихом, архиепископом Майнцским. Гуго де Вермандуа протестовал и решил, что их с Артольдом тяжбу следует разрешить на соборе. С того времени события в Реймском архиепископстве и мятеж Гуго Великого были тесно связаны, причем герцог отныне мог рассчитывать на поддержку дома Вермандуа. Гуго начал с того, что отказался предстать перед двумя соборами, которые заседали в Вердене и в Музоне (17 ноября 947 и 13 января 948), где присутствовали только немецкие и лотарингские прелаты³⁴.

Тогда вмешался папа Агапит³⁵. Он отправил своего легата Марина, чтобы возглавить третий собор, который проходил 7 и 8 июня 948 в Ингельхейме на Рейне. На собор прибыло не только множество прелатов из Германии, но, помимо легата Артольда, Рауль, епископ Лана, и, наконец, короли Оттон I и Людовик IV. Последний долго жаловался на ущерб, причиненный ему герцогом Франции Гуго, и предложил, в случае если тот осмелится оспорить его обвинения, разрешить их поединком. В свою очередь Артольд выдвинул свои претензии к Гуго де Вермандуа.

Церковный собор (8 июня) приговорил Гуго де Вермандуа к отлучению от церкви. Гуго Великому грозила та же участь в случае его неявки на следующий собор. Герцог там не появился, и церковный

собор в Трире предал его анафеме. В своих интересах Людовик взял на себя исполнение соборного приговора. С помощью лотарингского войска герцога Конрада³⁶, предоставленного королем Оттоном, он вернул Музон, Амьен, Монтегю в Ланской области, а вскоре и сам Лан, благодаря военной уловке одного из своих вассалов, Рауля, отца историка Рихера³⁷ (к. 948—н. 949).

Теперь удача отвернулась от Гуго Великого, попытка захватить Суассон не удалась, а приговор об отлучении его от церкви был подтвержден папой Агапитом. Война всех утомила, и оба лагеря договорились о мире в начале 950 г., главным образом, благодаря вмешательству Конрада герцога Лотарингии, Гуго Черного³⁸, графа Бургундского, Фульберта, епископа Камбре и Адальберона, епископа Меца³⁹. Гуго Великий вернул королю крепость Лан, которую он все еще удерживал. Так, благодаря своей энергии, Людовик Заморский выбрался из бездны, в которую, казалось, безвозвратно пал пять лет тому назад. Свои успехи он укрепил на следующий год походом в Бургундию. Карл Константин⁴⁰, сын Людовика Слепого, короля Прованса⁴¹, и граф Летольд⁴² признали себя его вассалами. Возможно, что Людовик Заморский даже прибыл к Летольду в Безансон⁴³.

Последние годы Людовика IV не были столь беспокойными как в начале и середине его правления, но абсолютно безмятежные времена для него так никогда и не наступили. Мир с герцогом Франции и домом Вермандуа всегда оставался несколько хрупким⁴⁴. И словно не хватало междоусобных войн, чтобы причинить горе Франции, два венгерских вторжения, в 951 и в 954 гг., завершили опустошение.

В начале сентября 954 года Людовик Заморский возвращался верхом из Лана в Реймс и был уже недалеко от Эны, как вдруг перед ним выскочил волк. Людовик пришпорил свою лошадь; утомленное животное, не выдержав, рухнуло, и при падении король

тяжело пострадал. Его отвезли в Реймс, где вскоре же скончался в присутствии жены, детей и Гинкмара, аббата из Сен-Реми де Реймс (10 сентября 954). Его смерть была настолько неожиданной, что на похоронах, по-видимому, не присутствовал никто из знати. По желанию, король был похоронен в Сен-Реми де Реймс, справа от главного алтаря.

Внезапная смерть Людовика Заморского поставила династию Каролингов в полное тревог и опасностей положение. Людовик не принял мер предосторожности, чтобы еще при своей жизни назначить наследником престола своего старшего сына Лотаря. Если бы даже он это сделал, то все равно потребовалось, чтобы знать признала Лотаря королем. Герберга развила бурную деятельность для сына, так же как десять лет назад для захваченного в плен мужа. Начала она с того, что известила о своем печальном положении своих братьев Брюнона⁴⁵ и Оттона I. Но на тот момент они не могли оказать ей реальной поддержки, поскольку король Германии был занят в Баварии, сражаясь со своим мятежным сыном Людольфом⁴⁶. Брюнон, год назад назначенный своим братом на пост архиепископа Кельна и герцога Лотарингского, в свою очередь боролся с герцогом Конрадом. Герберга поняла, что настоящим арбитром в этой ситуации может быть только Гуго Великий; она поторопилась разузнать его намерения, попросив через посланников у него совета и помощи. Таким образом, Гуго в третий раз после смерти Роберта I⁴⁷ распоряжался короной. Как и раньше, по-видимому, он не пытался ее присвоить. Для этого у него было достаточно оснований. Без сомнений, он опасался, что, посягнув на трон, может вызвать недовольство не только французских сеньоров, но еще и Германии; на опыте Людовика IV, Рауля, своего же отца, он представлял, каким опасностям подвергается обладатель королевского титула ради сомнительной выгоды⁴⁸. Наконец, быть может, Гуго Великий стал лоялен к династии Каролингов,

которую он столько раз предавал. Мнения людей той эпохи настолько изменчивы и противоречивы, что последняя гипотеза вполне правдоподобна. Но что бы то ни было, Гуго дал благоприятный ответ на просьбу Герберги и, когда она отправилась к нему по его приглашению, принял королеву с почетом, утешил, пообещав возвести ее сына Лотаря на трон. Естественно, что герцог Франции заставил очень дорого заплатить за свое содействие.

После того, как было получено согласие Гуго и обеспечена поддержка Оттона и Брюнона, избрание стало не более чем формальностью. Собрание знати и епископов Франции, Бургундии, Аквитании проводилось в Сен-Реми де Реймс. Лотарь был избран, коронован и помазан архиепископом Реймса, Артольдом, в воскресенье 12 ноября 954 г*. Новый король, старший сын Людовика Заморского и Герберги, родился в Лане в конце 941 г. Таким образом, к моменту коронования, ему было полных тринадцать лет. Лотарь со своим братом Карлом, родившемся в 953 г., оказались единственными сыновьями, пережившими своего отца, Людовика Заморского: Генрих, близнец Карла, умер сразу же после своего крещения; другой сын, также названный Карлом, родился в 945 г. и был отдан на следующий год заложником к норманнам, чтобы выволить отца из плена; умер он, вероятно, так и находясь в плену у норманнов. В любом случае, перед 953 г., один из родившихся двух близнецов

* Рихер считал, что вся знать Лотарингии и несколько вельмож из Германии присутствовали на коронации. Это является одним из его привычных преувеличений, с помощью которых он пытался возвеличить престиж Каролингов. Напротив, нет ничего удивительного в том, что несколько вельмож из Готии (Руссильон и Испанская марка) могли появиться в Реймсе, как пишет хронист. Эти страны всегда находились в дружеских отношениях с королями из династии Каролингов, которым они оставались покорными (131, гл. III, 2).

получил его имя. Что касается Людовика, появившегося на свет в 948 г., то он умер в Лане, за несколько дней до приезда отца в Реймс, где тот также нашел смерть. Одна из сестер Лотаря, Альбрада*, была замужем за Рено, графом Руси⁴⁹; другую сестру, Гербергу, выдали замуж за Альберта, графа Вермандуа⁵⁰; третья, Матильда, десять лет спустя вышла замуж за Конрада, короля Прованса.

Герцог Франции немедленно подчинил своему влиянию семью Каролингов. Он начал с того, что заново заставил юного короля пожаловать ему во владение Бургундию и Аквитанию⁵¹. Таким образом, он становился истинным правителем целого королевства и поэтому вполне заслуживал титул «*Dux Galliarum*» (герцог галлов), который ему дал Рихер. С нашей точки зрения, Гуго рассчитывал подчинить Бургундию путем переговоров; с Аквитанией все было по-другому, он торопился отнять суверенную власть над этой страной у своего врага, Гильома Патлатого, графа Пуатье и герцога Аквитанского⁵². Но наступало уже позднее время года, и Гуго отложил поход до следующей весны. Впрочем, нужно было дать молодому королю время устроиться в Лане, своей столице, и заставить его удовлетворить прошения об иммунитете⁵³, подтверждение привилегий, всевозможных ходатайств, которые обычно имели место в начале нового царствования. Когда в конце ноября или в начале декабря 954 г. Лотарь вернулся из Реймса в Лан, Гуго сопровождал его и жил некоторое время возле него, чтобы завоевать доверие короля, уверяя в своей верности, а заодно контролируя его действия.

Во время этих событий Рено де Руси и Герберт де Вермандуа⁵⁴ продолжали волновать Север Франции своими непрерывными стычками, как делали это во время правления Людовика Заморского. Незадолго до

* Альбрада была дочерью Жильбера Лотарингского, первого мужа Герберги, а не самого Людовика IV.

коронации Лотаря воины Герберта неожиданно захватили замок Руси. Граф Вермандуа вернул его Рено, обменяв на определенное число деревень. В начале декабря военные действия возобновились. Рено захватил Монфеликс, крепость, принадлежавшую Герберту. Тот вместе со своим братом Робертом осадил ее; однако они, незамедлительно, приступили к переговорам с Рено, который тогда находился в Реймсе. Мир был заключен, обе партии обменялись взаимно захваченной добычей. Во время этих междоусобиц Лотарь и Гуго, вероятно, сохраняли нейтралитет.

Гуго не оставил свои планы относительно Аквитании; он рассматривал себя уже как действительного сюзерена этой страны; без сомнения, по его наущению жена Гуго, Гатуида, попросила Лотаря подтвердить для Готскалька, епископа Пуи, привилегии его церкви (8 марта 955; Лан). Приближалось благоприятное время для военных действий, Гуго начал приготовления к походу в Аквитанию. Его влияние было настолько сильно, что волей-неволей Лотарь вынужден был участвовать в осаде Пуатье против Гильома Патлатого, как сделал его отец Людовик IV в 936 г., сражаясь при Лангре против Гуго Черного⁵⁵. Участие Лотаря в этом походе, вероятно, было одним из секретных условий Гуго, выдвинутых во время его встречи с Гербергой, после смерти Людовика IV.

Перед отъездом Гуго Великий с большими почестями принял в Париже короля и его мать, где и оставил их на несколько дней праздновать Пасху (15 апреля 955). В эти дни там присутствовал также Тибо, граф Блуа и Шартра, вассал герцога Франции, и Жильбер, граф или герцог Бургундский⁵⁶. Жильбер после переговоров, детали которых нам неизвестны, признал себя вассалом Гуго Великого; по всей вероятности, именно тогда он выдал замуж или, по меньшей мере, обручил с Оттоном⁵⁷, младшим сыном герцога Франции, свою старшую дочь Леудегарду, наследницу большей части его владений.

Итак, герцог укреплял положение своего дома в Бургундии, главным образом, мирным путем. Никогда Гуго Великий не был столь могуществен, чем теперь. Благодаря браку своей дочери Беатрисы с могущественным графом Фридрихом Барским⁵⁸ (в 954 г.), с которым она была помолвлена в 951 г.), его влияние распространялось до Лотарингии. И, наконец, его дочь Эмма, еще в младенческом возрасте была обручена с Ричардом Нормандским.

После праздника Пасхи армия короля и герцога сразу не направилась в Аквитанию; Лотарь вернулся в свои владения, чтобы набрать войска. 21 мая 955 г. мы видим его в Компьене, подтверждающим реформу, проведенную в монастыре Сен-Баль-де-Верзи Артольдом, архиепископом Реймским. Наконец, к июню месяцу армия двинулась в поход. Гуго провел Лотаря через города Нейстрии, которые ему принадлежали, равно как и его вассалу Тибо Плуту, под предлогом демонстрации своей преданности, а в действительности, чтобы использовать себе на благо престиж, который еще остался у королей из династии Каролингов*.

Армия прибыла под Пуатье, но герцога Гийома там не обнаружила, т. к. тот, не имея достаточно сил, отступил в центр Аквитании, в Овернь, чтобы собрать там войска. Гуго, вместо того чтобы его преследовать и измотать превосходящими силами, совершил большую ошибку, остановившись и осадив Пуатье (август

* В числе городов, где оказали прием королю, Рихер упоминает Париж, Орлеан, Шартр, Тур, Блуа. Три последних города принадлежали Тибо: мы уже видели, что он встречался в Париже с Лотарем на Пасхальные праздники. В дипломе, дарованном в то время Вильдевею, вассалу Жильбера Бургундского, король упоминает о Тибо в следующих выражениях: «наивернейший граф Тибо». Получается, что Тибо находился в отличных отношениях с Лотарем, и нет ничего удивительного, что короля с почтением приняли в Шартре, Блуа и Туре. В данном случае мнение Рихера мне кажется весьма правдоподобным.

955). Неожиданно для него осажденные оказали сильное сопротивление, нарушившее все планы кампании. Правда, Рено де Руси удалось захватить и сжечь монастырь святой Радегунды. Однако этот штурм не только не улучшил положение осаждающих, но напротив повлекло за собой губительный результат в моральном отношении. Разразилась гроза, причинившая значительный ущерб лагерю осаждавших, которые решили, что навлекли на себя гнев святого Илария. Их боевой дух упал настолько, что осаду вскоре пришлось снять. Кроме того, армия была сильно измотана тремя месяцами утомительной войны летом; приближалось непригодное для ведения боевых действий время года; наконец, герцог Гильом Патлатый вернулся из Оверни, где он набирал армию из местных гарнизонов. Для деморализованной армии французов⁵⁹ это представляло большую опасность, т. к. они рисковали быть зажатыми между Пуатье и войском аквитанцев. В сложившейся ситуации нужно было отступать. Гильом, вместо того чтобы довольствоваться преследованием своих противников, непредусмотрительно ввязался в битву. Согласно мнению Флодоарда⁶⁰, уже одного вида французских войск было достаточно, чтобы обратить аквитанцев в бегство; напротив, по мнению Рихера, схватка была ожесточенной, и, чтобы отразить нападения аквитанцев, потребовались объединенные усилия кавалерии короля и герцога. Парадоксально, но повествование Рихера тут наиболее правдоподобно, поскольку невероятно, чтобы ослабленные изнурительной осадой французские войска в результате одержали победу так легко, как это утверждает Флодоард. Как бы то ни было, аквитанцы были побеждены; многие из них убиты или попали в плен. Герцогу Гильому с трудом с немногими людьми удалось бежать. Гуго Великий не смог его преследовать: слишком серьезные были потери, да и время года для этого становилось неподходящим. А своей победой он попросту обеспечил себе спокойное от-

ступление; однако его попытка завладеть Аквитанией полностью провалилась.

Король и герцог вернулись во Францию в октябре 955 г., 19 или 20 октября, Лотарь находился в Лане, где по просьбе Гуго Великого и Летольда, графа Макона, подтвердил привилегии аббатства Ключни.

Поскольку Аквитания ускользнула от Гуго Великого, ему пришлось компенсировать это Бургундией. Весной 956 г. Жильбер прибыл, как и в предыдущем году, в Париж. В момент, когда праздновал с Гуго Великим Пасху, неожиданно скончался (во вторник 8 апреля 956 г.), оставив свое герцогство герцогу Франции.

Однако теперь, когда Гуго Великий, казалось, достиг вершины успеха и могущества, когда он, без сомнений, размышлял о реализации своих честолюбивых замыслов по ту сторону Луары, и его смерть была не за горами. Он заболел в Дурдане, быть может чумой, которая опустошала Галлию и Германию (от нее погибли другие важные особы — епископы Роберт Трирский и Бодри Льежский). 16 или 17 июня 956 г. великий герцог франков, бургундцев, бретонцев и норманнов «окончил свой бренный путь». Его похоронили в аббатстве Сен-Дени, возле его деда короля Эда.

Хотя о смерти этого хитрого и беспринципного политика на деле мало кто сожалел, она все же поразила воображение современников, как бывает всякий раз, когда выдающаяся личность покидает мировую арену, где она играла важную и заметную роль. Говорили, что кончина герцога была предсказана в июне месяце появлением в небе безголового дракона.

ГЛАВА II

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТИЕ ЛОТАРЯ

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

(17 ИЮНЯ 956 Г. — 10 ОКТЯБРЯ 965 Г.)

Регентство Брюнона. — Со смерти Гуго Великого вплоть до кончины Брюнона.

Смерть Гуго Великого стала событием необычайной важности для Каролингов, поскольку из-за этого жизнь династии продлилась более чем на тридцать лет, а ход царствования Лотаря полностью изменился. Нет никаких сомнений, если бы Гуго Великий остался жив, то захотел бы оказывать неограниченное влияние на Лотаря. А если предположить, что позднее Лотарь пожелал бы избавиться от влияния герцога, то он неизбежно столкнулся бы с теми же препятствиями, что и Людовик Заморский. В таком случае его правлению суждено было бы стать лишь грустным подобием правления отца. Политическое наследие и авторитет Гуго Великого не могли сразу достаться его сыновьям: Гуго по прозвищу Капет¹, Оттону и Эду-Генриху². Они были еще несовершеннолетними, когда умер их отец³, и прошли многие годы, прежде чем старший смог унаследовать родительскую власть.

По крайней мере, территориальное могущество Робертинов во Франции оставалось нетронутым. Лотарь был слишком молод; и его королевская власть не настолько окрепла, чтобы отважиться открыто нанести удар по Робертинам⁴. К тому же, Брюнон приходился дядей как Гуго Капету и Оттону, так Лотарю и Карлу и не мог обделить одних ради выгоды других. Кроме того, Робертины находились под опекой Ричарда Нормандского, которому, умирая, поручил их отец. Однако было ясно, что авторитет и слава Робертинов за время их несовершеннолетия неизбежно ослабнут. С этих пор влияние Брюнона начало расти и стало гораздо более весомым, чем при жизни Гуго.

Благодаря дружеским отношениям двух сестер, Герберги и Гатуиды, союз Каролингов и Робертинов продолжался еще некоторое время под эгидой их брата, архиепископа Кельна и, как следствие, короля Германии. Таким образом, областью между Рейном и Луарой в течение нескольких лет правил своеобразный семейный совет, где Каролинги, Робертины и Оттоны были связаны отношениями тесного родства. В течение девяти лет (956—965) Брюнон оставался почти таким же регентом Франции, как и герцогом, или, скорее всего, вице-королем Лотарингии.

Его вмешательство в пользу Герберги стало явным тотчас после кончины Гуго Великого. Незадолго до смерти Гуго Ренье, граф Эно⁵, захватил у Юрсiona, вассала Реймской церкви, крепость, расположенную на реке Шер; кроме того, он завладел частью владений Герберги в Эно. Эти земли были вдовой долей⁶, подаренные королеве ее первым мужем Жильбером, графом Эно и герцогом Лотарингским. Однако у его племянника, Ренье Длинная Шея, не хватило терпения дожидаться смерти своей тетки; но здесь его постигла неудача. Лотарь, очевидно, по требованию своей матери осадил крепость на Шере, захватил ее и сжег; более того, Раулю, отцу историка Рихера, удалось

проникнуть в Монс, столицу Эно, и захватить в плен жену Ренье и двух его сыновей. Брюнон, получивший преимущество благодаря победам своего племянника и захвату важных пленников, смог навязать Ренье встречу с Гербергой (состоявшуюся сразу после смерти Гуго Великого). Он согласился вернуть Ренье его детей и пленных в обмен на захваченную у королевы собственность (лето 956). В то же время состоялись два собрания, одно в начале года в Ингельхейме, другое после Пасхи в Кельне, где Оттон I принял клятву верности и дары от лотарингцев. Брюнон надеялся, используя примирение между своей сестрой и Ренье, быстро усмирить Лотарингию, страну, которая постепенно подпадала под германское влияние; к примеру, должность Роберта, архиепископа Трирского, унаследовал Генрих, родственник короля Оттона, а место Фульберта, епископа Камбре, — Беренгарий, «зарейнский клирик». В конце 956 г. он был посвящен в епископский сан в Реймсе архиепископом Артольдом.

В начале 957 г. Лотарь вернулся в Верхнюю Бургундию*. Дальнейшие события продемонстрировали, что король пока не согласился даровать своему двоюродному брату Оттону инвеституру⁷ этого герцогства. Лотарь, без сомнения, искал возможность присвоить эту область или, по меньшей мере, заполучить некоторые ее города. Целью его путешествия было также подавление мятежа Роберта, графа Труа⁸. Известно, что Жильбер, герцог Бургундский, перед смертью выдал старшую дочь Леудегарду замуж за

* *Анналы Флодоарда* (957 г.): «Король Лотарь направился в Верхнюю Бургундию». Бургундия тогда простиралась до р. Об и включала в себя Санс и Труа. Для Флодоарда, который жил в Реймсе, Верхняя Бургундия была частью этой области, расположенной у истоков Сены и в бассейне Соны (73, 957 г.).

Оттона, младшего сына Гуго Великого, который в качестве приданого получил графства Бон и Оксерр. Вторая дочь Жильбера, Аделаида, вышла замуж в это же время за Ламберта, сына Роберта виконта Дижона, которому досталось графство Шалон на Соне. Но, судя по всему, Верра, третья дочь Жильбера, жена Роберта де Вермандуа графа Труа, ничего не получила из родительского наследства⁹; что и объясняло мятеж ее мужа. Без сомнения, Роберт рассчитывал возместить себе отсутствие приданого за счет своих свояков. Вероятно, чтобы оказать им помощь, Лотарь и организовал свой поход в Бургундию. Роберт был вынужден подчиниться и сдаться на милость короля.

Сразу же после этих событий Лотарь был срочно вызван на север Франции в связи с распрей между Балдуином, сыном Арнульфа Фландрского, и Роже, сыном Герлуина Монтрейского, начавшейся из-за Амьенского замка (*castrum*)*, и новым мятежом лотарингцев под предводительством Ренье, восставших против Брюнона, дяди короля. Бунт быстро подавили: Лотарь вместе с матерью и теткой Гатуидой соединил свои силы с войсками Брюнона в Камбрези. Видя приближение французской и лотарингской армий, Ренье не отважился защищаться. Он отправился к Брюнону в Сен-Сов де Валансьенн; Брюнон же под предлогом, что Ренье отказался дать заложников, решил избавить Лотарингию от этой опасной и беспокойной личности. Он увез его с собой в Кельн и выдал Оттону I. По приказу императора Ренье Длинная Шея был выслан

* Амьен принадлежал графам Монтрейским в первой половине X в. В 949 г. жители Амьена выдали его цитадель Арнульфу Фландрскому, и тогда Людовик IV захватил город. На следующий год (950) Гуго Великий вновь отбил замок Амьен. Неизвестно, были ли Амьен и Монтрей возвращены (захваченный в 948 г.) Роже. После похода Лотаря во Фландрию в 965 г. Амьен перешел к Готье Понтуазскому, а после его смерти в 986 г. — к его старшему сыну Готье.

к богемским славянам, где он вскоре скончался. Двое его сыновей, Ренье¹⁰ и Ламберт¹¹, получили воспитание при французском дворе, а управление Эно Оттон I передал своему верному рыцарю по имени Рихер.

В начале 958 г. Лотарю пришлось, как и два года назад, прийти на помощь Реймской церкви. Замок Куси (*castrum Codiciacum*), в свое время захваченный Тибо Плутом у Реймской церкви, был внезапно отбит вассалами архиепископа Артольда. Ардуин, кастелян графа Шартра, успел укрыться в неприступном донжоне. Чтобы заставить его сдаться, королю пришлось лично принять участие в осаде, вместе с Артольдом и большим числом графов и епископов*. Приблизительно через две недели Ардуин выдал своих племянников в заложники, и королевская армия сняла осаду. Тем временем Тибо подошел на помощь осажденным, но в Куси его уже не пустили (без сомнений, это являлось одним из условий капитуляции Ардуина). Он отомстил за себя, опустошив Ланскую и Суассонскую области и с помощью предательства захватив крепость Ла Фер. Задача вернуть эту крепость легла на плечи Рорикона, епископа Ланского, который осадил ее с реймскими войсками и со всеми своими друзьями¹² — вассалами и родственниками, которых удалось собрать. Вскоре и Лотарь подоспел ему на подмогу. Герберт де Вермандуа и Роберт де Труа стали тогда посредниками между королем и их шурином. Тибо пришлось отдать Ла Фер; но, вероятно, Куси ему вернули, либо к этому времени он сам взял эту крепость приступом.

* Лотарь должен был торопиться, ибо эта крепость, расположенная в самом центре королевского домена, могла вновь попасть в руки столь опасного человека, как Тибо Плут, ставшего союзником клана Вермандуа после своей женитьбы на дочери Герберта II Леудегарде.

Бургундию все еще раздирали распри из-за наследства герцога Жильбера. В начале 958 г. Рауль, граф Дижонский вассал Оттона, герцога Бургундского (возможно, завидуя удаче своего младшего брата Ламберта, который получил в приданое за своей женой Аделаидой, дочерью Жильбера, графство Шалон на Соне), задумал присвоить себе часть наследства Жильбера, похитив одну из его дочерей. Он захватил у Оттона его супругу Леудегарду вместе с Бонской крепостью и, по словам хрониста, женился на ней. Эта дерзкая затея не имела успеха. 1 мая Оттон вернул себе Бон и, без сомнения, свою жену.

Осенью 958 г. Лотарь во второй раз отправился в Бургундию. Его сопровождали мать Герберга, тетка Гатуида и двоюродный брат Гуго Капет. По-видимому, поход был затеян в интересах Робертинов, т. к. 11 ноября в деревне Марзи, под Невером, была собрана ассамблея, враждебная Гильому Патлатому. Очевидно, Гуго Капет по наущению своей матери вернулся к честолюбивым замыслам своего отца в отношении Аквитании, и Лотарь имел слабость с этим согласиться. Однако король был быстро наказан за свой опрометчивый поступок, и от согласия с его двоюродными братьями не осталось и следа. Дело в том, что Лотарь решил присвоить себе несколько бургундских городов, в том числе Дижон, поведя себя там как суверенный государь* (23 ноября), чем привел Робертинов в ярость. Ссора была настолько бурной, что Брюнон был вынужден примчаться в Бургундию с лотарингской армией, дабы разнять племянников и примирить

* Лотарь, без сомнения, тогда замыслил серьезные планы даже на Бургундское королевство. Монахи Ключи, которые уже добились от короля Конрада Бургундского подчинения им монастыря Сен-Аманд (Chartes de Cluny, V. II, № 1052), из осторожности сочли необходимым спросить такую же хартию от Лотаря. Они подозревали, что он в ближайшее время может захватить Бургундское королевство.

их. Однако примирение не удалось и в начале следующего года (959) Брюнон вернулся в Компьен, чтобы продолжить переговоры. Единственно, что он смог, — добиться, чтобы Гуго и Лотарь обменялись заложниками и заключили перемирие до времени, когда соберется ближайшая ассамблея.

Затем Лотарь с матерью отправился к своему дяде в Кельн, чтобы отпраздновать Пасху (3 апреля 959 г.). Брюнон, человек благоразумный, воспользовался приездом своего племянника, чтобы добиться от него «отказа» от Лотарингии. Быть может, Лотарь к тому времени лелеял мечту об этой стране, владеть которой, казалось, ему было предназначено уже хотя бы в силу его имени. Возможно, Оттон I с помощью Брюнона намеревался сделать своего сына королем Лотарингии (он осуществил этот замысел двумя годами позднее). Только при условии отказа от Лотарингии архиепископ-герцог гарантировал содействие своему племяннику в будущем. После этого Брюнон отправил короля обратно, наделив дарами. Лотарь и его мать вернулись в Лан к середине апреля.

Вскоре Брюнон смог порадоваться своей предусмотрительности. Едва Лотарь уехал из Кельна, как в Лотарингии началось крупное восстание под руководством Иммона — бывшего советника Брюнона*. Мятеж лотарингцев был спровоцирован мерами самого архиепископа, который приказал разрушать замки сеньоров, промышлявших разбоем; кроме того, Брюнон возжелал обложить знать Лотарингии налогом, к которому она не была привычна, и, возможно, не одним.

* Иммон был сеньором Шевремона и старым соратником Жильбера, герцога Лотарингского. В 939 г. Иммон покинул Жильбера и перешел на сторону Оттона I. Замок Шевремон принадлежал Жильберу. Скорее всего, что после того как он погиб, утонув в Рейне в 939 г., Иммон присвоил себе замок.

Чтобы подавить бунт и сдерживать лотарингцев на будущее, Брюнону пришлось разделить права и обязанности герцога с могущественным Фридрихом, графом Бара и Меца¹³.

Весьма вероятно, что если бы Брюнону не удалось заставить своего племянника отказаться от прав на Лотарингию, то лотарингские мятежники могли бы получить поддержку короля Западной Франции. В этом случае архиепископ-герцог оказался бы в гораздо более затруднительном положении.

Со своей стороны Лотарь не слишком сожалел о своем отказе от Лотарингии, поскольку уже в этом году ему потребовалась помощь дяди. Бургундские сеньоры по-прежнему оспаривали другу у друга наследство герцога Жильбера. Роберт, граф Труа, оставшийся ни с чем, вознамерился добиться главенства в Бургундии, завладев Дижоном, который к этому времени стал самым значимым городом в герцогстве. С помощью предательства (что было обычным делом в X веке) ему удалось изгнать королевский гарнизон из Дижона (лето или осень 959). Узнав об этом, Лотарь и Герберга срочно призвали на помощь архиепископа Кельна, который прибыл на их зов с армией лотарингцев и саксонцев. Одновременно с этим Ансегиз, епископ Труа, поссорился с графом Робертом и был изгнан тем из города. Епископ нашел пристанище у Брюнона и просил у него содействия. Поэтому две армии, французская и лотарингская, осадили Труа и Дижон в октябре 959. Но боевые действия затянулись, а вскоре из-за поражения наступающей стороны и вовсе были прекращены. Дело в том, что неожиданно для осаждавших Роберт из Труа получил подкрепление в лице сына Аршамбо, которому в предыдущем году (27 июня 958 г.) Лотарь (по настоянию своего шурина, Рено де Руси, или прельстившись денежным вознаграждением) неосторожно доверил важное Санское архиепископство, вакантное после смерти архиепис-

копа Гильдемана. Из Аршамбо получился скверный прелат (помимо других злодеяний, он был повинен в разрушении аббатства Сен-Пьер-ле-Виф), но вот воином он был отменным. Он встал на сторону своего отца вместе с Ренаром Старым, графом Санса¹⁴. В это время войска саксонцев, под командованием Гельпона, предводителя арденцев, разоряли деревни в окрестностях Санса и угрожали самому городу. Аршамбо и Ренар двинулись навстречу саксонцам с многочисленной армией и в Вильере около ла Ванн разбили их. Сам Гельпон пал в бою.

Получив известие об этом поражении, Брюнон, осаждавший Труа, свернул лагерь и вернулся со своей армией в Лотарингию. Лотарь вынужден был последовать его примеру и отложить осаду до следующего года. Первая половина 960 г. прошла в бесконечной борьбе, которую Реймская церковь вела с сеньорами и грабителями (в X в. это было одно и то же), которые только и ждали случая, чтобы ее обобрать. Несколько таких разбойников были захвачены около замка Омон Манассией, племянником архиепископа Артольда¹⁵, и повешены. Интересно, что в их рядах находился один священник. Другой разбойник, по имени Ламберт, захватил Мезьер, но затем должен был вернуть его Реймской церкви, которой принадлежал этот город. Сам Фридрих, герцог Лотарингии, принудил Ламберта возвратить город и лично проследил за возвратом.

Осенью 960 г. Лотарь и Брюнон возобновили военные действия против графа Роберта. Лотарь с матерью осаждали Дижон, а Брюнон в октябре вновь подошел к Труа. Соппротивление Роберта продолжалось так же долго, как в прошлом году. Он согласился на переговоры и выдал Брюнону двух заложников, который тотчас же передал их Лотарю. Эти заложники были теми самыми изменниками, которые сдали Дижон графу Труа. Король предал их суду; один из

них был заключен в тюрьму другой, сын некоего графа Одельрика, был приговорен к отсечению головы и казнен. Ансегиза восстановили на его епископской кафедре.

Брюнон все еще не мог примирить своих племянников, вражда которых длилась уже два года. Наконец ему это удалось: при его посредничестве Гуго и Оттон прибыли к Лотарю и принесли ему клятву верности. В свою очередь король назначил Гуго герцогом Франков и, кроме того, даровал ему Пуату. Оттону же была пожалована Бургундия. Это соглашение ущемляло интересы Лотаря, утратившего Бургундию в тот самый момент, когда подчинение Роберта, графа Труа, казалось, позволило королевской власти закрепиться в этом герцогстве. Более того, Каролинг рассорился с Аквитанией, что не принесло ему никакой пользы, но зато было очень выгодно Робертинам. Таким образом, подготавливая примирение между королем и Робертинами, Брюнон скорее заботился об интересах всех своих племянников, а вовсе не ратовал о выгоде одного Лотаря¹⁶.

В то же время архиепископу-герцогу пришло известие из Лотарингии, что его враги Роберт и Иммон готовят мятеж, и с этой целью укрепляют Намюр и Шевремон. Он примчался, но нашел страну полностью опустошенной, а противников — обильно запасшихся продовольствием на случай осады. Все, что ему оставалось, — это заключить перемирие; затем он вернулся в Кельн.

В это время Лотарь отвоевал Дижон и вновь разместил там королевский гарнизон (нояб.—дек. 960 г.): В конце декабря 960 г. он вернулся в Лан и прожил в этом городе вплоть до Пасхи следующего года (7 апреля 961). Именно тогда он принял у себя Оттона, сына Гуго Великого, и зять из Франции и Бургундии¹⁷. Вероятно, на этом многочисленном собрании, созванном во время Пасхи, Лотарь торжественно инвести-

ровал Оттона Бургундией. Затем в Суассоне состоялось еще одно собрание, на котором присутствовало множество сеньоров. Основной причиной, которую обсуждали на собрании, была распря двухлетней давности между Тибо, графом Шартра, и Ричардом Нормандским. Надо полагать, что Тибо, подстрекаемый своей женой Леудегардой¹⁸ (мачехой Ричарда), был обеспокоен проникновением норманнов в Бретань, поскольку сам желал владеть этой областью¹⁹. Из-за этого граф Шартра уже много лет враждовал с Нормандией. Ему удалось привлечь на свою сторону короля Лотаря, Гербергу и даже Брюнона; это объясняет, почему Ричард дважды отказывался явиться на переговоры, которые ему предложил Брюнон, очевидно, в начале 959 г.

Сам Ричард в 960 г. женился на Эмме, дочери Гуго Великого, с которой был помолвлен после смерти герцога. Этим браком он упрочил связь с Гуго Капетом, своим бывшим воспитанником (который к этому времени должен был достигнуть своего совершеннолетия), а теперь ставшим его шурином. Таким образом Тибо, который не мог рассчитывать на дружбу своего сюзерена²⁰ — герцога Франков, пришлось искать поддержки у Лотаря и Герберги. Жоффруа Серый Плащ, граф Анжуйский, которого страшили притязания норманнов на Бретань²¹, Балдуин (которому старик Арнульф передал управление Фландрией)*, присоединил свои голоса к жалобе Тибо на Ричарда Нормандского. Был ли Ричард Нормандский осужден собранием Суассона и королем, хотел ли он отомстить за себя? Вызывали ли его на собрание, чтобы завлечь в западню? Мы не знаем точно. Нам известно лишь то, что между Лотарем и Ричардом тут же разразилась война. Ричард был побежден. Преследуемый Тибо,

* Враждебность Балдуина можно объяснить попыткой Ричарда захватить Понтьё.

Жоффруа и Балдуином вплоть до берегов Эны, он укрылся в Руане (чуть позже 7 апреля 961).

Видимо, именно тогда у Лотаря под влиянием Тибо Плута сложились честолюбивые замыслы в отношении Нормандии. Сам Тибо с помощью королевских войск осадил и взял Эврё, однако вряд ли король лично принимал участие в осаде этого города. На самом деле в это время Лотарь задумал один важный поход в Бургундию. Видимо, он руководствовался серьезными мотивами, т. к. даже неожиданная смерть архиепископа Реймского Артольда (30 сентября 961 г.) его не остановила. Спустя один или два дня после смерти Артольда король в сопровождении своей матери, Рорикона, епископа Лана, Гибуина, епископа Шалона, Рено, графа Руси, и других сеньоров, покинул Лан. Он двигался столь быстро, что ему хватило всего трех дней, чтобы пройти 220 километров, которые отделяют Лан от Конде в Булиньи (Верхняя Марна), где он оказался 5 октября 961 г. Эта деревня принадлежала его родственнику Гуго, последнему графу Лана, умершему совсем юным, за несколько дней до отъезда короля. Следуя воле покойного, и по просьбе своего окружения Лотарь пожаловал эту деревню Конде монастырю Сен-Реми де Реймс. Несколько аквитанских епископов и вельмож присоединились к Лотарю в Бургундии. Поддержал ли король притязания Гуго Капета на Аквитанию, или напротив, примирился с Гильомом Патлатым? Мы опять не располагаем никакими сведениями на этот счет.

Раймунд I, граф Руэрга и маркграф Готии²², умер в этом году (961) перед 7 сентября. Вполне возможно, что его сын Раймунд II²³, тогда в возрасте 12–13 лет, прибыл со своей матерью Бертой, племянницей Гуго короля Италии²⁴, принести клятву верности Лотарю и получить в пожалование Руэрг и маркграфство Готию.

Кажется, что в это время власть Лотаря была признана и Лионнэ. 11 декабря в деревне Таблидина король подтвердил дарение дамы по имени Эммена, которая отдала монастырю Сен-Мартин-де-Савиньи церковь Сан-Пьер-ля-Ноэль. Но, видимо, король не стал возвращаться к прежним планам завоевания Бургундского королевства, так как то ли в этом же году, то ли спустя два-три года он выдал свою сестру Матильду замуж за короля Конрада. Вместо приданого за Матильду Лотарь отказался от своих более-менее реальных прав на города Лион и Вьенн²⁵.

В начале 962 г. присутствие Лотаря потребовалось на Севере Франции, чтобы избрать преемника Артольда на столь важный пост, как Реймское архиепископство. Но в этом деле Каролинги неожиданно столкнулись с серьезными препятствиями. Альберт и Герберт де Вермандуа, Роберт де Труа просили (а возможно, и потребовали), чтобы наследником Артольда назначили его старого соперника, их брата Гуго. Если их требование было бы удовлетворено, то Каролинги оказались бы в весьма критическом положении. Маленький королевский домен тогда бы был окружен владениями дома Вермандуа; с избранием Гуго де Вермандуа архиепископом король больше не смог бы рассчитывать на столь необходимую поддержку из Реймса.

Герберга, испуганная усиливавшейся враждебностью этого опасного клана, срочно отправилась к своему брату Брюнону, как обычно жалуясь на затруднения. В довершение несчастий Гуго Капет, как и его отец тридцать лет назад, возобновил союз Робертинов с домом Вермандуа. В начале марта, во время встречи с Лотарем, он попросил назначить Гуго архиепископом. Король отказался, или дал уклончивый ответ. Военные действия, однако, вспыхнули не сразу; все заинтересованные стороны согласились на перемирие до середины апреля. По приказу короля, в тот

день в неизвестном месте на Марне, в окрестностях Мо, под председательством Аршамбо состоялся собор тринадцати епископов из Реймского и Санского диоцезов. Собору надлежало решить, можно ли восстановить Гуго в прежнем сане. Сам Гуго де Вермандуа мог рассчитывать на поддержку своих сторонников, особенно на Парижского, Орлеанского и Санлиского епископов, поскольку эти диоцезы были непосредственно подчинены Гуго Капету. Но у них нашлись решительные противники в лице Рорикона Ланского* и Гибуина Шалонского, епископов, преданных Каролингам. Они настаивали на том, что отлучение Гуго де Вермандуа от церкви, провозглашенное прелатами на соборах Вердена, Музона, Ингельхейма и Трира, не может быть отменено епископами нынешнего собора из-за их малочисленности. В конце концов прелаты решили передать дело на суд папы Иоанна XII²⁶. Постановление собора не оставляло никаких сомнений — ведь Иоанн XII фактически находился в подчинении у Оттона I, которого он короновал императором 2 февраля прошлого года. А Брюнон, конечно, не преминул уведомить своего брата о сложившейся ситуации. Поэтому Гуго де Вермандуа был снова отлучен от церкви папой и римским духовенством и, кроме того, собором, собравшимся в Павии. Осенью 962 г. во Францию был отправлен легат, чтобы огласить этот приговор. Брюнон не медля известил об этом реймское духовенство и одновременно представил ему своего кандидата на архиепископский престол — Одельрика²⁷, знатного и образованного каноника капитула Меца, бывшего, как говорили, потомком св. Арнульфа²⁸. С согласия Лотаря и Герберги Одельрик был избран духовенством Реймса и посвящен в

* Рорикон был внебрачным сыном Карла Простоватого. Он стал канцлером своего брата Людовика IV с 1 августа 943 г. и епископом Лана с 949 г.

архиепископы в аббатстве Сан-Реми Ги Суассонским, Рориконом Ланским, Гибуином Шалонским, Гадульфом Нуйонским и Викфридом Верденским (между 8 сентября и 14 октября 962 г.). Гуго де Вермандуа бежал в Мо к своему брату Роберту и вскоре скончался от огорчения. Эта смерть положила конец разногласиям между двумя лагерями — родом Вермандуа и Робертинами с одной стороны и Лотарем и Брюноном с другой.

Но если здесь ситуация стабилизировалась, то в Нормандии события приняли скверный оборот. Ричард отомстил за захват Эвре (конец? 961), огнем и мечом пройдясь по окрестностям Шартра и Дюнуа (весна 962). В свою очередь Тибо собрал три тысячи человек и встал лагерем в Герментрувиле (Сен-Север) на левом берегу Сены, прямо напротив Руана. Но Ричард, переправившись под покровом ночи через реку, на рассвете застиг врасплох спящих французов, убил из них шестьсот сорок человек, а остальных обратил в бегство. Тибо, сломя голову, бежал в Эвре. В довершение несчастий умер его сын Тибо, а Шартр сгорел (5 августа 962 г.).

Искать помощи у своего сюзерена Гуго Капета не имело смысла. Герцог Франков, пришедшийся родственником Ричарду, возненавидел Тибо из-за его войны с Нормандией. Поэтому граф Шартра нашел убежище у короля. Лотарь и Герберга оказали ему радушный прием, утешили и, без сомнений, оказали ему подмогу, когда он снова отправился в Шартр.

Как раз перед этими событиями умер Гардуин, епископ Шартра. Лотарь и Тибо назначили его приемником Вульфальда, аббата королевского монастыря Сан-Бенуа-на-Луаре (962 г. после 8 сентября).

Надо полагать, что известие о том, что Ричард призвал себе на помощь датских пиратов, было одной из причин расположения Лотаря и Герберги к Тибо. Датчане в конце года высадились в Жефосс и в течение

трех или четырех лет разоряли пограничные с Нормандией страны, правда, избегая крупных столкновений.

Хотя честолюбивым замыслам, которые Лотарь лелеял в отношении Нормандии, не суждено было сбыться, он вскоре получил весомую компенсацию во Фландрии. Старый граф Арнульф не перестал поддерживать добрые отношения с королем и Реймской церковью. В начале правления Лотаря граф прибыл к королю с просьбой подтвердить восстановление монастыря Сен-Бавон в Генте, предпринятое святым Герардом Броньским²⁹. В 959 г. Арнульф приехал в Реймс и сделал дорогие подарки собору и аббатству Сен-Реми. В 958 г. он поручил управление Фландрией своему сыну Балдуину (который, как мы видели, в 961 г. сражался с Ричардом Нормандским), но Балдуин скончался (одновременно со своей сестрой Леудегардой) 1 января 962 г. и был погребен в аббатстве Сен-Бертен. Тогда Арнульфу снова пришлось взять бразды правления Фландрией в свои руки. Он тут же начал борьбу со своим племянником, которого обвинял в убийстве своего брата. В начале осени 962 г. Лотарю во время встречи с Арнульфом удалось примирить противников. В знак благодарности старый Арнульф завещал все свои владения королю при условии, что тот вступит в свои права только после его смерти. И хотя спустя два с половиной года Лотарь не смог реализовать все свои надежды на Фландрию, значительную часть этого графства он заполучил.

Поскольку отношения с Гуго Капетом оставались враждебными, Лотарь принял мудрое решение — примириться с аквитанцами. Гильом Патлатый лично прибыл к королю. 14 октября 962 г. около замка Витри он добился подтверждения передачи «дворца Фага» (на юге Пуатье) во владение его жене, герцогине Аделаиде Робертом, сыном графа Мангауда. В конце этого же 962 г. Лотарь по просьбе Гильома подтвердил основание монастыря Св. Троицы в Пуатье его ма-

терью Аделаидой Английской, вдовой графа Эбля³⁰, умершего тридцать лет назад.

К несчастью, Гильом Патлатый умер на следующий год в монастыре Сен-Кипрьен де Пуатье, куда он удалился после того, как некоторое время был монахом в монастыре Сен-Мексен. Его смерть, казалось, надолго прервала отношения между Аквитанией и королевской властью. Однако Робертины больше не пытались присвоить Аквитанию себе.

Брюнон, предложив реймскому духовенству кандидатуру Одельрика, сделал правильный выбор. Новый прелат был человеком энергичным и сразу после своего избрания начал упорную борьбу с соседними сеньорами — настоящими разбойниками, которые только и делали, что воровали и грабили. Самыми опасными из них были князья из рода Вермандуа и Тибо Плут. Воспользовавшись тем, что архиепископская кафедра Реймса некоторое время была вакантной, они прибрали к рукам многие владения архиепископства. Одельрик дал им сто двадцать дней, чтобы вернуть похищенное, а по истечении срока пригрозил отлучением от церкви. Новый архиепископ, естественно, испытывал неприязнь к князьям Вермандуа, которые отвечали ему взаимностью, затаив злобу из-за неудач и смерти их брата Гуго. Равным образом их ненависть распространялась и на Рорикона и Гибуина, которые провалили кандидатуру Гуго — ведь если бы не сопротивление этих прелатов, Гуго скорее всего стал бы архиепископом, тем более что его поддерживал Гуго Капет. Теперь клан Вермандуа искал случай отомстить. Рорикон, живущий в Лане возле короля, был для них недосыгаем. Но вот его архиепископство было уязвимо. Герберт отторгнул от него крупный, богатый и густонаселенный городок Эперне. Епархия Гибуина также из-за своего уязвимого расположения была легкой добычей для Роберта, графа Труа. Сразу же после избрания Одельрика Роберт и его брат

Герберт пристально следили за городом Гибуина — Шалоном, ничем не выдавая своих намерений. Еще 1 апреля 963 г. Лотарь находился в Суассоне, владении графа Герберта, и подписал хартию в пользу аббатства Омблиер. А чуть спустя, Герберт и Роберт де Труа, выгадав отсутствие Гибуина, сразу по прошествии ярмарки, осадили Шалон и, захватив, спалили город. К счастью, защитникам удалось укрыться в башне и дожидаться подмоги.

Мир между домом Вермандуа и архиепископством Реймса установился только на следующий год. Герберт добился дружбы Одельрика, вернув ему Эперне, так же как и все остальные владения, захваченные им у Реймской церкви.

Тибо Плут оказался более упорным. Будучи отлучен от церкви в 964 г., он согласился вернуть Куси только в начале следующего года, причем поставил условие, чтобы архиепископ, помимо полного прощения, передал Куси во фьеф его сыну. Словом, энергичному Реймскому прелату менее чем за два года силой или при помощи дипломатии удалось вернуть все владения своей церкви.

965 г. был насыщен событиями, судьбоносными для династии Каролингов: старый Арнульф Фландрский умер 27 марта и был похоронен в монастыре Сен-Пьер в Генте. Лотарь, считавший себя его наследником, тут же вознамерился захватить Фландрию. Но фламандцы и слышать не хотели о том, чтобы король Франции стал их непосредственным правителем. Они провозгласили графом Фландрии Арнульфом II³¹ ребенка — внука Арнульфа Великого, и назначили его опекуном Балдуина, который и стал настоящим регентом страны. Тогда Лотарь бросился во Фландрию и за несколько дней без боя взял Аррас, Дуэ, Сен-Аманд и прочие земли вплоть до Ли. На этом он остановился, т. к. при посредничестве епископа Рорикона между ним и фламандскими сеньорами

начались переговоры, закончившиеся очень быстро. Фламандцы покорились королю, но Лотарь оставил Фландрию Арнульфу II и Балдуину, сохранив, правда, свои завоевания. Это было наиболее разумное решение. Когда мир был заключен, Лотарь вернулся в Лан, оставив во Фландрии свою мать Гербергу и брата Карла, сопровождавших его в походе. Впрочем, они вскоре собрались вместе, чтобы в мае месяце с Одельриком и Гатуидой отправиться в Кельн к Оттону I.

В начале 965 г. Оттон, вернувшись из Рима, созвал во Франконии и Лотарингии несколько пышных ассамблей, которые способствовали укреплению его власти в этих мятежных регионах. 2 февраля он вместе со своим братом Брюноном находился в Вормсе. Пасху (23 марта) он отпраздновал в Ингельхейме, где пробыл вплоть до 23 мая (известно, что Оттон по просьбе своей жены, императрицы Адelaide, аббата Гинкмара и Вильгельма, архиепископа Майнца, своего незаконнорожденного сына, подтвердил владельческие права аббатства Сен-Реми де Реймс на местечко Кюзель). Но самое представительное собрание состоялось в Кельне; там Герберга с сыновьями снова встретилась со своими братьями, Оттоном и Брюноном, и матерью Матильдой. Мы не знаем точно, зачем созывалось это многочисленное собрание и какие вопросы на нем обсуждались. Ясно, что Оттон, власть которого достигла своего апогея, выступил как хозяин Западной Европы. Надо полагать, что Лотарь, которому исполнилось около двадцати пяти лет, на величественном собрании 2 июня 965 г., производил впечатление подвассального Оттону короля — мы видим его, наряду с Брюноном, Фридрихом Барским, Одельриком и другими лицами, подписывающим хартию, подтверждающую основание аббатства Сен-Мартен де Льеже епископом Эвераклием. Вероятно, на этом же собрании впервые рассматривался вопрос о браке между Лотарем и Эммой, дочерью императрицы

Аделаиды и ее первого мужа, Лотаря, короля Италии³² (этот брак заключили спустя шесть или семь месяцев).

Чуть позже Каролинги покинули императорский двор. Герберге не суждено было более встретиться с матерью и братом Оттоном. Лотарь уехал в июне или, возможно, лишь в июле.

Вернувшись в Лан, король не замедлил в очередной раз рассориться со своими двоюродными братьями — Робертинами. Причиной ссоры послужила смерть Оттона, герцога Бургундского, скончавшегося 23 февраля. Бургундские сеньоры, не потрудившись узнать мнение короля, обратились к братьям покойного герцога, Гуго Капету и Эду (Oddo), которого также называли Генрихом. Несмотря на то, что Генрих был клириком, его тут же выбрали герцогом. Конечно, Лотарь был глубоко задет подобной бесцеремонностью, поскольку сам имел виды на Бургундию и владел Дижоном. Тем не менее, распри из-за Бургундии начались только после похода короля во Фландрию и поездки в Кельн. Столкновение было столь яростным, что Брюнону пришлось поспешить в Компьен, дабы примирить своих племянников (сентябрь 965). Но эта поездка стала для него последней — во время переговоров Брюнон заболел. Он тогда находился в Реймсе, где был принят с любовью и почестями архиепископом Одельриком; там он слег и скончался спустя пять дней, в ночь с 10 на 11 октября. Викфрид, епископ Вердена, и Теодорих, епископ Меца, двоюродный брат Брюнона отвезли его тело в Кельн и вскрыли завешание.

Смерть Брюнона стала значительным событием для земель, расположенных между Рейном и Луарой, которыми он управлял в течение десяти лет. Оттон потерял в его лице искусного правителя Лотарингии, а Лотарь — мудрого и преданного опекуна. Биограф Брюнона уверял, что Оттон поручил ему Францию в качестве провинции (*provincia*). Хотя его утверждение и сильно преувеличивает действительность, следует

признать, что Брюнон на самом деле, с согласия своей сестры Герберги, направлял действия Лотаря в период его несовершеннолетия и фактически управлял Северной Францией*. Лишь последние два-три года, когда Лотарь подрос, влияние Брюнона стало постепенно ослабевать.

Смерть Гуго Великого и поддержка Брюнона позволили королевской власти Каролингов укрепить свои позиции и еще сорок лет противостоять могуществу Робертинов. Однако помощь Брюнона не была полностью бескорыстной; безусловно, своей выгоды он не упустил. Будучи покровителем Лотарю, он в свою очередь привлекал этого короля для усмирения беспрестанных восстаний в Лотарингии; например, как в случае с Ренье Длинной Шеей. После смерти Брюнона узы, связывавшие Каролингов и Оттонов, постепенно ослабели; в Лотарингии, казалось, умиротворенной в последние годы жизни Брюнона, власть Оттонов вновь стала непрочной, когда лотарингские сеньоры снова могли искать поддержки у короля Франции или, по крайней мере, скрываться при его дворе.

Можно только удивляться тому, что Оттон и Брюнон покровительствовали Лотарю в период его несовершеннолетия. Ведь подобное поведение, казалось, противоречило нравам X века. Непонятно, почему король Германии не воспользовался смертью Людовика IV, чтобы захватить корону Западной Франции. На самом деле, предприятие подобного масштаба сулило преодоление значительных трудностей и столь мелкие преимущества, что Оттон, наверное, даже и не помышлял о нем. Кроме того, ему препятствовал ряд обстоятельств: тесные родственные связи, связывавшие Оттонов с Каролингами, а также почтение,

* Витте пишет: «В наших отношениях с нашими западными соседями его карьера ознаменовала апогей доверия и превосходства, апогей, которого уже никогда не удастся достичь» (360, стр. 25).

которое саксонская династия, возможно, питала к потомкам Карла Великого. Ведь если Каролингам был выгоден союз с королем Германии, самым могущественным государем на Западе того времени, то и королю из Саксонской династии было почетно породниться с потомками великого императора. Даже если не учитывать этих суждений морального свойства, предприятие получалось не из легких. Ведь только в одной Северной Франции Оттону пришлось бы сломить сопротивление не только мелких князей Эно, Руси, Вермандуа, но и претендента на престол — герцога Франции и его могущественного вассала герцога Нормандского. А каждый из них был фигурой, способной противостоять коалиции двух или трех королей. У Оттона была возможность убедиться в этом в 946 г. (при осаде Руана)³³. Чтобы их подчинить, потребовались бы нескончаемые войны, а королю Саксонской династии и без того хватало забот, чтобы сохранить единство Германии и противостоять славянам и венграм. Таким образом, Оттон повел себя вполне осторожно и осмотрительно, когда ограничил свои амбиции одной Лотарингией (где как вице-король правил его брат). Он удовольствовался (в 959 г.) тем, что потребовал у Лотаря, который был уже в силах претендовать на эту область, отказаться от нее. Наконец, когда Оттон обратил взор к Италии, ему стало уже не до честолюбивых планов в отношении Франции (если они у него вообще когда-нибудь были)*.

* Витте пишет: «Он был достаточно проницателен, чтобы понять, что королевство западных франков будет сопротивляться попытке провести национальную реформу, и отказался от объединения этого королевства с своим. Поэтому его отношения с государями той страны преследовали самую конкретную цель. Ему было необходимо защитить Лотарингию и время от времени демонстрировать соседям свою силу, чтобы у них даже и мысли не появилось вновь овладеть этой провинцией. Оттон занял позицию над партиями и играл роль арбитра, господствуя над обоими лагерями» (360, стр. 11).

ГЛАВА III

СО СМЕРТИ БРЮНОНА ДО СМЕРТИ ОТТОНА I

(967-973)

О событиях этого периода известно очень мало. Флодоард дает сведения только до конца 966 г., а Рихер начиная с 970 г. За временной отрезок с 968 г. и по 973 г. не сохранилось ни одной грамоты и ни одной летописи. По всей вероятности, время это для Севера Франции было относительно безмятежным. Для власти же Каролингов это была переходная эпоха, когда, освободившись от опеки Германии, они еще не успели занять враждебные позиции по отношению к императорам из Саксонской династии, что произойдет почти сразу же после кончины Оттона I.

В конце 965 г. или в начале 966 г. Лотарь женился на Эмме, дочери императрицы Аделаиды и ее первого мужа Лотаря, короля Италии*. Видимо, Эмма оказы-

* Эмме исполнилось более восемнадцати лет, поскольку к моменту смерти своего отца Лотаря, короля Италии (22 ноября 950 г.), прошло всего три года, как он женился на Аделаиде. Первоначально Аделаида мечтала обвенчать свою дочь с Генрихом Баварским, но ее свекровь Матильда

ила очень большое влияние на своего мужа, поскольку почти не существует документов того времени, где бы ни было упомянуто ее имя. Лотарь всегда находился в самых тесных дружеских отношениях со своей тещей, Аделаидой; и по свидетельству самой тещи, ее мать любила зятя не меньше, чем собственную дочь.

В начале 966 г. мир на Севере нарушил Рено де Руси. Он присвоил множество деревень, принадлежавших Реймской церкви, и, будучи более алчным, чем Тибо Плут и Герберт Вермандуа, упрямо отказывался их вернуть. За это Одельрик предал его анафеме. Рено же, в ответ на отлучение от церкви, занялся грабежом и поджогами на территориях, принадлежавших Реймскому архиепископству.

С 962 г. продолжалась война с Нормандией. Это была обычная война для средних веков, без крупных сражений, а только с поджогами и грабежами сельской местности. Долина Сены, Дюнуа, области вокруг Шартра, земли на границе с Нормандией вплоть до Бретани были полностью разорены шайками датских язычников, наемников Ричарда Нормандского. В этих краях «нельзя было услышать лая собаки», по словам Гильома Жюмьежского¹. Королевский домен, окруженный владениями герцога Франции и князей Вермандуа, которые не принимали участия в войне, был надежно защищен в силу своего расположения, и поэтому, без сомнения, пострадал гораздо меньше, чем земли графа Шартрского. Видимо, война вообще не сильно затронула Лотаря. В течение четырех лет он спокойно объезжал Бургундию, Фландрию, Лотарингию, это свидетельствовало лишь о том, что владения его почти не подвергались опасности. Страдания же населения области между Сеной и Луарой от этого не умень-

отговорила невестку, ибо предвидела зловключения, которые выпадут на долю Генриха.

шились. Епископы в конце концов заволновались и постарались достигнуть согласия. В начале 966 г., вероятно, в Лане, столице королевства, был созван церковный собор, на котором присутствовало большое число прелатов. Возмущение духовенства было вызвано не столько насильем датчан (в X веке все уже давно привыкли и к худшим жестокостям), сколько тем, что они были язычниками. Церковный собор послал одного из своих представителей, епископа Шартра Вульфальда, к герцогу Нормандии с просьбой выгнать своих безбожных помощников. В ответ Ричард высказал свои, более или менее обоснованные, жалобы и претензии по отношению к Тибо и Лотарю. Но поскольку требования и наглость датчан его также весьма тяготили, он не отклонил полностью предложение о переговорах и встретился с французскими епископами и несколькими лицами из королевского окружения в Жефосс 15 мая.

Прознав про это, Тибо Плут, без сомнения, опасаясь, как бы мир не был заключен ему в ущерб, тайно, даже не предупредив Лотаря, отправился к Ричарду в Руан, чтобы примириться с ним и вернуть ему Эвре. В установленный срок (15 мая 966 г.) в Жефосс собралось большое совещание французов и норманнов, где присутствовала и датская армия. Ричард, согласно своему обещанию, попытался убедить наемников уйти. Но они решительно отказались. Потребовался целый месяц переговоров и просьб, чтобы убедить их удалиться. За это герцог Нормандии предоставил датчанам продовольствие, корабли и контантенских лоцманов, чтобы те указывали им дорогу. Пираты взяли курс на Испанию, которую, приплыв, сильно разорили. На этом первая, самая сложная часть переговоров, закончилась. Оставалось только заключить торжественный и окончательный мир, между герцогом Нормандии и королем. Что и произошло на большом собрании на Эпте, в Жизоре

(конец июня или июля 966 г.), где присутствовали Лотарь, Ричард, Тибо, Гуго Капет, Гозлен, аббат Сен-Дени и множество французских и нормандских сеньоров и епископов. Король и герцог Нормандии поклялись друг другу в вечном мире и, обменявшись богатыми дарами, расстались. В начале следующего года, 7 февраля 967 г., Лотарь, находясь в Лане, подтвердил реформу монастыря Мон-Сен-Мишель, которую недавно осуществил Ричард.

Во время собрания в Жизоре Гозлен, аббат Сен-Дени, потребовал у Ричарда вернуть владение Берневаль в собственность своему аббатству, т. к. в свое время оно было подарено ему Вильгельмом Длинным Мечом и Робертом, дедом Ричарда*. Ричард Нормандский, по совету «своего сеньора Гуго»**, брата Рауля графа Иври, и, вне сомнений, своего бывшего наставника Осмунда, благосклонно отнесся к просьбе Гозлена. Однако он отложил обсуждение прав аббатства Сен-Дени на более позднее время и посоветовал Гозлену отправиться к нему в Руан. Таким образом, Гозлен в воскресенье поехал в Руан и там в присутствии герцога, его жены Эммы и нормандских сеньоров доказал, что владение Берневаль было несправедливо отобрано у аббатства Сен-Дени епископом Эльмондом. Затем Ричард отправился в Берневаль в сопровождении многочисленной свиты из знати Франции и Нормандии и 18 марта 968 г. отдал владение аббатству Сен-Дени. Подписи Ричарда, Гуго Капета, Тибо Плута, Готье, графа Дрё и др. под актом о возвращении

* Известно, что Роберт — это имя, которое принял Роллон во время крещения.

** «С согласия моего сеньора Гуго, принцепса Франков». Эта цитата показывает, что Гуго Капет присутствовал на заключении мира 966 г.; исходя из нее, можно предположить, что он играл там определенную роль. Его нейтралитет во время войны и родственные связи в обоих лагерях давали ему право стать арбитром.

свидетельствуют, что мир с Нормандией к этому времени был уже заключен. Больше не существует документов, которые могли бы пролить свет на взаимоотношения Нормандии с остальной Францией за период продолжительностью более двадцати лет.

Теперь нужно вернуться немного назад, в 965 год, когда между Лотарем и Робертинами возникла сильная вражда. Документы не дают оснований утверждать, что, умирая, Брюнону удалось все же примирить своих племянников. Тем не менее, это можно предположить, поскольку мир должен был установиться с пожалованием Генриху Бургундии. А во время встречи в Жизоре Лотарь и Генрих уже примирились. Тогда Жоффруа Анжуйский, очевидно, находился также в наилучших отношениях со своим сюзереном герцогом Франции. Когда 10 июня 966 года он изгнал каноников из Сен-Обен д'Анжер и заменил их монахами, в хартии, которую по этому случаю он повелел составить, именовал себя, «графом Божьей милостью и милостью своего сеньора Гуго» и указал, что исполнил этот благочестивый жест ради спасения души герцога Франции и своих родителей, Фулька Доброго и Герберги. Несколько дней спустя, 19 июня, Жоффруа получил у Лотаря одобрение этой реформы.

Весной следующего года (967) Лотарь в сопровождении матери и жены Эммы отправился во Фландрию. В Аррасе он принял молодого графа Фландрии Арнульфа II и его наставника Болдуина, а также аббата Вомара. 5 мая, находясь в монастыре Сен-Вааст, по их просьбе он подтвердил иммунитет двух больших фламандских аббатств Сен-Бавона и Сен-Пьер в Генте, что еще раз доказывает, что мир со стороны Фландрии был такой же надежный, как и со стороны Нормандии и довольно надолго.

Затем Лотарь вернулся во «Францию»². 5 июня он должен был присутствовать на собрании в Вербери. Там, по просьбе аббата Ричарда, он даровал королев-

скому аббатству Сен-Бенуа-сюр-Луар две грамоты. Затем, по просьбе Эда Шартрского, сына Тибо Плута, и Гуго Капета предоставил иммунитет монастырю Сен-Флорентин де Бонневаль, располагавшемуся в Дюнуа.

Король отправился в Бургундию в сопровождении Эммы и Гибуина, епископа Шалона. Причина, по которой он туда поехал, неизвестна. 30 августа король находился в Дижоне и по просьбе епископа Ашарда заново подтвердил привилегии церкви Лангра.

29 августа умер воинственный архиепископ Санса, Аршамбо. Лотарь нашел ему наиболее достойную, с его точки зрения, замену в лице Анастасия, кандидатуру которого жители единодушно поддерживали. Посвященный в сан в воскресенье 15 декабря в Аппуани уже, видимо, 22 декабря он, в обстановке всеобщей радости, впервые вошел в свой архиепископский город (Санс).

Роберт де Труа, отец Аршамбо, скончался за несколько дней до смерти своего сына и не оставил после себя другого наследника мужского пола. Поэтому графства Труа и Мо, дарованные ему Лотарем, перешли к его брату Герберту. Вероятно, что это произошло во время путешествия короля в Бургундию, когда он подтверждал передачу замка Баже графу Гуго, сделанную епископом Макона, Теотелином, взамен аббатства Сен-Лоран-сюр-Сон.

В начале следующего 968 года Герберга покинула «Францию» и отправилась в страну своего первого мужа, герцога Лотарингии, Жильбера. Вместе с ней поехал ее еще совсем юный пятнадцатилетний сын Карл. Это путешествие носило благочестивую цель. С 10 по 12 февраля королева-мать находилась близ Мааса, в Эртене, и там в присутствии Герарда, епископа Тульского, графов Эммона и Ансфрида и множества других важных особ она, с одобрения своего брата, императора Оттона I, и рукой графа Арнульфа, своего поверенного, принесла в дар Сен-Реми де Реймс

свой аллод³ в Мерсене и свои угодья: Климман, Литтуа, Эртен и Англёр. Герберга, наверное, предчувствуя свой близкий конец, поставила условие, чтобы монахи Сен-Реми молились за ее душу, за душу ее первого мужа герцога Жильбера и души его родителей Ренье и Альбрады.

По-видимому, в это время власть Лотаря распространилась далеко на Север. 13 апреля он даровал лес или графство Ваэс Теодориху, графу Гента и Голландии, которого называл своим «верным».

Власть короля была также признана и в противоположном конце государства, в Испанской марке⁴. Сонье, епископ Эльна, сын Гифреда, графа или герцога Руссильонского, прибыл к Лотарю в Лан и, при посредничестве Герберги, вернувшейся из Нижней Лотарингии, и архиепископа Одельрика 17 мая добился разрешения на протяжении всей своей жизни одновременно управлять двумя монастырями Сен-Поль-Маритим и Сен-Феликс-де-Жексаль. Кроме того, королевская грамота позволяла этим двум аббатствам не платить подать или не выполнять повинности никому из сеньоров, а также находиться в прямом подчинении у короля Франции.

Сунифред, граф Барселоны, скончался в предыдущем году, не оставив после себя детей. Поскольку всю свою жизнь он был очень набожным человеком, то не удивительно, что по завещанию, датируемому 1 октября 966 года, все его имущество переходило церквям. Он даже построил монастырь Сен-Мишель де Кюкса и в 953 г. присутствовал на его освящении; в 957 г. он передал множество владений аббатству Риполь. У Сунифреда был наследник, родной кузен по имени Борель, граф Ургельский⁵, который всегда признавал сюзеренитет короля Лана.

969 год был отмечен двумя печальными для Лотаря и очень важными для династии Каролингов событиями: король потерял мать и архиепископа Одельрика. Гер-

берга умерла 5 мая и была похоронена под хорами Сен-Реми де Реймс. Она не намного пережила свою мать Матильду, скончавшуюся 14 марта 968 г. С уходом Герберги из жизни Лотарь потерял в ее лице бесценного советчика и помощника. Энергичная и умная женщина дважды спасла династию Каролингов от гибели: первый раз, вырвав своего мужа Людовика IV из рук норманнов и Гуго Великого, а второй раз, благодаря точному расчету, сумела поставить своего юного сына на престол, под покровительство Гуго и Брюнона. Возможно, набожность ее была чрезмерной. Ни одна грамота Лотаря в пользу церквей не была дана без ее совета или, скорее, ее приказа.

Не странно ли, что, располагая богатыми владениями в долине Мааса, она и не подумала завещать их своим сыновьям, которые так в этом нуждались? В особенности самый молодой из них, Карл, у него ведь не было ни пяди земли. А Герберга предпочла передать свои владения и без того богатому аббатству Сен-Реми. Смерть ее еще больше охладила уже и так ослабленные со смертью Брюнона отношения Лотаря с Германией.

Одельрик скончался 6 ноября. Это была роковая потеря для потомков Карла Великого, если учесть, каков был его наследник. Одельрик был положительно настроен по отношению к Германии, но, в целом, в политике он играл роль незаметную. По сравнению с его предшественником Артольдом, а, в особенности, с его преемником Адальбероном⁶, историческую роль Одельрика можно оценить как малозначительную. Неизвестно, чем был продиктован выбор Лотарем преемника. По сути, он поддался обычаю того времени приглашать на места епископов или аббатов лотарингских монахов, по сравнению с французским духовенством, на тот момент более образованных и усердных⁷. Адальберон с того вре-

мени являлся важной фигурой. Сын графа Гозлена и Уды, он был братом Годфрида, графа Люксембурга, наместника Эно и графа Вердена⁸; два других его брата мало известны. Он был воспитан в монастыре Горце под руководством своего дяди, который был, очевидно, его крестным отцом, епископа Меца Адальберона I (924—964). С детства Адальберон дружил с Ротхардом, которого много позже посвятит в сан епископа Камбре. В тот момент, когда его выбрали для назначения на Реймскую кафедру, Адальберон, как и Одельрик, состоял в капитуле Меца*. Точная дата его посвящения неизвестна, но определено, что это произошло в 969 году. Новый прелат оказался выдающимся человеком своего времени. Он поставил на службу набожной жизни замечательную для этой эпохи образованность, из ряда вон выходящий ум, неустанное усердие. Необычайно амбициозный, готовый к будущим преобразованиям, он страстно желал разом очистить Церковь, восстановить ее первоначальные порядки и вырвать ее из сетей феодализма, который со всех сторон проник во все ее структуры. Адальберон хотел укрепить общество, возродив под единым управлением саксонского Кесаря, Римскую Империю в прежнем виде.

Адальберон был прежде всего человеком дела. Его набожность не имела ничего созерцательного; она явно проявлялась в делах и преобразованиях. Тотчас после посвящения он принялся за работу. Естественно, что с начала его внимание было обращено на сам кафедральный собор. Каноников мало заботили пра

* Адальберон был родственником Одельрика; ведь графиня Ева, мать Одельрика, приходилась двоюродной сестрой Адальберону I, епископу Меца. Сам же Адальберон I в свою очередь был родственником Оттона I, который звал его «*compater noster*». Этим, без сомнения, объясняется «королевская кровь», которая, по уверению Рихера, текла в жилах Адальберона Реймского (131, гл. III, 22).

вила, предписанные общине. У каждого был свой дом, где он жил как хотел. Архиепископ же приказал отстроить монастырь, вернул туда каноников, заставил их подчиниться тщательным предписаниям, а чтобы они их лучше запомнили, предписал им ежедневно читать правила святого Августина и писанияцов Церкви. Его очень интересовало черное духовенство; он чутко заботился о нравах духовенства, успокоился, казалось бы, о незначительных частных, например, хотел, чтобы одежда монахов все же отличалась от светского платья. И тем не менее, архиепископ озаботился увеличить светское имущество монахов. А это скверное средство для борьбы с коррупцией.

К июню или июлю 971 г. Адальберон по неизвестным причинам вступил в борьбу с неким графом Эдом (Otto), вероятно, сыном Альберта де Вермандуа*. Эд угрожал разорить владения Реймской церкви. Архиепископ первым начал наступление. С помощью своего брата Годфрида, земли которого граничили с землями Эда и которому он поручил крепость Мезьер, осадил замок Варк-на-Маасе, резиденцию Эда. Войска осаждающих включали отряды Реймской церкви и воинов из Арден и Эно, приведенных Годфридом. Хотя осаждающие были вооружены балистами и пращами, осада тем не менее продвигалась с трудом. Тщательно построенный замок имел утолщенные стены, высокие башни. Основная его сила заключалась в расположении. Замок находился в слиянии рек Мааса и Сормонны, которые невозможно было миновать вброд ни людям, ни животным. Но произошло, в буквальном

* В «Chronicon Mosomensis monasterii» делает его родственником императоров Оттонов. Эд (Otto), сын Альберта де Вермандуа, был родственником императоров по своей матери Герберге, дочери Людовика Заморского и внучке Генриха Птицелова (57, стр. 604; пр. 1).

смысле, чудо: одна корова сумела пересечь Маас вброд. Граф в полном вооружении устремился за ней, увлекая за собой войско. Переправившись, нападавшие подожгли крепостную стену, а затем через образовавшуюся брешь проникли в замок. Осажденные укрылись в донжоне (*dominione*)⁹, но вскоре вынуждены были сдаться, при виде разгорающегося пожара и грабежа крепости. Во время этих событий произошло еще одно чудо. Дело в том, что огонь пощадил одну только церковь, хотя та и была деревянной, но в ней находились мощи святого Арнульфа.

Этот святой Арнульф был всего лишь бедным лотарингским паломником. Как-то в лесу Марсеолис на Фуаймоне, на него напали разбойники, нанеся ему тяжелые раны. С трудом Арнульф дополз до деревни Грюйер, и как только его подобрала жителя, он тут же испустил дух. Бесхитростная набожность народа создала святого из жертвы. Ходил слух, что на его могиле происходили чудеса, и молва о святом Арнульфе разошлась по всему краю. Эйран, рыцарь, которому принадлежала Грюйер, виновный в убийстве и мучимый угрызениями совести, передал мощи святого Арнульфа графу Эду. Последний перевез его в церковь Сен-Илэр-де-Гилледиум, затем в Варк. Архиепископ изъял драгоценные мощи и намеревался сначала переправить их на лодке в Бро-сюр-Маас, где находился монастырь, насчитывавший двенадцать каноников, который он собирался реформировать. Но в момент отплытия передумал и направился в противоположную сторону и высадился в Музоне 24 июля 971 года.

Приблизительно в двадцати километрах на юго-запад от Мезьера находилась бедная община Тен-ле-Мутье (*Tignus*), подчиненная Сен-Реми де Реймс, состоявшая только из восьми монахов и аббата. По совету святого Герарда Броньского (умер в 959 г.), тогда аббата Сен-Реми, она была основана графом

Порсьена, Этьеном, и его женой Фредуидой, у которой не было детей. Монастырь был совсем бедным и часто подвергался нападениям со стороны соседского замка Шантрена, принадлежавшего графу Гёрену. Адальберон вознамерился разместить в Тен-ле-Мутье монахов из Сен-Реми и отправить в Музон монахов Тена с их аббатом Летальдом. Он сумел убедить действовать с ним заодно Рауля, аббата Сен-Реми и его монахов. Вместе с ними он отправился в Мезьер, вызвав к себе Летальда и его монахов, и, не медля, отправил их через Маас. Сам же, в спешном порядке, вернулся в Музон, опередив их. Архиепископ собрал каноников и предоставил им выбор либо стать монахами, либо немедленно покинуть это место¹⁰. Большинство предпочло уехать. Монахи из Тена высадились в то самое время, когда изгоняли каноников. Адальберон приказал им войти в Музон 7 ноября 971 г. Изгнание каноников было лишь половиной дела, поскольку теперь требовалось обеспечить содержание монахов, которые их заменили, а монастырь находился в разрушенном состоянии. Адальберон проявил большое великодушие, с разрешения своего брата Годфрида даровал монастырю множество владений своей вотчины в епископстве Меца. Кроме того, защитником этого аббатства стал родной брат архиепископа, граф Годфрид.

Адальберон, окружая заботой наиболее удаленные и наиболее бедные монастыри своей епархии, не оставлял без внимания, разумеется, и аббатства вблизи Реймса. Архиепископ питал особую любовь к знаменитому аббатству Сен-Реми, «величайшему монастырю», как говорил про него папа Иоанн XIII. Не удовлетворенный грамотами на привилегии, пожалованными монастырю Лотарем в начале своего царствования, Адальберон хотел, чтобы это аббатство получило документ, защищающий его не только от чиновников, более или менее верных королю, но также и от самого

короля*. Кроме того, архиепископ принес ему в дар монастырь святого Тимофея, чтобы размещать там гостей. Он сгорал от желания подтвердить эти преобразования и дары у Святого престола. Едва монахи приехали в Музон, он отправился в Рим, куда прибыл в середине или в конце декабря. Адальберон был очень хорошо принят папой Иоанном XIII, с которым он много и обстоятельно беседовал. А в день Рождества Господня папа оказал ему великую честь, поручив отслужить праздничную мессу в присутствии двенадцати епископов.

Затем папа даровал архиепископу все, чего тот добивался. Однако Адальберон не мог оставаться в Риме до тех пор, пока папские грамоты будут составлены. Он вернулся во Францию, а буллы для Музона и Сен-Реми, датированные 23 и 24 апреля 972 г., были ему туда высланы позднее.

На епископском соборе, состоявшемся в Нотр-Даме ан Тарденуа в мая 972 г., Адальберон рассказал о своей поездке в Рим, прочел папские буллы, затем передал их в руки епископов, чтобы те могли лично удостовериться в их подлинности. После чего каждый епископ поставил там свою подпись. Затем грамоты были отданы монахам, которые бережно спрятали их в монастырском архиве. Собор одобрил, кроме того, реформу, проведенную в монастыре Сен-Венсен де Лан одиннадцатью годами раньше епископом Рориком, который изгнал каноников и заменил их двенадцатью монахами из монастыря Сен-Бенуа-сюр-Луар с ирландцем Мак-Алланом в роли аббата. Пока они занимались обсуждением этих дел, Адальберон печально посетовал на поведение монахов, после чего собор решил допустить аббатов на свое совещание для дальнейшего обсуждения. Но поскольку никого

* Булла Иоанна XIII первым среди тех, кому запрещается тревожить аббатство, называет самого короля.

из аббатов не было рядом, собор распустили и назначили время и место, где он соберется в следующий раз. Где и когда они собрались снова, нам неизвестно. На том соборе председательствовал Рауль, аббат Сен-Реми, располагаясь напротив архиепископа, сидящего в кресле. Адальберон начал с упреков в адрес монахов, обвинив их в упадке нравственности. Ничто лучше не может раскрыть дух средневековья, столь наивного и формалистского, чем жалобы аббата Рауля. Он горестно укорял монахов за то, что они обращаются друг к другу «приятель» (а не брат), что они входят и выходят из монастыря, не спрашивая благословения своих братьев, носят слишком богатую, разноцветную и к тому же слишком короткую одежду, натертые поском остроконечные башмаки, наконец, они носят белье (*lintea*) и меховые шубы. Собор наложил строгий запрет на эти безобразия. Но если это все, за что Рауль мог упрекнуть монахов, то нужно признать, что духовенство Сен-Реми не являлось таким уж испорченным.

Затем неутомимый архиепископ занялся монастырем Сен-Тьерри де Реймс. 8 декабря 962 г. Лотарь, находясь в Реймсе, пожаловал этому монастырю иммунитет. Королевская грамота не избавила монастырь от алчности соседних сеньоров. Один граф по имени Роже подчинил себе аббатство. Двенадцать каноников были только его послушными слугами и не заботились более об исполнении своих обязанностей. Архиепископ с трудом отнял аббатство у Роже, изгнал каноников и заменил их монахами, а аббатом поставил Эйрара, монаха из Сен-Реми, одного из своих самых преданных слуг. Кроме того, по своему обыкновению, Адальберон обогатил реформированный монастырь. В следующем году он вернулся в Компьень к Лотарю и 26 мая 974 г. добился у короля подтверждения своих реформ и возобновления иммунитета, который был распространен на новые земли Сен-Тьерри. Граф

Роже с другими знатными особами из духовной и светской знати даже подписал грамоту.

Эти изгнания коллегиальных каноников и замещение их монахами были повседневным явлением во второй половине X века. Это характерный признак церковных реформ того времени; они свидетельствовали о более низком положении белого духовенства по сравнению с черным, чью жизнь в начале века святой Бернон и святой Одон сделали более строгой¹¹.

Восстановив порядок в соборной капитуле, Адальберон озаботился украшением архиепископской церкви, построенной при Людовике Благочестивом из обломков городской стены архитектором Румальдом. Четверть пространства Реймского собора занимала, начиная с дверей, сводчатая крипта, которая на полуvinу выступала из земли и была труднопреодолимой. Адальберон приказал разрушить ее до основания и на этом месте соорудить алтарь, хранящий в себе мощи святого Калиста. Главный алтарь, украшенный золотым крестом, был окружен с двух сторон решеткой из драгоценного металла. Архиепископ приказал изготовить переносной алтарь, четыре угла которого были украшены четырьмя Евангелистами из золота и серебра, с крыльями, обращенными на четыре стороны; в церкви находились ковчег и подвешенные венки. Окна были украшены витражами с изображениями библейских персонажей; на башнях находились колокола, звонившие необычайно громко.

Наконец, Адальберон построил вне города церковь Сен-Дени; ее двери выходили к воротам собора, и само строение расположили таким образом, чтобы священник Сен-Дени, служащий мессу лицом на восток, мог видеть священника собора, исполняющего ту же службу, и следовать за всеми его движениями. Без сомнения, архиепископ приказал разрушить крипту и алтарь Спасителя при входе в собор, чтобы сделать возможными эти постройки.

Мы довольно подробно осветили положение дел в Реймской церкви. Этот очерк показал, какую активность, решительность и энергию проявил один средневековый епископ-реформатор; таким образом мы показали деятельность одной из самых выдающихся личностей X века. Теперь вернемся назад.

Робертины отказались от всех враждебных действий против Аквитании¹². К 970 г. Гуго Капет вступил в союз с герцогами этой области; он женился на Аделаиде, дочери Гильома Патлатого, а в 972 г. она подарила ему сына, который в будущем станет королем Робертом II. В 971 г. Герберт, сын Гуго Великого и одной конкубины Рейнгарды, был назначен епископом Оксерра, разумеется, не без помощи своих братьев, Гуго Капета, Генриха и Герберта де Труа, по всей вероятности, его крестного отца. Этот епископ не имел совершенно ничего общего с церковной жизнью. Его заботили только охота и строительство замков. Так он построил Туси и Сен-Фаржо. Герберт умудрился растратить добро своей епархии, причем немалую часть земель пожаловал графам Эду Шартрскому и Герберту де Труа. В отличие от Герберта, его брат Генрих, герцог Бургундский, хотя и был мирянином, продемонстрировал более сильные религиозные чувства: он реформировал аббатство Сен-Жермен д'Оксерр при поддержке святого Майёля и поставил там аббатом Гильдрика; он поддержал монахов из Сен-Коломб де Санс, когда в 974 г. они просили у Лотаря возобновить грамоту Людовика Благочестивого, по которой аббатству были пожалованы значительные владения в Йонне и иммунитет.

После 968 г. Лотарь теряется из виду, поскольку нет ни грамот, ни какого-нибудь упоминания в хрониках, которые могли бы в течение шести лет освещать его жизнь. В начале 973 г. он совершает путешествие на запад, в Аквитанию; 19 января, находясь вместе с Гибуином в Пуатье и большим числом епископов,

он пожаловал грамоту аббатству Боннево под Пуатье по ходатайству Жоффруа Анжуйского; но подлинность этого акта вызывает сомнения. В 972 г. Лотарь отправил к Оттону I в Рим посла по имени Геранн, архидиакона Реймской церкви. Цель этого путешествия неизвестна. В Риме Геранн встретил молодого монаха, который очень просил разрешения учиться у него философии (в этом Геранн снискал большую известность). Архидиакон согласился и отвез своего ученика в Реймс: это был знаменитый Герберт.

Герберт родился в центральной части Аквитании в 940–945 г., в бедной семье. Детство он провел в монастыре святого Герольда в Орильяке, воспитывался аббатом, который носил имя этого святого. Монах Раймонд обучил его грамматике, т. е. латинскому, и его первое обучение было достаточно основательным, насколько можно судить по стилю его писем. Как-то в 967–968 гг. в монастырь приехал помолиться Борель, граф Барселоны. По просьбе аббата Герольда, он взял с собой юного Герберта, чтобы по ту сторону Пиренеев продолжить его образование. Гаттон, епископ Вика, обучал его математике. Борель и Гаттон, пламенно желали, чтобы епископство Вика стало архиепископством этим намерением отправились они в 970 году в Рим. Они увезли с собой и Герберта. Его познания в математике и музыке (тогда музыка была частью математики) поразили папу Иоанна XIII¹³. Эти науки, если можно так выразиться, были почти забыты в Италии. Поэтому он поспешил известить императора о приезде молодого ученого. Оттон I приказал любой ценой задержать Герберта. Борель и Гаттон ответили согласием на просьбу папы оставить Герберта в Риме. Последний жил там около года. Его представили императору, который поинтересовался, каковы его познания. На это Герберт ответил, что, хотя он хорошо знает математику, но не владеет логикой (философией), и поэтому он очень хотел бы ее изучить.

Наверняка приезд Геранна очень его обрадовал. Герберт отправился к императору и получил у него разрешение последовать за архидиаконом во Францию. Герберт очень быстро достиг уровня знаний своего учителя, но сам так и не смог добиться успеха в обучении Геранна математике. Геранна оттолкнули трудности в изучении музыки. Представленный архиепископу, Герберт снискал себе его расположение, а вскоре и дружбу. Адальберон поручил ему управление соборной школой, где он провел около десяти лет, и именно там приобрел репутацию первого ученого своего времени*.

* Его ученик Рихер посвятил 20 глав (45–65), чтобы описать для нас его преподавание. Но хоть и таковы были уроки этого ученого, следует заметить, что обучение в X в. в общем являлось довольно наивным. Единственным его достоинством можно считать знакомство с некоторыми азами математики и чтением великих латинских писателей: Цицерона, Вергилия, Теренция, Ювенала, Горация и Лукана; и даже они изучались только с точки зрения убогой риторики (131, гл. III, 43–45).

ГЛАВА IV

ВРАЖДА С ГЕРМАНИЕЙ (973-980)

*Со смерти Оттона I
до мирного договора с Оттоном II*

Внезапная смерть, настигшая Оттона I в Мемленском монастыре 7 мая 973 г., позволила многим вздохнуть с облегчением. С кончиной императора едва присмирившие немецкие и лотарингские сеньоры снова принялись за свои бесчинства. Шквал волнений сначала захлестнул Лотарингию. Ренье и Ламберт, сыновья Ренье Длинной Шеи, оставили французский двор, где они находились со времен пленения и смерти их отца и, возможно, с одобрения или даже соучастия Лотаря, напали на графов Гарнье и Рено, управлявших, по поручению Оттона I и Брюнона, графством Эно*. Сражение началось в Перонне, недалеко от Бинша, где Гарнье и Рено потерпели поражение, сами погибнув в схватке. После этого Ренье и Ламберт захватили замок Буссуа, укрепили его как можно лучше и уже оттуда совершали набеги по всей области, которую они безжалостно грабили и разоряли. Но

* Гарнье и Рено получили управление над Эно от графа Рихера после 965 г.

позмездие не заставило себя долго ждать, поскольку, узнав о разбойничьих действиях братьев, Оттон II незамедлительно двинулся на Эно. Император отпраздновал Рождество в Нимвегене. Затем в начале января 974 г. в сопровождении Тедона, недавно назначенного епископом Камбре*, он осадил логово братьев Ренье. Ему удалось захватить и разрушить замок Буссуа, но он совершил большую ошибку, всего лишь отправив Ренье и Ламберта в ссылку. Дело в том, что братьям вскоре удалось сбежать и укрыться во Франции, куда они призвали своих сторонников, и через три года возобновили свои набеги. Тогда Оттон II поручил охрану Эно графу Годфриду, брату Адальберона Реймского, и графу Арнульф (весьма вероятно, что последний приходился сыном Исааку, графу Камбре и Валансьена).

В течение 974 года Лотарь поддерживал дружественные отношения с Реймской церковью и Робертинами. 26 мая, находясь с королевой Эммой и многочисленной свитой из знати и епископов в Компьене**, король принял Адальберона, который попросил у него иммунитета для новых владений монастыря Сен-Тьерри де Реймс, где он только что провел реформу. Лотарь дал согласие. Робертины отправились в Компьень, где успели застать Лотаря и получили у него две грамоты. Гуго Капет добился от короля подтвер-

* Тедон или Тетдон, прево Сен-Северин де Кельне, был назначен епископом Камбре Оттоном в 972 г. У него был соперник в лице Роберта, монаха из Сен-Дени, управлявшего Солемским приорством (20 км. к востоку от Камбре). С помощью денег он купил поддержку нотаблей из Камбре, но император отказался ратифицировать их выбор.

** Ги, епископ Суассона; Тибо, епископ Амьена (низложенный чуть позже); Жильбер де Руси, Роже, граф Порсьен; Ги, граф Суассон; его отец Альберт де Вермандуа; Манассия, граф Ретель; Реньер, видам Реймса. Подпись Адальберона Ланского была добавлена к диплому позже.

ждения передачи в дар монахам из Сен-Рикье, аббатом которых являлся, деревень, зависимых от монастырского манса¹. Генрих Бургундский получил у короля грамоту в пользу Сен-Коломб де Санс. То, что в королевской грамоте Гуго Капет назван «герцог, верный нам во всем», а Генрих — «почитаемый герцог Бургундии», свидетельствует, что Каролинги и Робертины находились на тот момент в прекрасных отношениях. Ричард, аббат монастыря Сен-Бенуа-сюр-Луар, преуспел в своих просьбах к Лотарю гораздо больше, чем в предыдущие годы*: он получил возобновление грамоты на иммунитет, пожалованной его аббатству Людовиком Благочестивым.

Лотарь всегда находился в добрых отношениях с Анжуйским домом. Со смертью Готскалька в 975 году он отдал епископство Пуи-ан-Велай Ги, аббату Кормери и Сен-Обен, брату Жоффруа Серого Плаща. Ги был введен в свой епископский город своей сестрой Аделаидой, вдовой Этьена, графа Жеводанского, скончавшегося в 961 году, и ее сыновьями Понсом и Бертраном. Как и все епископы той эпохи, новый прелат начал борьбу с сеньорами-разбойниками, занимавшимися грабежом владений их церквей. Для прекращения беспорядков, он прибегал не только к помощи своих племянников, он также создал союз рыцарей и крестьян, что было одним из первых проявлений «Божьего мира»².

Благодаря относительно спокойствию, которое установилось в Лотарингии, Реймский архиепископ смог отправиться в 975 году в Гент и освятить там церковь аббатства Сен-Пьер. Но с 976 года военные действия снова возобновились. Сбежав во Францию,

* Монахи Сен-Бенуа напрасно взывали к Лотарю и Гуго Капету, чтобы добиться справедливости от Герберта, сеньора Сюлли, удерживавшего имущество аббатства. Преамбула диплома Лотаря, кажется, намекает на эти события.

Ренье и Ламберт нашли убежище при дворе Лотаря и графов Вермандуа. Там они встретили Иоанна, «майордома» Камбре, поднявшего бунт против епископа Тедона. Братья вовлекли его и рыцаря по имени Эммон из Лонгии (?), вассала Гуго Капета, в свои дела. Также они нашли еще одного неожиданного союзника в лице Карла, родного брата короля. Ему тогда было около двадцати трех лет, и до тех пор он вел спокойную и беспечную жизнь возле матери и брата, который по-прежнему отказывался уступить брату часть отцовского наследства^{3*}. Подобная праздность сильно тяготила Карла, и возможно, что, принимая участие в походе сыновей Ренье Длинная Шея, он руководствовался амбициозными планами, надеясь добыть себе княжество. Карл недавно женился на дочери Герберта де Труа. Поскольку к Карлу присоединился Эд (Otto), сын Альберта де Вермандуа и Герберги, сестры Лотаря, можно предположить, что поход на Эно был затеян не одними Ренье и Ламбертом, но и домом графов Вермандуа.

Весной 976 года союзники пошли войной на графов Арнульфа и Годфрида, укрывшихся в столице, в самом укрепленном месте Эно, Монсе. И те, несмотря на то что находились на положении осажденных, совершили вылазку: в святую среду, 19 апреля 976 года, к полудню завязалась яростная битва. Со стороны французов были убиты Эммон и Хетдон, вассал Карла, и множество их соратников; а со стороны лотарингцев, ударом копья в ногу был сражен Годфрид, которого подобрали его люди после захода солнца. И хотя он и выжил, всю жизнь его мучили последствия этого ранения. Когда Арнульф увидел столько погибших

* «Состарился, лишенный крова» (5). Карл сам говорил: «Брат всеми королевствами стал владеть и ничего мне не оставил: я же брату покоряюсь, верно служил не хуже других» (131, гл. IV, 9).

лотарингцев, то обратился в безоглядное бегство и остановился только почувствовав себя в безопасности в своих владениях. Воспользовавшись победой, Эд отнял у Арнульфа Гуи-ан-Аруэз, укрепился в нем и уже оттуда угрожал Камбре. Это был второй реванш дома Вермандуа в борьбе с домом Камбре⁴; и на этот раз в Лане из-за поражения последнего не расстроились. Лотарь продвигался с армией на север, весьма вероятно, что в его намерения входило поддержать брата. Находясь в Дуэ вместе со своей женой Эммой, он, по ее просьбе, вернул монастырю Машен деревню Эн, которую когда-то отнял у монахов Арнульф Старый. В то же время он угрожал Тедону, епископу Камбре, саксонцу по происхождению, всецело преданному германским королям.

Епископ Камбре, одновременно являвшийся епископом Арраса, был настроен враждебно, что могло повредить королю Франции, который владел как раз этим городом. Тедон тогда оказался в крайне сложном положении. Епископский город находился на равнине в центре королевства Западной Франции, довольно далеко от императора, и не мог рассчитывать на скорую помощь. Со всех сторон его окружали враги: король Франции, Карл, Ренье, Ламберт, Альберт и Эд де Вермандуа. Епископу Камбре беспрестанно наносились оскорбления, сеньоры окружающих земель вели себя вызывающе. Один из его вассалов, по имени Готье, который владел Лансом, срамил и обманывал Тедона всеми возможными способами. Сначала Готье обещал епископу свою преданность, если тот согласится отдать его сыну (тоже названному Готье) владения майордома Иоанна. Когда епископ уступил его требованиям, тот продолжал донимать его еще больше. Готье, нагнетая ситуацию, не переставая предрекал Тедону приход французов и пожар в Камбре, а когда тот становился совсем запуганным, под предлогом защиты епископа выманивал у него существенную

сумму денег. Геривард таким же образом получил немало деревень. Он извещал Тедона о приходе и разрушениях, которые якобы учиняли Ренье и Ламберт, а затем делал вид, будто встретился с ними на поле боя, победил их и изгнал из области. Доверчивый епископ тогда щедро вознаградил Гериварда.

В тот день, когда его брат Годфрид, во время сражения в Монсе, был ранен, Адальберон в Реймсе совершал «обретение» тела святого Теодориха и умолял короля присутствовать при «поднятии святыни». Но Лотарь, находясь во Фландрии, не торопился с ответом. Только 11 декабря Лотарь и королева Эмма в сопровождении многочисленной армии прибыли в Реймс. Там организовали большое собрание, и король в присутствии своих войск знати, епископов, аббатов, приглашенных Адальбероном, лично перенес мощи святого Теодориха в аббатство, находящееся тогда в трех милях от Реймса (декабрь 976 г.).

Спустя восемь дней (20 декабря), в Лане из-за паралича умер епископ Рорикон. Смерть Рорикона, как и смерть Одельрика, стала роковой утратой для династии Каролингов. Этот прелат — незаконный сын Карла Простоватого, для Лотаря всегда был мудрым и преданным советчиком. Между прочими заслугами, ему удалось воспрепятствовать восстановлению Гуго де Вермандуа на епископской кафедре Реймса и посредством переговоров обеспечить Лотарю владение значительной частью Фландрии.

В качестве преемника Рорикона Лотарь выбрал одного молодого лотарингского клирика Адальберона⁵ (чаще его называли уменьшительно Асцелин), который в течение трех лет занимал пост королевского канцлера. Король назначил Асцелина епископом в Ланском соборе 16 января 977 г. Рукоположенный в сан священника в Реймсе 24 марта своим тезкой архиепископом Реймса, Адальберон был посвящен в епископы в Вербное воскресенье, 1 апреля. Затем он отправился

освятить святой елей в Лан и в Пасху, 8 апреля, был возведен в сан. Лотарь даже не предполагал, какого опасного врага он допустил в само сердце своих владений — спустя четырнадцать лет этот человек вероломно уничтожит его династию. Возможно, что Асцелин с самого начала своего епископского правления стал предавать своего благодетеля. Дело в том, что поползли смутные слухи, обвиняющие королеву Эмму в прелюбодеянии с новым епископом. Чтобы снять с Асцелина этот позорный навет, архиепископ Адальберон созвал собор в Реймском диоцезе в Сен-Макре и в среде собратьев подвергнул рассмотрению поведение Асцелина*. Неизвестно, что происходило на соборе; без сомнения, хронист Рихер умолчал об этих событиях из осторожности. Очевидно, что Асцелина оправдали, так как в дальнейшем и он, и королева Эмма продолжали пользоваться доверием Лотаря. Более того, король изгнал своего брата Карла за то, что он единственный осмелился сказать про свою невестку громко вслух все то, что остальные думали про себя**. Эмма, естественно, защищалась и отрицала предосудительные отношения с епископом Лана, и, скорее всего, подобные слухи были порождены злостью Карла, ненавидящего свою невестку. Спустя четыре года Теодорих епископ Меца, укорял его, помимо прочих дел, за желание очернить жену родного брата. Карл в своем ответе Теодориху оправдался по всем вопросам, но этот обошел молчанием. Впрочем, по свидетельству того же Рихера, доказа-

* Это по наущению Эммы Лотарь изгнал своего брата. Поэтому-то Карл сохранял в отношении к своей золовке неприимую ненависть. Рихер пишет: «Королеву же Эмму, которая, как полагал, побудила его брата изгнать его, (Карл) схватил и поместил под стражу» (131, гл. IV, 16).

** Карл сам говорил: «так некогда братом из королевства был изгнан». Он отомстил, попытавшись спустя два года низложить своего брата (131, гл. IV, 9).

тельств по этому обвинению не доставало «nullius in manifesto intentionis teste».

За период 975–977 гг. многие из епископов либо скончались, либо были низложены. Тибо, епископ Амьена, был осужден папой Бенедиктом VII⁶ в начале 975 г. на соборе в Риме. Он отказался предстать перед областным церковным собором в Реймсе в воскресенье 3 июля под председательством архиепископа и явиться на второй церковный собор в субботу 24 сентября. Тогда Адальберон вместе с диаконом Стефаном, папским легатом, низложил Тибо и предал его анафеме (после 19 июля 975 г.).

В Бургундии Анастасий, архиепископ Санса, умер в 977 г. ночью, в воскресенье 7 января; он был погребен в аббатстве Сен-Пьер-ле-Виф. Его преемником стал Сегуин⁷, посвященный в сан в воскресенье 10 июня 977 г., в Сен-Этьенн д'Оксерр. Он не смог войти в епископский город из-за своего дяди по матери, Ренар, графа Санса, который опасался, как бы его племянник не приобрел слишком много влияния в городе. Сегуин тогда отлучил от церкви всю епархию с 1 октября 977 г. вплоть до начала поста; только 17 февраля 978 г., в первое воскресенье поста, его смогли возвести в сан. В то время началась эпидемия, которая унесла множество жизней. Родной брат архиепископа, рыцарь по имени Изембард, умер 13 апреля. Готье в 977 г. был назначен епископом Отена. Ги, сын Готье, графа Вексена и Амьена⁸ и Евы, дочери Ландрика, графа Дрё, к этому времени в епископстве Суассона заменил своего тезку Ги I, дядю графа Анжуйского, Жоффруа Серый Плащ.

Гадульф Нуайонский умер 24 июня 977 г. Его преемником Лотарь назначил своего родного племянника, Лиудульфа, сына своей сестры Герберги и Альберта, графа Вермандуа. Дом графов Вермандуа в то время был самым могущественным на севере и востоке Франкии и контролировал или прямо владел облас-

тями Вермандуа, Суассонэ, Нуайонэ, Омуа, Тарденуа, Бовези и Ланнуа (частично), в Бургундии, Мо (город в регионе Труа), наконец, Турнези — епископство. Турне тогда было объединено с Нуайонским. Вследствие этого клан Вермандуа оказывал сильное влияние на Каролингов.

В течение 977 г. влияние Лотаря, казалось, настолько упрочилось на Севере Франции, что он забрал у Тедона, епископа Камбре, владения, которые тот отнял когда-то у аббатства Сен-Аман-де-Мароль, возле Арраса, и вернул их обратно монахам; но пока он даровал иммунитет монастырю Сен-Квентен-ан-л'Иль, по просьбе аббата Арнульфа (Лан, 5 августа 977 г.), Оттон II, действуя мастерски, привлек на свою сторону коалицию, которая сформировалась в прошлом году, что отняло у Лотаря все надежды на главенство над епископством Камбре, Эно и Нижней Лотарингии. Вместо того чтобы, как все ждали, отомстить за поражение своих вассалов, Оттон принял отнюдь не героическое решение и заключил полюбовное соглашение с их победителями. Ренье и Ламберт вернули себе утраченные отцовские территории. Годфрид сохранил Монс, к которому император еще присовокупил Бульон и, возможно, как раз тогда, графство Верден, дабы не оставлять своего верного вассала без вознаграждения. Карл, брат Лотаря, только что был изгнан из Франции. Оттон воспользовался этим счастливым обстоятельством, которое давало ему возможность сравнить между собой братьев Каролингов, которые уже начинали его беспокоить. Император назначил Карла герцогом Лотарингии, сделав его, таким образом, своим вассалом; в то же время он принял меры предосторожности, чтобы новый герцог не стал опасен для него, дав Карлу не самые важные земли. Непременным условием этих благодеяний было то, что Карл должен оказывать сопротивление любым действиям Лотаря в отношении Лотарингии. Карл

сдержит слово, и однажды его вассальная клятва Оттону послужит предлогом, чтобы лишить его французского трона.

Вероятно, будет преувеличением приписывать императору далеко идущие политические планы; может быть, он поступал так только по причине слабости, желая устранить беспокойства, которые ему непрерывно причиняла Лотарингия. Независимо от того, произошло ли это по воле случая или в силу ловкости Оттона, результат все равно оказался удачным для империи, потому что Лотарь потерял, таким образом, бесценную поддержку на последующие годы.

В действительности Лотарь уже десять лет намеревался вернуть себе Лотарингию. После весеннего путешествия в Бургундию в сопровождении множества епископов (Сегуина, Гибуина, Адальберона Ланского, Лиудульфа и др.) он решил сильно рискнуть. Средство, которое хотел использовать Лотарь для достижения своих целей, было весьма ловкое, но нечестное. Король решил разом выиграть дело, задумав захватить в плен своего царственного кузена Оттона II*. Оттон находился в Ахене со своей беременной женой Феофано и небольшой свитой. Лотарь срочно созвал в середине

* Рихер объясняет нападение Лотаря слегка иначе. Он полагал (131, гл. III, 67, 68), что Лотарь, раздраженный тем, что Лотарингия, на мгновение принадлежавшая его отцу, находится в руках Оттонов, посчитал своеобразной бравадой пребывание Оттона II поблизости от него. Этот довод неприемлем. Ведь в предыдущие годы, когда Оттон II подходил гораздо ближе к королевству Франции, Лотарь не проявил враждебности, по крайней мере, внешне. Правда же заключается в том, что решение Лотаря было принято мгновенно; такова была привычка людей того времени, которые не знали никакой отсрочки между замыслом и его претворением в жизнь. В «Деяниях епископов Камбре» говорится, что Лотарь задумал лишить Оттона империи; это слишком; вероятно, что, взяв императора в плен, Лотарь довольствовался бы установлением своей власти над Лотарингией.

июня в Лане знать, чтобы поделиться своими планами и спросить их совета. Очевидно, что он очень много им пообещал, т. к. собрание одобрило предложения короля без обсуждения, и Робертины, что было весьма существенно, всецело поддерживали королевский замысел. Абсолютная тайна сохранялась настолько, что в армии, численность которой доходила до двадцати тысяч человек (по, безусловно, преувеличенным подсчетам Рихера), никто, кроме военачальников, не знал, куда они направляются. Соблюдая определенный порядок, войска были поделены на армейские корпуса, каждый из которых имел свой отличительный знак. Лотарь переправился на левый берег Самбры и Мааса; узнав про это, епископ Камбре в страхе бежал в Кельн, где вскоре и скончался от переживаний. После того как армия перешла вброд Маас, она двинулась на Ахен, но прежде была поделена на «центурии», каждая из которых находилась под командованием «центуриона»⁹. Но для внезапного нападения огромное войско, обремененное всевозможными обозами, двигалось слишком медленно. Зная только, что императора сопровождает немного людей, Лотарь точно не представлял их число (это стало известно только после переправы через Маас), и на всякий случай собрал как можно больше войск; это было его ошибкой.

Когда Оттону II сообщили, что французская армия находится совсем близко, он не поверил; вести о ее приближении поступали одна за другой, но император упрямо отрицал такую возможность, отвечая, что Лотарь просто не располагает в достаточном количестве ни воинами, ни верными вассалами, чтобы осмелиться на подобную затею. Наконец, император сам вскочил на коня, и лишь когда собственными глазами удостоверился в реальности происходящего, понял, что любое сопротивление бесполезно и лучше пока укрыться в надежном месте, а позднее вернуться с

большой армией, чтобы отомстить. Он стремительно бежал в Кельн вместе с Феофано и всей свитой, бросив императорские инсигнии.

Армия Лотаря, задержавшись из-за своих обозов, прибыла только на следующий день. Во дворце столы были еще расставлены и накрыты для трапезы, всю еду с которых растащили воины. Императорские инсигнии¹⁰ извлекли из тайников, а дворец и близлежащие местности разграбили. Но поход все равно не удался, поскольку основная его цель — пленение Оттона II — так и не была достигнута. Пробыв всего три дня в Ахене, Лотарь дал приказ возвращаться домой. Но перед отъездом французы потешили свое самолюбие, повернув на восток бронзового орла, возвышавшегося на крыше дворца. Там его, очевидно, установили еще по приказу Карла Великого как символ угрозы для Саксонии; Оттоны, его наследники из Саксонской династии, естественно, перевернули орла на Запад, в знак своего господства над Лотарингией.

На обратном пути Лотарь попытался внезапно захватить город Мец, но и эта затея окончилась неудачей. Епископ Меца Теодорих пожаловался Оттону II и убедил его в необходимости отомстить за содеянное. Более того, он настроил против короля Франции его родного брата Карла, которому была обещана французская корона, в случае если удастся свергнуть Лотаря с престола.

Тем временем охваченный жаждой мести император призвал к оружию вассалов по всей империи. Он собрал знать и побудил их призвать французского короля к ответу за нанесенное оскорбление, а чтобы наверняка заручиться их преданностью, осыпал их всевозможными милостями. Так ему удалось собрать в Германии, в Лотарингии и Италии армию в тридцать тысяч всадников, что в глазах современников было колоссальным числом. Туда входили оруженосцы, слуги, стрелки и т. д., и общее количество воинов

доходило до шестидесяти тысяч¹¹. Это было самое большое скопление войск, которое видели за долгие годы в Западной Европе. Располагая подобными силами, Оттон II не нуждался в применении хитрости. Он даже предупредил Лотаря о том, что собирается захватить его королевство к 1 октября.

В назначенный день Франция подверглась всем ужасам нового нашествия. Окрестности Лана, Суассона и Реймса были преданы огню и мечу, враг неистовствовал, разрушая королевские города Компьень и Аттини. Был взят Лан, и там епископ Меца провозгласил Карла королем*. Но отметим один нюанс, который необычайно ярко характеризует ту эпоху: Оттон щадил и старательно оберегал церкви и аббатства. Он страшно разорил земли Реймса и Суассона, но оказал большие почести святому Ремигию и почтил святого Медарда. Но по правде, командиры авангарда, вопреки приказам императора, разрушили и сожгли монастырь в Шель, построенный под Парижем святой Батильдой. Когда Оттон узнал о содеянном, то сильно огорчился и постарался воз-

* Эти события известны нам только благодаря намекам, прозвучавшим в споре между Теодорихом, епископом Меца, и Карлом, герцогом Нижней Лотарингии. Первый из них писал (82. стр. 26): «...даже у своего-то родного брата, благородного короля франков, никогда не задумывался похищать окровавленной рукой своей, всегда готовой на всякое преступление, и при том обманом, его город Лан, — да! его город, а не в коем случае не твой...». Карл отвечал: «Когда ты измышлял способы изгнать Лотаря, короля франков, которого ты называешь славным, хоть и ненавидишь всей душой, из его государства, а меня посадить на его место, — в то время ты разве хранил клятву верности, данную им или, что то же мне...» (82, стр. 30). Эти строки могут относиться только к событиям 978 г. Но Карл был провозглашен королем в Лане, а не помазан; помазание разрешило бы ему наследовать своим брату и племяннику в 987 г., чего не произошло.

местить монахиням нанесенный ущерб. Сена единственная могла остановить этот стремительный опустошительный шквал. Армия нападающих встала лагерем между Монмартром и рекой. В свою очередь застигнутый врасплох Лотарь, распустивший свои войска, не мог оказать никакого сопротивления. Ему оставалось только отойти на другой берег Сены к герцогу Франции и просить у него помощи. Король укрылся в Этампе и созвал туда своих вассалов, в то время как Гуго Капет укрепился в Париже, чтобы защищать переправу на Сене. Не имея возможности переправиться через реку, поскольку левый берег оборонялся французами, Оттон приказал простым бойцам опустошить и сжечь парижские земли и предместья. Как-то некий германский воин, всячески поносивший парижан, подошел к обитым железом воротам, защищавшим вход на Большой Мост, и вызвал французов на поединок. Один из осажденных, по имени Ив, принял этот вызов и убил германца, за что был щедро награжден герцогом.

В это время Лотарь, Жоффруа Серый Плащ, королевский знаменосец, Генрих, герцог Бургундский, собрали свои войска и направились в Париж на помощь Гуго Капету. Императорская армия была ослаблена усталостью и болезнями, без сомнений, она страдала в опустошенной и разрушенной стране от недостатка пищи, к тому же приближалась зима. Оттон II не рискнул дольше задерживаться там и принял решение отступать. Но прежде он заставил толпу клириков подняться на вершину Монмартра и распевать «Alleluia te martirum» так, чтобы «ошеломить и оглушить Гуго и жителей Парижа». После этого император снял лагерь (к 30 ноября) и двинул быстро войска по направлению к Лотарингии. Адальберон Реймский, тайный сторонник Оттона, предоставил ему проводников.

Восстановив силы, Лотарь и Робертины бросились преследовать Оттона. Император, спасаясь бегством, декабрьским вечером остановился перед Эной, около Суассона. Из-за осенних дождей вода в реке сильно прибывала и перейти ее вброд стало почти невозможно. Ситуация была критической: французские войска теснили армию императора и могли напасть на нее ночью с тыла. Своим спасением Оттон был обязан находчивости Годфрида, брата Адальберона Реймского, и Вольфганга, епископа Регенсбургского. Они убедили его, что нужно любой ценой переправиться через реку. Большая часть армии успешно переправилась на правый берег, но из-за темноты не удалось перейти реку арьергарду. Дальнейшее развитие событий доказало, что советы Годфрида и Вольфганга оказались весьма благоразумными. За ночь вода в реке поднялась еще выше, а на следующее утро на левом берегу появилась армия Лотаря. Хотя и уступающая в численности, она резким натиском загнала германские войска в реку. Понятно, что императорский арьергард был уничтожен, те, кого не убили в бою, были унесены мощным потоком воды. Правда, Оттону не пришлось сожалеть о гибели каких-либо знатных лиц, поскольку почти весь арьергард состоял из простых бойцов и транспортных повозок. Таким образом, победа французов ограничилась лишь резней слуг и захватом обоза.

По словам «Деяния епископов Камбре» (*«Gesta episcoporum Cameracensium»*), в этот момент произошел довольно странный и с трудом объяснимый случай: Оттон II отправил Лотарю гонца на лодке с посланием, где спрашивал его, не желает ли тот сразиться, но прежде обменяться по взаимному согласию заложниками, так чтобы одна из двух армий, не опасаясь предательства, могла спокойно переправиться через реку и вступить в бой. Победитель же получит всю власть: «Победитель получит власть над

королевством» «laureatus regni imperio potiretur». Жоффруа Серый Плащ прервал эти предложения словами: «Зачем губить с обеих сторон столько человек? Пусть короли сразятся один на один, а мы посмотрим издалека и покоримся победителю». На это Годфрид Арденский с негодованием воскликнул: «Нам говорили, что вы презираете своего короля; мы отказывались верить но сегодня мы получили этому подтверждение из ваших собственных уст. Что касается нас, то мы никогда не позволим нашему императору сражаться одному, никогда не согласимся сидеть сложа руки в то время, как ему угрожает опасность. Впрочем, мы ничуть не сомневаемся в его победе, в случае, если он решит помериться силами в поединке с вашим королем».

Практически невозможно поверить в этот рассказ. Он единственный в своем роде. Нет ничего похожего ни в одних анналах, ни в любой другой хронике, ни во французской, ни в германской. Может быть, рассказ является вымыслом автора «Деяний епископов Камбре» (*Gesta episcoporum Cameracensium*)? Нельзя утверждать, что это совершенно исключено; неизвестный клирик, который составлял их в 1041–1043 гг., по приказу Герарда I, епископа Камбре, полностью посвятил свое творение империи. Он вполне мог выдумать эту историю, чтобы сгладить неприятное впечатление, вызванное отступлением Оттона II. Невозможно представить, чтобы Оттон пообещал Лотарю свою империю, если тот выйдет из поединка победителем. Если бы Оттон II и хотел сразиться с французами, у него раньше было сто таких возможностей по пути из Парижа в Суассон. Ему всего лишь нужно было не пересекать Эну и без боязни ждать прихода врага. Он же, напротив, переправился через реку и таким образом как оказалось, поступил здраво. Однако нельзя также утверждать, что все в этом рассказе ложь, но в нем явно присутствуют благоприятные

для Оттона II искажения фактов. Кроме того, рассказ содержит в себе, возможно в подражание эпосу, легендарные элементы.

Как бы то ни было, Оттону удалось к середине декабря вернуться в Лотарингию, избегнув окончательного поражения, и там щедро наградить своих верных вассалов. Он отпраздновал Рождество во Франкфурте. Его поход, как и аналогичный поход Лотаря, не принес явных результатов. Обе стороны приписывали победу себе. Германские хроники обошли молчанием поражение Оттона на берегах Эны или очень старательно его смягчали. Однако было заметно, что, несмотря на их «официальный энтузиазм», авторитет императора несколько упал: он дал застать себя врасплох в Ахене, и отступление его весьма напоминало стремительное бегство. Чувствуется также, что в Германии вторжение Оттона во Францию, отнюдь, не встретило всеобщего одобрения. Легенда гласила, будто один отшельник предсказал, что все те, кто возглавлял этот поход, умрут через семь лет. Пять лет спустя про известное поражение Оттона в Бозентелло¹² говорили, что это и есть то самое наказание за опустошения во Франции и кощунственную борьбу против христиан.

Со своей стороны французы, естественно, присваивали себе лавры победителей в этой кампании, не задумываясь, впрочем, что она не принесла никаких полезных результатов, т. к. Лотарингия ускользнула от них очередной раз. Но радость от того, что они едва не захватили в плен самого могущественного государя Европы и не нанесли ему поражение, заставляла забыть о трезвом рассудке. Это чувство гордости прослеживается не только на страницах аналов, но также в хартиях, даже выпускаемых в странах, неподчиненных непосредственно власти Лотаря. Именно в этом русле произошедшие события представлены в акте Мармутье-ле-Тур: «Дан же этот

документ в марте месяце, в 26-й год правления великого короля Лотаря, когда он напал на саксонцев и обратил в бегство Императора (*Data autem haec auctoritas mense marcio, sub magno rege Hlothario, anno scilicet XXVI., quando impetum fecit contra Saxones et fugavit Imperatorem*)». Карл не мог или не посмел остаться в Лане. Он последовал за Оттоном в Лотарингию, и с конца 978 г. Лан, несомненно, вновь попал во власть Лотаря. Осведомленный о притязаниях на трон своего брата, король поспешил подстраховаться, короновав своего сына Людовика, которому едва исполнилось тринадцать лет. Гуго Капет поддержал его действия. Знать королевства, соответственно, собралась на совещание в Компьене и единодушно избрала второго короля*. Людовика короновал Реймский архиепископ 8 июня 979 г., в воскресенье в Троицын день.

Гуго заверил обоих королей в своей преданности и пообещал им помочь упрочить их власть над определенными областями королевства. Поэтому Лотарь и Людовик V поспешили даровать герцогу Франции и церквям его домена все грамоты, которые он просил. На другой день после своего коронования Людовик V, по личному совету Гуго Капета, предоставил Арнульфу, епископу Орлеанскому, подтверждение на все владения его церкви, обновление иммунитета, наконец, разрешение добиваться возврата владений и сер-

* «Герцог и прочие князья провозгласили Людовика королем» (Рихер). Однако вельможи скорее провозглашали короля, а не выбирали его. Король, который желал сокороновать своего сына, испрашивал совета у основных лиц своего окружения, узнавая, будет ли общественное мнение благоприятствовать этому событию; только получив исчерпывающие сведения, он собирал знать королевства. Их согласие было само собой разумеющимся делом; и речи не было о дискуссии; сеньоры ограничивались тем, что провозглашали короля и приносили ему клятву верности.

вов, которые были у нее отобраны в период между правлением Карла Великого и его отца Лотаря. В день же коронации аббатство Сен-Бенуа-сюр-Луар, в области Орлеана, получило от королей в лице настоятеля Амальберта обновление грамот о иммунитете. Адальберон Реймский, Гибуйн Шалонский и королева Эмма присоединились к Гуго, чтобы просить Лотаря и Людовика V подтвердить дарения, сделанные капитулу собора Парижской Богоматери епископом Элизиардом, и как обычно предоставить ему иммунитет.

Пятнадцать лет назад, во время Нормандской войны, шайки язычников-датчан, состоявших на службе у Ричарда, опустошили не только область Шартра, но еще и граничащие с Нормандией земли Бретани. Напуганный их приближением, Сальватор, епископ Алета (Сен-Мало), забрал мощи святого Самсона и святого Маглуара, епископа Доля, и в сопровождении Юнана, аббата Леона, бежал в Париж. Там он оставил мощи в безопасности, возле герцога Франции, который сохранял нейтралитет по отношению к Нормандии и который к тому же долгое время прибывал в дружеских отношениях с епископом Бретани. Когда мир был заключен, естественно, что бретонцы захотели вернуть святыни, но Гуго Капет вынудил их оставить ему мощи святого Маглуара. Гуго перевез их в монастырь святого Варфоломея, расположенного на острове Сите возле дворца в Париже, изгнал каноников и заменил их монахами, которых щедро одарил. Лотарь и Людовик V подтвердили эти дарения, по просьбе Гуго, которого они называли «весьма знаменитым герцогом».

Нанеся поражение Оттону II, возобновил ли Лотарь свои попытки присвоить себе Камбре? Этого нельзя утверждать. Смерть Тедона в конце 978 года навлекла на епископство Камбре все возможные несчастья, какие только могли произойти в эти смутные времена из-за вакантного епископского места. Лотарь присвоил себе имущество епископства Арраса, которое тогда,

как уже говорилось выше, было объединено с Камбре, но входило в Западно-Франкское королевство. Может быть, поступая таким образом, Лотарь просто воспользовался правом регалии^{13*}; но опасались, что это было прелюдией к его вторжению в область Камбре. Оттон II в то время находился слишком далеко, занятый борьбой с поляками, и никакой помощи ожидать от него не приходилось. В этих критических обстоятельствах Годфрид, граф Эно, и Арнульф Валансьенский, две наиболее значимые в Нижней Лотарингии фигуры, решили обратиться за помощью к Карлу Лотарингскому, поскольку титул герцога обязывал того защищать эту страну. Они ему напомнили, что император назначил его управлять Лотарингией, с тем чтобы он противостоял вторжениям своего брата. Они просили его, как можно скорее организовать оборону Камбре, заставить вассалов епископства выполнять свой долг, присягнуть на верность императору и потребовать у них заложников вплоть до возвращения Оттона II, который по приезду назначит нового епископа. Карл охотно принял это предложение. Собрав войска, в сопровождении Годфрида и Арнульфа он отправился в Камбре. Но Годфрид и Арнульф, столкнувшись со своеобразной манерой Карла защищать Камбре, тут же с негодованием покинули его. Ведь Карл начал грабеж церковного имущества, вызвал к себе жену и заставлял ее спать в личной постели епископа, растратил епископскую казну, продавал пре-

* Это право не было неизвестно Каролингам. О нем упоминается в капитуляриях Карла Простоватого; Гинкмар в письмах к папе Льву IV жаловался на алчность королевских чиновников, проявлявшуюся всякий раз, когда епископская кафедра пустовала. Единственные епископства, на которые Лотарь сохранил право назначать своих кандидатов, находились (кроме Реймской епархии) в Бургундии и Шампани, как раз те, где Капетинги, его преемники, еще долго пользовались правом регалии без сомнения, по его примеру.

бенды¹⁴, наконец, торговал церковными должностями*. Вернувшись в конце концов, император немедленно положил конец этому безобразию. На Рождество в Пёльде он созвал большое собрание, по предложению Ноткера, епископа Льежа, и, с одобрения лотарингцев, назначил епископом Камбре Ротхарда¹⁵. Тот вошел в город в первое воскресенье Поста (1 марта 980) и спустя немного времени, был рукоположен в епископский сан Реймским архиепископом Адальбероном, его соучеником и старым другом.

Ротхард, хотя и был человеком с мягким характером, не имел абсолютно ничего общего со своим слабовольным и глупым предшественником Тедоном. Эд де Вермандуа, который не удовлетворился владением Гуи и правом взимать с крестьян и даже горожан Камбре подати, построил укрепленный замок в Винши, всего в четырех милях от города. Ротхард позвал на помощь Годфрида и Арнульфа и разрушил замок. Из-за назначения Ротхарда епископом и поражения его племянника Эда Лотарь утратил все свое влияние на область Камбре, которая вклинивалась «углом» в его королевство и затрудняла сообщение между ланскими и фландрскими владениями.

Связь между Каролингами и кланом Вермандуа становилась все тесней. В 978 г. Лотарь назначил своего племянника Лиудульфа, сына Альберта де Вермандуа, на место епископа Гадульфа в Нойоне и Турне. Лиудульфа посвятили в сан в 979 году. Без сомнения, в это же время король подтвердил, по

* Без сомнения, Карл слишком очернен в «Деяниях епископов Камбре», чей автор был необычайно враждебен ко всем, кто происходил из Франции. Вот в «Житие св. Гюдилы» Карлу расточают дифирамбы. В «Житие» его называют «преславным герцогом», который старался улучшить положение церквей в Лотарингии. Он смог вырвать у некоего Герменфрида церковь Мортцеля и мощи св. Гюдилы, которые и возвратил в одноименный монастырь.

просьбе нового епископа, реформы, предпринятые им в Сен-Элуа де Ноайон, так же как и его дары этому монастырю. В течение 980 г., находясь в Лане, Лотарь, по ходатайству Эммы, Асцелина и Гибуина, подтвердил очередное дарение одного аллода в Омуа, в деревне Восьен, сделанное его «любимым и очень верным графом дворца»¹⁶ Гербертом из Труа, монастырю Монтирендер. Уже очень пожилой граф Труа вскоре скончался.

В конце этого же года Лотарь назначил епископом Лангра, вместо скончавшегося Видрика (*Widricus*), другого своего племянника, Брюнона, сына Рено графа Руси и своей сводной сестры Альбрады. Брюнон, которому, вероятно, дали имя в честь его крестного отца, архиепископа Кельна, был в возрасте двадцати четырех лет священнослужителем Реймской церкви. Посвященный Бушаром, архиепископом Лиона, в конце 980 г. в церкви святого Этьена, он был возведен на епископскую кафедру в начале 981 г. Брюнон показал себя одним из наиболее просвещенных прелатов своего времени, играющего важную роль в событиях, которые привели к падению родственников, его дяди Лотаря. А многие годы спустя Брюнон оказал активное сопротивление королю Роберту II, когда тот захотел завладеть Бургундией.

Полезно сказать теперь несколько слов о поведении Гуго Капета в отношении духовенства: все это время он особенно усердно реформировал и обогащал аббатства и церкви. Примером тому послужит проведенная им бенедиктинская реформа в Сен-Маглуар. В 975 г. по просьбе Арнульфа, епископа Орлеанского, он восстановил в орлеанском епископстве аббатство Сен-Жан, прежде пожалованное им одному его вассалу по имени Гуго. Эта хартия содержала в себе любопытные подписи его сына Роберта¹⁷, чье имя появляется впервые в хартиях, его брата Генриха Бургундского, его вассалов, Жоффруа Анжуйского и его сына

Фулька Нерра¹⁸, Готье, графа Дрё, и его сыновей Готье и Рауля, Бушара, графа Вандомского¹⁹, и др. В 979 г. Гуго отказался от титула аббата Сен-Жермен-де-Пре и вместе с Лотарем поставил Гуалона в главе этого монастыря. Спустя несколько лет Капет начал реформирование монастыря Сен-Дени, благодаря хлопотам святого Майёля²⁰ и Одилона²¹, аббата из Ключи. В 980 г. Гуго неожиданно отобрал у графа Фландрского, Арнульфа Юного, укрепленный город Монтрей-сюр-Мер и, волей или неволей, добился его возвращения мощей святого Валерия и святого Рихария. В свое время мощи святого Валерия были проданы Эршембольдом, клириком этого монастыря, графу Арнульфу Старому, который отнял (в 948 г. Монтрей у Роже, графа Амьенского и вассала Гуго Великого. Мощи святого Рихария, похищенные в 952 г. у аббатства Центулы, были перенесены, так же как мощи святого Валерия в фламандский монастырь Сен-Бертен в воскресенье 29 августа 952 года. По случаю перенесения этих святынь Гуго Капетом (2 и 3 июня 980 г.) была устроена грандиозная церемония. Собралось большое количество жителей Понтье, Вимё, Амьенуа, Румуа и со всех местностей между Соммой и Сеной. Религиозный подъем, вызванный перенесением мощей святого Валерия, породил чудо. Мощи, заключенные в серебряную раку, которую приказал сделать Арнульф Юный, перевозили Бушар, граф Вандомский, Корбейский и Парижский и Орландом, виконт Вимё. Когда они прибыли на песчаный берег, в устье Соммы, начался прилив. По легенде, они захотели удостовериться, действительно ли они везут мощи святого Валерия, и бесстрашно вошли в бурные волны; понятно, что волны тут же чудесным образом раздвинулись и позволили им перейти на левый берег Соммы.

Таким образом, поместив мощи святого Валерия на прежнее место, в монастырь Легон, Гуго Капет

снова переправился через реку и на другой день (3 июня) присоединился к своим слугам, которые по его приказанию с мощами святого Рихария пешком направлялись в Центулу. Когда процессия находилась не более чем в одном лье от аббатства, Гуго Капет спешился и босой, на своих плечах понес к алтарю раку со святыней. Герцог Франции довершил свой набожный труд, реформировав монастырь Сен-Рикье с помощью Ангеррана, монаха из Корби, затем изгнал каноников монастыря святого Валерия и на их месте разместил монахов, настоятелем же монастыря назначил Рестольтда, монаха из Сен-Люсьен де Бове, и щедро их одарил. Признательные монахи сочинили легенду к вящей выгоде их благодетеля. Согласно этой легенде Гуго якобы действовал исключительно по приказу святого Валерия, который однажды явился к нему во сне и предрек, что потомки Капета станут королями и будут царствовать до седьмого колена.

Доброе согласие между Лотарем и Гуго продолжалось недолго. С конца 979 года Гуго начал вызывать подозрения у короля. В итоге Лотарь не получил никакой существенной пользы от борьбы с Оттоном II; он хорошо осознал, что, будучи ограниченным в средствах и окруженный ненадежными вассалами, пока не может помышлять о новой попытке отвоевать Лотарингию. Внезапное нападение в июне 978 г. показало, что тогда король рассчитывал скорее на хитрость, чем на силу. Дело потерпело неудачу, и Лотарь сожалел, что вынужден был без пользы поссориться с императором. Он боялся, что Гуго может легко поддаться подкупу или на посулы Оттона II. Не окажется ли таким образом король зажат между герцогом Франции и императором, к которому присоединится Реймский архиепископ? Что станет с ним тогда? Он будет раздавлен, невзирая на поддержку клана Вермандуа, как это случилось с его отцом, Людовиком IV. Взвесив все эти доводы, в конце 979 г. Лотарь решил

помириться со своим кузеном Оттоном II. Приступить к переговорам было непросто. Действовать приходилось с большой осторожностью, чтобы герцог Гуго ничего не узнал и не опередил его. Таким образом, Лотарь тайно отправил послов к Оттону, чтобы предложить ему мир. Возможно, что Реймский архиепископ, был официальным посредником. Оттон намеревался тогда отправиться в Италию и с радостью принял предложение Лотаря встретиться на границе двух королевств, в деревне Маргю-сюр-Шьер. В начале июня 980 года Лотарь и его сын Людовик V прибыли в назначенное место и преподнесли императору богатые дары; Лотарь и Оттон подали друг другу руки, обнялись и поклялись в дружбе и союзнчестве. В результате этой встречи Лотарю пришлось отказаться от всех своих прав на Лотарингию. После короли расстались, чтобы больше уже никогда не увидеться. Каролинги вернулись в Лан, а Оттон отправился в Италию, ставшую его последним пристанищем.

ГЛАВА V

С МИРНОГО ДОГОВОРА В МАРГЮ ДО СМЕРТИ ЛОТАРЯ

(980-986)

Если внезапное нападение Лотаря два года тому назад можно охарактеризовать как безрассудство, то тайный и почти постыдный мир в Маргю — это серьезная ошибка. Из-за него Лотарь потерял престиж, который приобрел в борьбе с императором, и последствия этого мира оказались вполне предсказуемыми — он потерял уважение большинства своих подданных. Стремясь не допустить сомнительного объединения между Оттоном II и Гуго и избежать в будущем предполагаемого столкновения с герцогом, Лотарь вместо этого навлек на себя его гнев. Король должен был понимать, что о его договоре с Оттоном рано или поздно станет известно, и тогда Гуго не упустит возможности тоже вступить в союз с императором. Лотарь в действительности рассчитывал на поддержку Оттона. Но он зря обольщался на его счет. Цель Оттона заключалась в том, чтобы одного за другим ослабить своих старых врагов; впрочем, он не мог оказать помощь Лотарю, так как почти сразу же после встречи в Маргю уехал в Италию.

Вернувшись в Лан, Лотарь отдавал себе отчет, что тайна вскоре раскроется. Тогда, совершая ошибку за ошибкой, он стал держать герцога Франции в стороне от всех дел, решая все вопросы единолично со своими приближенными. Случилось то, что должно было неизбежно случиться. Очень скоро стало известно, что король тайно заключил мир с Оттоном II. Это известие вызвало бурное недовольство среди сеньоров. Многие в порыве возмущения перешли на сторону герцога Франции, которого считали тяжко оскорбленным тем, что король заключил мир без его ведома*. Гуго Капет

* Рихер (131, гл. II, 81) называет его «миром, достигнутым хитростью». На протяжении этого повествования, как и в дальнейшем развитии событий, он выражает свою симпатию Гуго, несмотря на преданность Каролингам, которой он следует по традиции. Историк не прекращая упоминает о «хитростях» Лотаря (131, гл. III, 78, 81, 86, 88, 89); лица, которые предлагают Эмме и Лотарю устроить Людовика в Аквитании, названы им «весьма коварными», так как они не выслушали мнение Гуго Капета, и т. д. Поведение Лотаря было вероломным по представлениям того времени. Он не имел права принимать столь важное решение без согласия магнатов и особенно герцога Франции, своего рода вице-короля этой страны. По крайней мере, именно так я истолковываю фразу «это событие необычайно опечалило сердце франкских князей» из «Санской истории франков». О. Тьерри, Мартен, Мурен и т. д. объясняют ее национальным чувством, оскорбленным отказом от Лотарингии. Сомнительная гипотеза. Рихер просто говорит (II, 81) «возмущенные из-за герцога, негодовали» — из-за герцога, заметим, а не из-за родины. Разве эти предполагаемые патриоты тут же посоветовали Гуго попытаться отбить Лотарингию? Совсем наоборот, примириться с императором, почти стать его вассалом. Один из самых надежных помощников Лотаря в его попытке захватить Лотарингию в 985 г. был граф Шартра Эд. Был ли он побуждаем патриотизмом? Конечно, нет, ибо он же в 992 г. составил заговор с целью отдать Францию в руки Оттона III (131, гл. IV, 97). Нам следует не переносить в X в. наши представления из XIX в. и признать, что патриотизм в нашем понимании слова тогда

использовал недовольство, вызванное поведением короля, но из-за свойственных ему благоразумия (граничившего со слабостью) и нерешительности (граничившей с бездействием) сначала скрыл свою злобу и, следуя неизменной привычке*, спросил совета у своих вассалов. Он пожаловался на обман, приписал себе полностью заслугу в поражении Оттона II в 978 году и спросил у вассалов, которые «ему всегда помогали и клялись в верности», как вести себя впредь. Знатные сеньоры (*primates*) объяснили ему, что он не сможет бороться с Лотарем, поскольку того поддерживает Оттон, и ему следует в свою очередь снискать расположение императора. Это было нетрудно, т. к. Оттон знал, что Гуго превосходит Лотаря в военной силе и богатстве, к тому же, как и Лотарь, герцог был связан с ним кровным родством. Поэтому

еще не существовал. Основой общества являлось не национальное сознание, а верность Сеньору и Королю. Если Лотарь и навлек на себя возмущение французских сеньоров, то только потому, что ранил их гордость и оскорбил интересы (так как сам же обещал им богатые владения в Лотарингии). Задел ли он их патриотизм? Я в этом сильно сомневаюсь.

* Рихер пишет (131, гл. III, 81): «по своему обыкновению советоваться со всеми (герцог) вызвал к себе сеньоров и повел с ними речь». Эта привычка спрашивать совета у своих вассалов является постоянной чертой Гуго Капета и его наследников. Некоторые ученые желали видеть в королевских советах из наших героических песен исключительно архаическую традицию, восходящую к Германии времен Тацита. Правда же заключается в том, что обычай принимать решение только после согласия вассалов был распространен при Капетингах. Это даже превратилось в настоящую обузу: Людовик Святой в разгар битвы был неспособен сам принять решение и додумался до того, что послал своих сержантов искать вовсе сражавшихся рыцарей, чтобы спросить у них совета. Становится понятно, что предполагаемая архаическая черта из наших героических песен попросту отвечает реальности.

Гуго Капет тайно отправил к Оттону, находившемуся тогда в Риме, послов с предложением о мире и союзничестве. Оттон благосклонно принял эти предложения, но прежде чем принять окончательное решение, потребовал от герцога личной встречи. Объятия и клятвы, которыми он обменялся с Лотарем меньше года назад, были им уже основательно забыты. Гуго так желал заключить союз с императором, что после ответа Оттона II он принял решение отправиться в Италию, несмотря на длительность путешествия и подстерегающие в пути опасности. Он взял с собой только небольшое число приближенных, необходимое для путешествия, но приказал ехать с ним двум своим лучшим советникам, Арнульф, епископ Орлеанскому, и Бушару, графу Вандомскому*. В марте 981 года Капет отправился в Рим. Свидание герцога Франции и императора проходило в строжайшей тайне, на нем присутствовал только епископ Орлеанский в качестве переводчика, поскольку Гуго не знал латыни. Оттон постарался не вспоминать о прошлом и дал согласие на союзничество. Радужный разговор длился долго, что не мешало императору устроить ловушку своему новому другу: когда свидание подошло к концу, уже выходя из комнаты, Оттон оглянулся на свой меч, который нарочно оставил в кресле. Герцог Франции неосмотрительно нагнулся, чтобы взять его и поднести императору, но тут двери зала распахнулись, и присутствующие чуть было не увидели Гуго в позе вассала императора, с его мечом в руках. Хитрый епископ Орлеанский сразу же разгадал замысел императора.

* Бушар, граф Вандома, был воспитан при дворе герцогов Франции и навсегда остался их верным сторонником. Когда Эймон, граф Корбейля, скончался во время паломничества в Рим, Бушар женился на его вдове Елизавете и получил за ней в приданое графство Корбейль и Мелён; кроме того Гуго пожаловал ему аббатство Сен-Мор де Фосс и даже графство Парижское.

Он бросился к своему сеньору, выхватил из его рук меч, и сам понес его за императором. Оттона настолько восхитил этот поступок, что говорили, будто он часто рассказывал о нем своим приближенным, хваля Арнульфа. Этот случай, впрочем, не испортил добрых отношений двух союзников. Будучи человеком набожным, Гуго использовал свое пребывание в Риме, чтобы помолиться в соборах Святого Петра и Святого Павла, и добился, 1 апреля от папы Бенедикта VII подтверждения реформ, которые он провел в прошлом году в аббатстве Сен-Валери-сюр-Сомм. Гуго Капет простился с императором, и тот дал ему эскорт до Альп.

Можно себе представить гнев и беспокойство, охватившие Лотаря, когда он узнал об отъезде Гуго в Италию. Он использовал все средства, чтобы остановить опасного врага. Лотарь написал Конраду, королю Бургундии, своему дяде, умоляя его задержать герцога, когда тот будет пересекать его владения. Королева Эмма, со своей стороны, отправила письмо того же содержания матери Аделаиде и описала ей приметы Гуго. Герцог догадывался о возможных происках короля и постарался вернуться поскорее. Однако, когда он переходил через Альпы, то заметил, что все проходы охраняются. Но ему удалось обмануть шпионов короля Конрада, поменявшись одеждой с одним конюхом из свиты и прилежно выполняя его обязанности. Лишь раз он подвергся серьезной опасности. Однажды вечером он едва не был узан в одном трактире. Хозяин, подсматривавший в дверную щель, увидел ложного конюха, окруженного слугами, которые готовили ему постель, помогали раздеться, омывали ноги. К счастью, люди Гуго Капета заметили, что их выследили. Они пригласили хозяина войти, и едва он переступил дверной порог, как оказался в окружении слуг герцога, которые направили на него острия мечей, грозя убить его, если он издаст хоть

один звук. Несчастный, связанный по рукам и ногам, с кляпом во рту, провел в таком положении ночь. На следующее утро его втащили на лошадь и освободили только когда герцог находился уже в безопасности.

Возвращение герцога послужило сигналом к войне. В средневековые войны чаще всего заключались не в генеральных сражениях, а в хитростях, всевозможных кознях, которые строили противнику. В таких войнах оба лагеря не искали возможности сразиться, а разоряли друг друга, громя вассалов и крестьян соперника. С обеих сторон вассалы устали от этой разрушительной и бессмысленной борьбы; они заставили короля и герцога устранить советников, побуждающих продолжать войну. Тогда Гуго Капет и Лотарь уступили более мудрому решению, прекратили вражду и примирились*.

Неожиданно Каролингам представился случай в значительной степени расширить свою власть. Кто-то, по наущению Жоффруа, графа Анжуйского, посоветовал королеве Эмме женить ее сына на Аделаиде, вдове самого могущественного сеньора центральной Аквитании, Этьена, графа Жеворданского, приходящейся сестрой графу Жоффруа¹. Они убедили ее, что этот брак даст возможность сосредоточить власть над Аквитанией и Готией в руках ее сына Людовика, поскольку, в силу прав своей жены, он будет владеть наиболее укрепленными городами страны. Кроме того, у этого плана имелось еще одно преимущество, ибо он позволял, в случае необходимости, напасть на Гуго

* Рихер (131, III, 89-90) преувеличивает, утверждая, что распря длилась многие годы. Она продлилась чуть более года, поскольку, согласно его же свидетельству (III, 91-93), Гуго и Лотарь примирились во время воцарения Людовика, в Аквитании; оно же произошло в 982 г., а Гуго вернулся из Италии самое раннее в конце апреля 981 г.

Капета с тыла, владения которого таким образом оказались бы в кольце владений Лотаря и Людовика V. Лотарь согласился со всеми этими предложениями, но посвящать в свои замыслы герцога Франции, а тем более советоваться с ним не стал. Когда Гуго известили об этих делах, он подавил злобу и не противоречил. Приготовления для воцарения Людовика V в Аквитании были колоссальными. Созвали знать, загрузили всевозможными продуктами телеги, забрали с собой королевские инсигнии. Лотарь, Эмма и Людовик в сопровождении большого количества всадников направились в Аквитанию к Вё-Бриуд. Аделаида приняла их с великими почестями, и в день бракосочетания с Людовиком V она была коронована епископами — вероятно, Гуго, главой архиепископства Буржского, сыном Тибо Плута, Бегом, епископом Клермона, и Ги, родным братом новой королевы Ги, епископом Пуи.

Оставляя своего сына править в центре Аквитании, Лотарь нисколько не отказывался от суверенитета над этой областью, равно как и над Готией и Испанской Маркой. Ведь именно к нему обращались аббаты этих регионов с просьбой подтвердить их право на владения и иммунитет. Король находился в Броссаке на Альере, когда, по просьбе Ильдезинда, епископа Эльна и аббата монастыря Сен-Пьер де Розес, он подтвердил владения этого монастыря. Находясь в Пареньтиньяке на Альере, в двадцати километрах на север от Броссака, он даровал те же милости Сениофреду, аббату Риполя.

Лотарь допустил ошибку, оставив без помощи и совета своего сына, совсем юношу, который женился, едва достигнув пятнадцати-шестнадцати лет. Разница в возрасте между Людовиком и Аделаидой с самого начала не способствовала их взаимопониманию. Вскоре они перестали жить под одной крышей и встречались только время от времени. Молодой, легкомыс-

ленный Людовик V очень быстро растратил все свои средства и оказался в такой нищете, что не мог больше содержать воинов, а также обеспечивать свои личные нужды. Мечты о господстве в Аквитании очень быстро рассеялись. Присутствие Людовика в этих краях вовсе не усилило власть Каролингов, но подорвало ее авторитет и сделало из нее всеобщее посмешище. Лотарю пришлось смириться с совершенной ошибкой и отправиться к своему сыну, где он его оставил чуть меньше двух лет назад. На обратном пути в Бриуд он посетил Лимож и приказал Гигу, аббату Сен-Марсьяля, окружить аббатство стенами. Что касается Аделаиды, то она, не чувствуя себя в безопасности при французском дворе, бежала в Прованс и вышла замуж за Гильома I, графа Арльского, еще при жизни Людовика V. Затея, которая обещала способствовать укреплению авторитета Каролингов, привела совсем к противоположному результату. Со следующего года внимание Лотаря было направлено совершенно в иную сторону. Неожиданно произошли события, которые увлекли его и заставили отказаться от планов в отношении Аквитании.

Вторгнувшись в Италию, Оттон намеревался завладеть Апулией и Калабрией, которые являлись приданным его жены Феофано², сестры восточных императоров, Василия II и Константина VIII. Его планы натолкнулись на сильное сопротивление. В течение двух лет он сражался с византийцами и сарацинами. 13 июля 982 года они нанесли ему ужасное поражение; императорская армия была уничтожена в Калабрии, в устье Кораса. Оттону удалось спастись вплавь. Его подобрал византийский корабль, но он смог обмануть команду и укрыться в Боссано, где оставались в безопасности императрица и епископ Меца Теодорих. Калабрия и Апулия остались в руках врагов. В довершение всех несчастий, взбунтовались датчане и славяне. Присутствие императора было более необ-

ходимо в Германии, чем в Италии, где он упорно оставался еще в течение года. Он хотел отвоевать Южную Италию. Но ему не было суждено осуществить свой замысел. В течение нескольких дней он страдал от лихорадки, после чего скончался (Рим, 7 декабря 983). Оттону II тогда исполнилось двадцать восемь лет.

Правление Германией перешло к его трехлетнему сыну, Оттону III. Он был коронован в Ахене 25 декабря, в соответствии с обещаниями, сделанными ранее немецкими и итальянскими сеньорами на собрании в Вероне (1 июня 983), когда еще не знали о кончине его отца.

Весть о смерти императора дошла до Германии лишь в последние дни декабря или начале января 984 г. и тут же повлекла за собой весьма значительные последствия. Как только Оттон умер, а его сына некому было воспитать и защитить, многие сеньоры и думать забыли о повиновении ребенку, другие же оставались ему верны и, не без оснований, хотели приставить опекуна к маленькому Оттону III. Кандидатуры его матери Феофано и бабки Аделаиды мало подходили на эту роль, в особенности первой, которая по происхождению была гречанкой. Еще два года назад она обнаружила настроения, оскорбительные для германцев; узнав о разгроме имперской армии в Калабрии, ее первым желанием было посмеяться над поражением своего мужа и восхвалить победу своих соотечественников, византийцев. Все опасались, что под ее влиянием Оттон III, которого уже называли греческим ребенком, станет чуждым своей родной стране. Будущее показало, что это мнение было небезосновательным.

Во главе партии недовольных находился герцог Баварский, которого еще называли Гезилон³, он приходился кровным двоюродным братом покойному императору. Он не переставая волновал Германию сво-

ими мятежами еще во время правления Оттона II. В 974 г. его хитростью заманили в ловушку, затем выпустили на свободу, в 976 г. он снова взбунтовался, но без особого успеха. Его лишили Баварии, заключили под стражу и поручили охране Фолькмара, епископа Утрехтского. Когда после смерти императора его выпустили на волю, Генрих тут же выпросил у Варина, архиепископа Кельна, юного Оттона, ссылаясь на свои права опекуна. В один миг Генрих оказался во главе могущественной партии, состоящей из германских и лотарингских недовольных, авантюристов и изгнанников. Генрих вовсе не был бесталанным и вульгарным властолюбцем. Он подкупал знатностью своего имени, известностью, своим красноречием и деньгами. Таким образом, ему удалось по первому зову привлечь людей, таких, как Варина, архиепископ Кельна, Экберта Трирского, Гизелера Магдебургского, епископов Баварии, наконец, Теодориха Мецкого.

Так как считалось, что императрицы Аделаида и Феофано, задержавшиеся в Италии, в Павии, не могли защитить юного Оттона III, Генрих Баварский был близок к тому, чтобы стать повелителем Германии. Его замыслы уже начали претворяться в жизнь. Он собрал 16 марта 984 г. в Магдебурге своих сторонников и в следующее воскресенье, в праздник Пасхи (23 марта), находясь в Кведлимбурге, был единодушно провозглашен ими королем. Этот преждевременный и неразумный поступок вызвал абсолютно противоположный эффект, нежели ожидали приверженцы Генриха. Если бы герцог Баварский удовлетворился титулом регента и опекуна, то весьма вероятно, что ему удалось бы сохранить свое влияние в Германии в течение долгих лет; но его попытка захватить корону вызвала всеобщее возмущение.

Был единственный человек, который только того и ждал, что Генрих разоблачит себя, чтобы воплотить в жизнь свои замыслы, человек, который создал для

борьбы с герцогом Баварским мощную и готовую к решительным действиям коалицию; им был архиепископ Реймса, Адальберон. Как большинство прелатов Лотарингии, а он был родом из этой страны, Адальберон полностью предан идее римской империи и сохранения династии Оттонов. Разве не была эта династия покровительницей и благотворительницей Церкви?

Среди наиболее выдающихся сторонников Оттона III были как миряне (герцоги Бернхгард Саксонский, Конрад Швабский, Генрих Юный, который заменил Генриха-Гезилона в герцогствах Баварском и Каринтийском, наконец, брат Адальберона, Годфрид, граф Эно и Вердена), так и церковники: Виллигиз, архиепископ Майнца, Ноткер, епископ Льежа, Ротхард, епископ Камбре, Герард, епископ Туля. Но самым деятельным, умным и преданным среди них, несомненно, был архиепископ Реймса. Он очень помог в переговорах, которые последовали через его старинного преподавателя и друга Герберта, вернувшегося в Реймс в начале 984 г. Герберт вернулся в Реймс в конце 980 г. после своей поездки в Италию и диспута с Отриком. Но надолго он там не задержался. В начале 983 г. Оттон II, пораженный знаниями Герберта, назначил его управлять Боббио, одним из самых богатых и могущественных аббатств Италии. Аббатское правление Герберта протекало в очень беспокойной обстановке. У него имелось немало недругов: Петроальд, прежний настоятель Боббио, который, после того как его сместили с должности, снова оказался в положении простого монаха, мелкие соседские сеньоры, у которых Герберт хотел отобрать земли, проданные им его предшественником, и, наконец, епископ Петр Павийский. Герберт также настроил против себя императрицу Аделаиду, мать императора, запрещая потакать просьбам ее любимцев. Вокруг аббата Боббио нарастало недовольство. Восшествие

его врага, Пьера Павийского, на папский престол, смерть Оттона II и последующие волнения сделали положение Герберта невыносимым. Он понял, что необходимо покинуть Италию, и решительно вернулся в Реймс, где протекли самые счастливые годы его жизни. С начала 984 года он находился возле Адальберона. Судьба привела его как раз вовремя на место, где он в течение многих лет мог играть важную роль в отношениях Франции и Германии. Его имя впредь неотделимо от имени архиепископа, при котором он состоял секретарем, советчиком, другом, а часто и вдохновителем. Его преданность Оттонам не уступала преданности архиепископа и оставалась непоколебимой.

Эти два человека с успехом приступили к делу. Им удалось, не совсем ясно как, заинтересовать Лотаря в спасении юного Оттона. Гезилон пытался взять управление Лотарингией в свои руки, что весьма тревожило Лотаря. Ловкий архиепископ заставил короля Франции действовать в интересах Оттона III. Лотарь предложил себя в качестве опекуна для этого ребенка, поскольку приходился ему двоюродным дядей, и высказал желание воспрепятствовать Генриху Баварскому в захвате Лотарингии. Благодаря своей семье, Адальберон был очень влиятельным лицом в этой стране, поэтому сумел посодействовать там укреплению авторитета Лотаря и вынудить главных сеньоров Лотарингии принести королю клятву верности и выдать заложников. Спустя всего лишь год, ему пришлось в этом раскаиваться, но пока они с Гербертом радовались, что заручились поддержкой короля Франции и расстроили планы Генриха на опеку Оттона III. В первые месяцы 984 г. Герберт написал следующее письмо одной даме по имени Имиза, которая состояла в свите императриц, постоянно проживавших в Павии: «Для меня великая честь быть знакомым и достойным дружбы столь уважаемой жен-

щины. Мои французы (*Galli mei*) не устают восхищаться столь продолжительному постоянству вашей верности. Я прекрасно понимаю, что вы настолько предусмотрительны, что не нуждаетесь в советах; но поскольку мы чувствуем, что вы соболезнуете нашему несчастью, считаем разумным, дабы вы и мы направили послания и письма к папе и тем, кто полностью или частично является нашими сторонниками и союзниками, чтобы они могли разделить с нами радость, с Божьей помощью, подобно тому, как мы готовы разделить с ними горе. Повидайте мою государыню Феофано и скажите ей, что французские короли на стороне ее сына. И у них нет иной цели, кроме как уничтожить тиранию Генриха, который, прикрываясь ролью опекуна, на самом деле сам стремиться узурпировать королевскую власть» (82, № 22).

В июне он писал Герольду, аббату Орильякскому, своему первому наставнику: «Наш приемный отец (так я осмеливаюсь его называть) Реймский архиепископ Адальберон, всецело поглощен важными государственными делами, как вы могли догадаться из-за опоздания этого посланника и отсутствия его /Адальберона/ в настоящий момент в Реймсе, вызванного ситуацией в королевствах. Поскольку он принимает заложников от князей Лотарингского королевства, заставляет повиноваться сыну императора /находящегося/ под опекой (*clientella*) короля Франции, и препятствует Генриху управлять Галлией (Лотарингией), у него не хватает времени передать вам то, что было бы достойно вас. Но я полагаю, вам было бы приятнее получить от него не старое, вытканное золотом одеяние, которое ему стыдно посылать вам из-за нехватки времени, а новое, к которому он присоединит епитрахиль, вышитую золотом, и подобные тому предметы. Что происходит в вашем королевстве (Аквитании), каковы дела или планы у Гуго-Раймунда⁴? Он /Адальберон/ желает, чтобы вы известили его об этом, мы

же разделяем это желание. Мы будем рады любому вашему решению» (82, № 35).

Адальберон приложил все усилия, чтобы перетянуть архиепископа Трирского, Экберта, второго сына Теодориха, графа Голландии, на сторону Оттона III. Экберт обзывал ребенка греком, и Адальберон отправил ему послание, написанное Гербертом (март-май 984): «Распад вашего государства, произошедшее из-за равнодушия некоторых людей, одновременно внушает нам отвращение и стыд, ведь мы чувствуем глубокую привязанность к вам и нашей общей родине. Разве мало развелось королей, что вы еще нового хотите поставить над сыном вашего государя? Вы обзываете его «греком». Уж не потому ли вы хотите последовать греческому обычаю и избрать второго короля. Что случилось с самой святой преданностью? Разве вы забыли о щедро розданных Оттонами милостях? Призовите свой великий ум, вспомните о знатности своего происхождения, из страха навечно опозорить свой род. Если вы больше не чувствуете себя в безопасности, находясь в Трире, в Реймсе хватит места обоим» (82, № 26).

Карл Лотарингский принял сторону Оттона III и, таким образом, помирился со своим братом Лотарем. 17 июня 983 года скончался герцог Верхней Лотарингии Фридрих, и, возможно, что Карл намеревался присовокупить к Нижней Лотарингии еще и Верхнюю Лотарингию, тем самым, ущемляя Беатрису, вдову Фридериха, и ее юного сына Теодориха⁵. По крайней мере, епископ Меца, Теодорих, за это сильно опасался и поэтому отправил Карлу очень жестокое, полное упреков и обвинений письмо, в котором угрожал ему отлучением от церкви, если он не оставит свои затеи. Уже по первым строкам можно догадаться о содержании письма: «Теодорих, раб рабов Господних, приверженец императоров и вернейший защитник их детища, Карлу, своему родному племяннику, но тем не

менее бесстыднейшему клятвoprеступнику». После того как он упрекнул Карла, нарушившего клятву верности, принесенную перед алтарем св. Иоанна⁶ в присутствии епископа Ноткера, Теодорих прибавил: «Что тут удивительного, что ты изрыгаешь заразу своего грязного сердца на своего племянника (Теодориха), когда ты со своей разбойничьей шайкой и воровским сборищем даже у своего-то родного брата, благородного короля франков, никогда не задумывался похищать окровавленной рукой своей, всегда готовой на всякое преступление, и при том обманом, его род Лан⁷, — да! Его род, а не в коем случае не твой; когда ты никогда не задумывался бесславить императорскую сестру, а его жену, делящую с ним королевское достоинство, и пачкать ее репутацию своими лживыми измышлениями. Ты не пошел по следам предков своих, удалился от Господа — Создателя твоего. Постарайся вспомнить, туша ты распolzшаяся, потучневшая и ожиревшая, сколько раз я затыкал рукой бесстыжую глотку твою, когда ты со змеиным шипением изрыгал позорную клевету на Реймского архиепископа и еще более позорные небылицы на королеву. Тебе самому лучше известно, что ты сделал с ланским епископом⁸. Скрываясь в тесном уголке Лотарингского королевства, ты в пустом тщеславии похваляешься, будто владеешь всем королевством. Вспомни, однако, что в этом королевстве имеется и чем по Божьей милости владеют наша общая племянница (Беатриса) с ее благородным сыном, викарии апостолов, пастыри овчарни Святой Церкви, которых ты пытаешься грызть собачьими зубами днем и ночью, и, кроме них, другие светские владетели, нисколько от тебя не зависящие. Выкинув из головы пустые бредни и прояснив опьяненный хмельным питьем ум, ты будешь, наконец, в состоянии сообразить, что то, что ты делаешь, есть ничто и в ничто же будут обращены провидением твои замыслы» (82, № 31).

Ответ Карла, в столь же восхитительном стиле сформулировал Герберт: «Карл, если и представляешь собой что-нибудь, то обязан этим одной лишь милости Божьей, Теодориху, прототипу лицемеров, изменнику императорам, убийце их детей и врагу всего государства. Что ты мне тычешь в глаза герцогиню Беатрису с сыном и знатью королевства? Разве ты не видишь несчастный, что ты обманулся и никто не примет участия в твоём заговоре? Не один и не в уголке каком-то, как это ты после ночного пьянства вместе со рвотой изрыгнул, храню я верность сыну нашего Кесаря несколько ненарушенной. Со мной заодно владельцы Галлии, славнейшие, совершенно независимо от твоего о них мнения, короли франков, лотарингцы испытанной верности. Всем им дороги интересы сына Кесаря, никто из них не хочет, ни отнимать у него королевскую власть, как это хочешь ты, ни создавать второго короля. Ты смешал человеческое и Божественное право и, крича о законах, совершенно похож на рогатую улитку, которая внутри своего домика может вообразить себя бодливой. К тому ли тебя обязали милости Оттонов? Впрочем, что ты не был никогда верен Оттонам, в том уличает тебя не только твоё поведение по отношению к сыну. Когда ты измышлял способы изгнать Лотаря, короля франков которого ты называешь славным, хотя и ненавидишь всей душой, из его государства, а меня посадить на его место, — в то время ты разве хранил клятву верности, данную им или, что то же, мне, да! мне перед тем самым алтарем, который ты имеешь бесстыдство называть? Ты ведь понимаешь, конечно, что ты тогда делал: ты побуждал меня поднять оружие на брата моего и на сестру твоего государя, т. е. другими словами, имел в виду известить междоусобиями весь наш царский род, чтобы заменить его тиранами с пустым именем королей и, презрев свой духовный сан, возлежать с ними в опустевших чертогах. Ты

совершил клятвопреступление у всех на глазах. Свой город ты разорил грабежом. Церковь, вверенную, как ты выразился, тебе, ты опустошил...» (82, № 32). Теодориху не удалось долго продолжать этот спор; он умер 7 сентября следующего года.

Императрицы Аделаида и Феофано при поддержке короля Конрада⁹, наконец собрав войска, покинули Павию и направились в Германию. Генрих Баварский, как все указывает, не сопротивлялся. Возможно, он был обескуражен взрывом негодования в Германии против его замыслов; возможно, замыслы эти не слишком хорошо закрепились в его рассудке; он, без сомнения, сначала намеревался стать всего лишь регентом королевства, а его сторонники зашли слишком далеко. Как бы то ни было, Генрих пообещал императрицам вернуть им Оттона III. Он сдержал слово во время их встречи в Рорхейме в воскресенье 29 июня 984 года. Придя в радость от этого известия, Адальберон писал архиепископу Экберту, с которым он примирился благодаря поступку Генриха: «Ныне опасные времена не позволяют доверять всего того письму, что доверяется верным послам. То, о чем вы передали нам через нашего Г. (скорее всего, речь идет о Герберте) о настоящем положении Божьих церквей и государств и о том муже, который мог быть виновником всего этого, исполнило нас радости. Если прежде мы боялись его как тирана (Генриха), то теперь мы удивляемся его верности и мудрости. Приведите в исполнение то, что вы от его имени нам обещали. Мы уже исполнили то, чего вы просите у нас для него и для себя, причем не выдали ваших секретов и в наших действиях вполне руководились преданностью вам» (82, № 38)*. Смысл последней фразы неясен. Ж. Аве¹⁰ интерпретировал ее следующим образом: «Мир между Генрихом и императрицами

* Это письмо написано между июлем и октябрём 984 г.

должен был лишить короля Франции, Лотаря, предлога, под которым он мог присвоить себе опеку над юным Оттоном. Таким образом, Лотарь был заинтересован в его срыве, поэтому от него осмотрительно скрывали ход переговоров» (82, стр. 37; пр. 1). Это объяснение наиболее правдоподобно, особенно если принимать во внимание последующие события.

Переговоры с Генрихом продолжались еще несколько месяцев. Действительно, мир был заключен только на большом собрании германцев, лотарингцев, а также французов, которые прибыли в Вормс во второй половине октября 984 г. Герцогиня Беатриса сыграла значительную роль в этих переговорах и активно помогала в деле заключения мира. Ценой за ее услуги стало назначение ее среднего сына Адальберона епископом Меца. Сначала Адальберон сумел получить место епископа Вердена, остававшееся незанятым со смерти Викфрида 31 августа 983 года. Епископство было бедное и беспокойное, поэтому, когда Адальберон узнал о кончине Теодориха (7 сентября 984 г.), он отказался от Вердена и добился более благополучной кофепархии Мец, к тому же бывшей основой могущества его семьи. С одобрения Аделаиды, его избрали в понедельник 16 октября. Вернувшись в Вормс со своей матерью Беатрисой, он был посвящен Трирским архиепископом Экбертом в воскресенье 28 декабря 984 г.

Место епископа Вердена пустовало недолго. Реймский архиепископ очень хотел заполучить его для своего тезки-племянника, сына Годфрида, графа Верденского. Адальберон, сын Годфрида, отправился к императрицам в Вормс, очевидно, чтобы принести им клятву верности, и они пожаловали ему епископство от имени Оттона III. Адальберон являлся только причетником; его дядя возвел его в сан дьякона и священника. Из-за непредвиденных обстоятельств, по

священие нового епископа было отложено более чем на год.

На тот момент Адальберон Реймский и Герберт были вполне успокоены и удовлетворены миром в Вормсе. 1 ноября Герберт покинул Реймс и готовился вернуться в Рим, в соответствии с принятым вместе с императрицей Феофано в Павии решением в начале 984 г., когда он уезжал из Италии во Францию. Его путешествие так и не началось; перед отъездом в Италию (конец ноября или начало декабря) он был вызван в Реймс новостью, которая развеяла их с архиепископом надежды. Генрих не смирился безропотно с миром, по которому ему даже не вернули герцогство Баварское. С другой стороны, Лотарь был сильно недоволен тем, как его в два счета устранили от опекуна Оттона III. Когда рассматривали, кого назначить на два самых важных епископства Лотарингии, — страны, покровителем которой он являлся, с ним даже не посоветовались. Однако новый епископ Вердена был клириком Реймской церкви и одним из лотарингских заложников, которых ему в свое время передал Реймский архиепископ¹². Это было почти что предательство, или, во всяком случае, проявление полного неуважения; король слишком очевидно дал понять, что более его в расчет не принимают, поскольку теперь опасность миновала. Естественно, что Лотарь и Генрих заключили соглашение. Генрих сделал первые предложения в ноябре 984 г., и союз тотчас был заключен. По договору, Лотарь должен был поддерживать планы Генриха на корону, а взамен получит власть над Лотарингией. Клятвы, которыми обменялись через посланцев, Лотарь и Генрих собирались подтвердить во время встречи на Рейне, в Бризахе, в воскресенье 1 февраля 985 г.

Как Адальберон и Герберт узнали об этом соглашении? Неизвестно; ясно лишь, что они были осведомлены даже о самых незначительных делах Фран-

ции, Германии и Италии. Особенно Лотарь и Людовик V были окружены шпионами, через которых в архиепископство Реймса поступали сведения обо всех их планах. Адальберон и Герберт поторопились сообщить своим друзьям об угрожающих замыслах Лотаря и Генриха. Герберт писал в ноябре-декабре 984 г. Ноткеру, епископу Льежа, с целью, видимо, поощрить его верность Оттонам: «Бодрствуете ли вы, отец отчизны, — вы, чья верность императорской партии широко известна. Или вы ослеплены злой судьбой и неосведомленностью? Разве вы не видите, что божественная и человеческая справедливость попирается повсюду? Смотрите, как открыто покидают того, кому вы обещали хранить верность (Оттона III) из-за благодеяний его отца, — верность, которую вы должны хранить незыблемо. Французские¹³ короли тайно собираются проникнуть в Бризах, близ берегов Рейна; Генрих, объявленный врагом общего блага, поспешит к ним на встречу 1 февраля. Примите же все меры к сопротивлению, отец мой, чтобы не допустить союза против вашего господина и вашего Христа. Власть нескольких королей есть зло для королевств. Трудно быть не на чьей стороне, выберите же лучшую*. Что касается меня, то осыпанный милостями Оттоном, я остаюсь абсолютно преданным его сыну и наследнику чью партию выбрал без колебаний. Нам известны подлые замыслы Генриха, враждебные намерения французов. Какой из этого будет исход, мы не знаем. Не допустите раздела трона человеком, от которого вы не сможете в последствии избавиться» (82, № 39)

* Эта фраза, как мне кажется, показывает, что Генрих пользовался всеобщей популярностью, и верность епископа Ноткера была поколеблена. В конце концов хартия Ноткера составленная в Льеже в это время, 28 октября 984 г. датирована «первым годом имперского правления Генриха» (99, стр. 30).

Именно тогда впервые у архиепископа Реймса появилась мысль о сближении с Робертинами и об их оппозиции Каролингам. Он нашел Гуго Капета и уверил его, что императорский двор хочет возобновить с ним и его сыном Робертом союз, заключенный между ним и Оттоном II три года назад в Риме. Он убедил его, что это было желанием умершего императора, о котором тот поведал своему любимцу — сыну графа Зигфрида¹⁴. Все это Адальберон придумал сам. Впоследствии Гуго Капет смог обнаружить, что данные заверения мало надежны. Герберт поторопился предупредить об этих событиях племянника архиепископа, который еще не был посвящен в епископы Вердена. Он прибавил: «Это дело мы считаем спасением нам и сыну Кесаря. Смотри по тому, хотите ли вы взяться за это дело или оставить его, напишите нам скорее, стоит ли нам заниматься этим делом, вообще далеко (для нас) небезопасным (из-за Лотаря), или же пребывать в безопасном бездействии. А уж сколько замыслов и военных действий можно было бы парализовать этим способом, трудно даже и сказать» (декабрь 984 г.) (82, № 41).

Епископ Вердена и его друзья не захотели или, скорее, у них не было времени последовать плану архиепископа Реймса. Лотарь и Людовик V во главе армии отправились в Бризах в назначенный срок (1 февраля 985 г.). Там их ожидало жестокое разочарование. Постоянно неуверенный и нерешительный Генрих опасался вызвать недовольство немецких князей тем, что примет королей Франции на германской земле (Бризах находился на правом берегу Рейна). Он предпочел нарушить свое слово, отказавшись от выгодного союзничества, и поэтому не пришел к месту встречи. В довершение всех неприятностей, французы чуть не погибли на обратном пути. Переход армии тревожил и разгневал возгских горцев. Вероятно, подстрекаемые Годфридом Верденским, они вознаме-

рились воспрепятствовать французам повторно пересечь их страну. Поэтому, когда Лотарь возвращался назад, то он обнаружил непроходимые, заваленные деревьями и изрезанные ямами ущелья (без сомнения, это было ущелье Шлюхт). Неблагоприятное время года (дело было в феврале) лишь усилило критическое положение французов. Когда армия углубилась в долины, горцы атаковали ее с высоты, со всех сторон осыпая войско градом стрел. Против подобной тактики кавалерия (*equitatus*) оказалась бессильной. Умелое командование Лотаря спасло армию. Легкой пехотой (*tirones*) он вытеснил противника с высот. За это время главные силы армии смогли пройти через долину; с защищенными флангами ему оставалось только провести лобовую атаку и устранить препятствие. Лотарю пришлось трижды повторить этот маневр, пока, наконец, с большим трудом он смог прорваться.

Французский король не собирался впадать в уныние, и эта неудача только подстегнула его. Он решил одолеть все препятствия на своем пути, как внутри страны, так и в чужих краях. Не рассчитывая на Гуго Капета, которого Адальберон, а возможно, и герцогиню Беатрису, его сестру, завлек в партию Оттона III, Лотарь предпочел заручиться преданностью личных вассалов герцога Франции. Графы Эдмунд и Герберт¹⁶, которым он пожаловал графства Мо и Труа¹⁷ после смерти их дяди Герберта¹⁸, поклялись следовать за ним до окончательного завоевания Лотарингии. Таким образом, несмотря на происки Гуго королевская армия оказалась довольно мощной. Вначале было решено атаковать Верден, что было очень важно, ввиду его близкого местоположения, а также, вероятно, из-за враждебно настроенного графа Гофрида. Осада длилась всего восемь дней. Осажденные были побеждены и захвачены в плен. Начальник гарнизона, рыцарь по имени Гоберт, вынес Лотарю ключ от города. Впрочем, в городе была партия, благопр

отно настроенная по отношению к королю Франции. Оставив для охраны Вердена свою жену Эмму, сам Лотарь вернулся в Лан (середина или конец февраля 985 г.) и распустил свои войска, но приказал им, по первому же сигналу быть готовыми продолжить наступательную кампанию. Армия, которую он расположил к себе всевозможными дарами, заверила его в своей верности и преданности.

Лотарь не зря задумал принять меры предосторожности. Взятие Вердена оказалось событием, которого никто не ожидал. Узнав об этом, лотарингские князья двинулись на город. Годфрид, его сын Фридрих, Зигфрид Люксембургский, молодой герцог Верхней Лотарингии, Теодорих, Бордон и Гозилон хитростью захватили Верден. Они проникли с отборным войском в торговый квартал, расположенный на правом берегу Мааса, но соединенный двумя мостами с городом. Изгнали оттуда французский гарнизон и королеву Эмму. И предвидя новую осаду, собрали в Вердене различных припасов, реквизировали торговцев и крестьян вокруг. Заставили нарубить себе бревен в арагонских лесах, чтобы соорудить оружие и машины. Кузнецы изготовили для них всевозможные металлические снаряды. Они собрали тысячи мотков веревок, кожаные щиты, сотни боевых машин.

В это время Лотарь находился в Лане, пребывая в состоянии неопределенности, стоит ли ему захватить Лотарингию оружием или же мягко, но настойчиво добиваться ее силой убеждения. Когда же король узнал о том, что Верден захвачен и что враги активно ведут подготовку к боевым действиям, то собрал свою армию, на этот раз решив окончательно с войском, насчитывающим десять тысяч человек, покорить Лотарингию. Он отправился на Верден. Расположение осажденных и сама ситуация сделали правильную осаду весьма затруднительной. Верден тогда, за исключением торговой слободы, находился в излучине

Мааса, который почти полностью окружал его со всех сторон водой. Скалистое плато, высотой около двадцати метров, находившееся на западе города, где нынче стоит крепость, не позволяло с этой стороны ни атаковать, ни подвести боевые машины. Очевидно, что французы не пересекали Маас, поскольку это ничем им не помогло, а только бы создало опасную ситуацию, так как путь к отступлению оказался порезанным. Вероятнее всего, что они встали лагерем либо на ограниченном пространстве, находившемся между современной крепостью и Маасом (на северо-востоке) либо (что наиболее вероятно и лучше совпадает с описанием Рихера) закрепились на юге Вердена, на равнине, окруженной рекой.

Французы внезапно атаковали город, обрушив на осажденных шквал стрел и арбалетных болтов. Это не нанесло осажденным особого вреда, поскольку они находились под защитой громадных щитов, установленных на земляных валах. Видя, что внезапное нападение не принесло успеха, французская армия устроилась на равнине, окружив свой лагерь рвом, чтобы обезопасить себя от различных неожиданностей и вылазок осажденных. Армия короля принялась сооружение передвижной башни; Рихер дает ее точное и интересное описание, которое свидетельствует о том, что в целом к X веку военное искусство не было полностью утрачено. Для того чтобы осадную башню можно было катить, использовали следующие средства: четыре громадные сваи напротив городских рвов вколачивали в землю на десять шагов; оставшаяся часть выступала из почвы на восемь шагов; веревки, прикрепленные с одной стороны башни, обматывали вокруг четырех столбов; в другие, более длинные концы канатов, впрягали волов, чем дальше животные отступали от рвов, тем ближе башня, подтягиваемая ими, подъезжала к врагам; чтобы облегчить ее дви-

жение, снизу были прикреплены валики, по которым она и скользила.

Осажденные противопоставили врагам другую башню, но уступавшую по высоте и прочности. Однако бой, который с упорством вели воины обеих башен, продолжался безрезультатно. Камень, пущенный из пращи, попал Лотарю, который слишком приблизился к стене, в верхнюю губу. Ранение короля только усилило боевой дух его войск. Наконец король приказал использовать железные крючья, с помощью которых удалось зацепить вражескую машину. Тогда французы перекинули канаты через бруссы и, потянув сверху, попытались перевернуть башню. Она накренилась в опасное положение, и лотарингцы вынуждены были срочно ее покинуть. А немного погодя, видя, что их сопротивление бесполезно, они сдались. Лотарь не стал мстить никому из жителей. Он отпустил на свободу гарнизон и довольствовался пленением лотарингской знати, охрану которой поручил Эду и Герберту, поместившим пленников в замке на берегах Марны. Вернувшись в Лан, король распустил свою армию (конец марта 985 г.).

Для Реймского архиепископа захват Вердена и пленение его родичей стали серьезным ударом, но его друг Герберт, единственный на тот момент не упавший духом, проявил большую активность, чем когда-либо. Со свойственной ему гибкостью и ловкостью, он, что удивительно, сумел добиться 31 марта 985 г. от графов Эда и Герберта позволения посетить пленников в начале апреля. Он даже смог передать от пленников письма с их наставлениями родственникам. Эти письма нами переведены и приводятся здесь полностью, поскольку они свидетельствуют о стойкости духа и решительности пленников, и ловкости Герберта. Первое письмо Герберта было адресовано двум сыновьям Годфрида, которые не принимали участия в осаде и не попали в руки Лотаря. «Адальберону, выбранному

епископом Вердена, и Герману, его брату. Счастливы те, кому мужество отца подает пример. Ваш отец требует от вас не падать духом из-за этого неожиданного события. Не нарушайте клятвы верности, которую вы дали сыну Кесаря, защищайте от врагов все крепости своего отца, наконец, не сдавайте французам ни Скарпон, ни замок Гаттона, ни какие другие города, вообще ничего, что оставил вам на хранение отец, обольщенные напрасной надеждой добиться также его освобождения или запуганные угрозой подвергнуть его и вашего брата Фридриха пытке. Пусть враг знает, что он не пленил Годфрида полностью и теперь вы стали защитниками страны. Таковы приказы, которые ваш великодушный отец дал своим благородным сыновьям 31 марта. Он поручил мне передать их, зная, что я всецело ему предан, так же как и вам» (82, № 47). В то же время он повторил им рекомендации, сделанные уже в предыдущем году в поисках союза Робертинов: «Быстро изложим тайное послание без адреса. Король Лотарь правит страной только по имени, настоящим же правителем является Гуго. Если вы вместе с нами добьетесь его дружбы и сблизите его сына (Роберта) с сыном Кесаря (Оттоном III), то вам не придется тревожиться из-за вражды королей Франции» (82, № 48).

Те же рекомендации Герберт повторил графине Матильде, жене Годфрида, и Зигфриду, сыну и тезке графа Люксембурга. Первой он сказал: «Пусть моя госпожа Матильда перестанет сетовать. Ваш прославленный супруг, Годфрид, первый среди равных, опасный даже для своих победителей, приказывает ей то же самое. Увеселите свой дух, т. к. грусть иссушает тело и помутняет рассудок. Сохраните вы и ваши сыновья несокрушимую преданность августейшей императрице Феофано. Не ведите никаких переговоров с французами и отклоняйте предложения королей Франции. Займите и защищайте все крепости такие

образом, чтобы ваши враги не смогли в них проникнуть. Не дайте себя поколебать ни надеждой на освобождение вашего мужа, ни страхом подвергнуть его и вашего сына смерти. Именно это он поручил мне 31 марта возле Марны; я же послушно передаю вам его наставления» (82, № 50).

Второму: «Побуждаемый искренней привязанностью к вашим, ныне пленным, родичам*, мы отправляемся в канун апрельских календ повидать их на Марне. То, что они пожелали сообщить нашей госпоже Феофано касаясь их преданности, об этом мы извещаем ее другим письмом. Но поскольку по милости Эда и Герберта, охране которых они поручены, нам разрешено их навестить, сообщите нам в письме все то, что ваша государыня и вы хотели бы им передать. Мы оставляем последнее слово за вами: если вы подружитесь с Гуго, вы сможете без труда избежать нападений французов» (82, № 51).

Вот послание Феофано, о котором Герберт упоминал в предыдущем письме к Зигфриду: «Не зря Бог удержал меня от намерения отправиться к вам по вашему приказанию, т. к. в канун апрельских календ я встретился с пленными графами, Годфридом и его дядей по отцу Зигфридом. Среди многочисленной толпы врагов я оставался единственным верным вам человеком, которому пленные графы могли со спокойной душой доверить свои взгляды на положение дел в вашей империи. По их просьбе я написал письма их женам, друзьям, чтобы убедить их хранить вам верность, не страшась происков врагов, предпочтя по их /пленных графов/ примеру, если судьбе будет угодно, оставаться верными вам в плену, нежели, изменив вам, наслаждаться отчизной. Это самые дорогие мне люди, ибо они страдают скорее из-за того, что не в силах действовать вам на благо, нежели

* Зигфрид был его отцом, а Годфрид — родным кузеном.

из-за оков, в кои их заковали недруги. Но если раздор между знатью есть гибель для государства, согласие же, царящее между вашими сеньорами, нам кажется должно быть лекарством ото всех невзгод. Тройной канат разорвать трудно. Знайте же, что французские короли смотрят на нас косо за то, что мы верны вам а им противоречим и за наши близкие отношения с Реймским архиепископом, Адальбероном, на которого из тех же соображений они смотрят как на неблагонадежного подданного. Сообщите же нам ваши намерения по этому поводу, и как только мы получим возможность пробраться мимо врагов, передайте нам где и когда мы сможем вас найти, мы готовы повиноваться вам во всем. Дело идет к тому, что сегодня речь более не идет об его (Адальберона) изгнании, — несчастье, которое можно было бы еще пережить, но отныне опасность грозит его жизни. Та же ненависть обращена и на меня как виновного в сопротивлении королю. Наконец, тяготеющий над ним гнет, столь тяжек, а ваше имя теперь столь ненавистно, что оно больше не осмеливается вас знакомить в письмах со своими несчастьями. Но если эта тирания станет нестерпимой и единственным средством спасения станет убежище возле вас, то все равно не напрасно возлагал на вас все свои надежды тот, кто решился поддерживать вас и вашего сына изо всех сил (82, № 52).

Таким образом, в марте 985 г. королям Лотарю и Людовику V уже стало очевидно, что Адальберон и Герберт предатели. Они тотчас приняли жесткие меры в отношении архиепископа. Лотарь заставил его под угрозой смерти написать под свою диктовку письма архиепископам Трирскому, Майнцкому и Кельнскому¹⁹. На свое несчастье, он обратил недостаточное пристальное внимание на Герберта, который оказался для него еще более опасным, чем Адальберон. Король не догадывался, что Герберт тайно отправил корреспондентам архиепископа письма, в которых предупредил

реждал, что предыдущие послания Адальберона заставили написать силой и относиться серьезно к их содержанию нельзя. Герберту же удавалось поддерживать связь с пленниками и служить посредником между ними и императрицей Феофано. Поэтому все предосторожности и насильственные меры, предпринятые Лотарем, оказались тщетными. Никому еще не приходилось терпеть столько предательства, сколько последним Каролингам. В подтверждение этому существует письмо Герберта, написанное Ноткеру, епископу Льежа, абсолютно преданному Империи, датированное тем же числом, что и предыдущее: «Все обращаются к вашему имени в то время, когда честность столь редка, а непорядочность столь привычна. Ваш Годфрид и его друзья, которые ставят любовь к нему превыше своего собственного блага, и позаботятся о его жене и его сыновьях, если он умрет, обращаются к вам. То, что человек, подобный ему, придерживается такого мнения о вас, уже свидетельствует о блеске ваших добродетелей. Он воодушевляет тех, кто любит его и предан ему, и призывает оставаться верными своей государыне Феофано и ее сыну и без страха сопротивляться французам. Придет тот счастливый день, когда предатели отчизны будут отпущены от ее доблестных освободителей, когда одни будут наказаны, а другие вознаграждены. Вы никоим образом не должны думать, что архиепископ Рейнский, Адальберон, причастен ко всему этому. Уже в самих его писем к вашим архиепископам видно, что он написал их по принуждению тирана (Лотаря); все мысли, которые изложены там, не принадлежат ему, ибо вырваны из него силой» (82, № 49).

Адальберон сам подтвердил правдивость этих слов в письме, адресованном архиепископу Трирскому (апрель 985 г.): «Я нисколько не хочу скрывать от вас, что в прошлом посланном мною к вам письме я выступил защитником единодержавия моего сеньора (Лотаря), которому я всем обязан. Так как мой пле-

мянник был готов дать и выполнить ту клятву, которую все дали моему государю²⁰, то он и получил от меня отпуск сообразно законам отцов*. Но каким образом он мог оказаться вероломным (в чем его обвиняют я никак не могу понять. Как же вызвать на суд и отлучать от церкви этого Адальберона, как просить других поступать так же? Ведь, согласно законам это не подвластно, и потому мы не сделаем этого и никого не попросим сделать это из страха ввергнуть в ту же бездну нас самих и тех, кому мы можем быть благодарны. Небесный царь говорит: «Воздай Кесарево Кесареви, а Божье Богу». Сообразно этому я буду хранить верность моим королям (Лотарю Людовику) незапятнанной, буду оказывать им всегда рабское повиновение (sic!), не уклонюсь ни в чем этого пути, но Божьи веления все же буду ставить выше. Но поскольку в наши времена немногие покоятся о Божьих велениях, когда мы радеем Божьим законом, нас обвиняют в вероломстве и каком-либо другом преступлении. Из этого следует, что помещенным между молотом и наковальней нам сложно не погубить душу и тело. Если сострадание не чуждо вам, которого мы всегда почитали как брата или скорее как отца, обремените себя советом и помощью другу; во времена благоденствия мы всегда надеялись на вас, так сделайте, чтобы мы не утратили надежды в иное время. Мы обращаемся не к человеку, а к скромности первосвященника. Доверив вам свои тайны, мы берем Господа в свидетели, взывая к ужасной мести, если это приведет к нашей гибели. (82, № 54).

Экберт успокоил Адальберона, но в то же время упрекнул его за враждебное отношение к Генриху

* «Каноны апостолов». См. Migne, Patrologia latina. V. LXVII, col. 143. (Ни один дьякон или священник не может покинуть свой приход, чтобы исполнять свое служение, в другом месте без разрешения своего епископа.)

Баварскому. Ответ Адальберона был написан в очень мягченных тонах, если сравнивать его с письмом № 52 (см. стр. 125—126); — «Реймский архиепископ, охваченный чувством страха, в то время был озабочен лишь тем, чтобы постараться жить в ладу со всеми и всем угодить», — довольно справедливо отметил Жюльен Аве (82, стр. 52, пр. 3). «Ваши письма, освободившие нас от множества забот, дают нам новые. Ибо мы возрадовались постоянству вашей привязанности, вашей верности, вашему самопожертвованию для нас. Кому удалось омрачить ваш ясный ум настолько, что вы во всем считаете меня согласным с моими родственниками: я не знаю, за что бы мне ненавидеть Генриха, и знаю, за что мне его любить. Но в настоящее время, в чем может выразиться внешним образом это мое расположение к Генриху? Обязательства складываются не так, как мы того хотим: в одном случае они зависят от Божьего произволения, в другом — от слепой судьбы. Как только появится возможность, известите меня, что было решено на нашем съезде в Дуйсбурге, что требует правительство короля от герцогини Беатрисы и других лотарингских сеньоров, если вам об этом не известно, разузнайте об этом и как можно скорее дайте нам об этом знать, и сообщите, что вы думаете на этот счет. Заканчивая, мы повторяем, что мы о вас самого лучшего мнения и ждем, что вы нам окажете то же доверие, с которым мы обсуждаем с вами наши дела» (82, № 55).

Но никакие хитрости и заверения Адальберона не смогли обмануть Лотаря. В Лотарингии он запретил ему выезжать дальше, чем за Музон. В апреле 985 г. король получил письмо от архиепископа, которое только вывело его из себя. Адальберон обязан был предоставить, будучи крупным вассалом и светским сеньором, который имеет многочисленные владения, от себя подмогу для осады Вердена. Король приказал ему, чтобы архиепископское войско снесло до основания монастырь Св. Павла, который находился около

города и мог послужить убежищем для врагов. Адалъберон ответил, будто не узнает ни почерк короля, ни внешнего вида королевского указа. К тому же он отказался исполнять приказы Лотаря и утверждал, что воины, пребывающие в нищете, отказались жить дальше в гарнизоне Вердена.

В мае Лотарь решил на большом собрании представить архиепископа Реймса суду, обвинив его в предательстве. Собрание состоялось в понедельник 11 мая, в Компьене. Из лотарингцев присутствовали герцог Карл и граф Ренье²¹, из французов Герберт де Труа, Гибуин, епископ Шалона (на Марне), Адалъберон, епископ Ланский. Граф Шартрский, Эд, задержанный неизвестными делами, там не присутствовал. Архиепископ Реймса представил речь в свою защиту в том виде, в каком она была составлена его другом Гербертом: «Меня обвиняют в коварстве и предательстве королевского величества. Говорят, что я виновен в том, что позволил моему племяннику, реймскому клирику, покинуть епархию, чтобы отправиться ко двору иноземного короля²² и добиться от него епископства на территории королевства, которое мой сеньор, король Лотарь, собирался потребовать себе как свое наследственное владение, и в том, что я пожаловал моему племяннику, без разрешения и согласия моего господина, духовный сан».

Оправдательная речь.

В то время, когда мой сеньор король Лотарь еще не владел королевством Лотарингией и еще не обнаруживал желания вернуть его себе, я получил в заложники сына моего брата, пообещав вернуть его немедленно на свободу и его семье, если со временем этого потребуют обстоятельства. Когда мой сеньор сделался опекуном императорского сына и получил заложников вследствие этого, мой брат (Годфрид)

неоднократно требовал вернуть назад своего сына, и так как я не торопился, он упрекал меня в нарушении слова и воззвал к высшему Судии, который на страшном суде отмстит за оскорбленное доверие и родственные узы. Мой сеньор не предупредил меня, что желает получить назад королевство, речь шла только об опекунстве. Вовсе не запрещая мне отпустить моего племянника, клирика, он даровал мне на это разрешение с благосклонностью, что, по крайней мере, выходит из донесений моих посланцев, правда, при условии, что он исполнит все, что обещал его отец. Я позволил тогда моему племяннику уехать, но потребовал, чтобы он поклялся хранить чистосердечно верность в деле, которое повлекло за собой передачу заложников; этой клятве он остался верен до сих пор, и думаю*, будет верен ей в дальнейшем. Если я и посвятил его в диаконы и пресвитеры, для того чтобы, избавившись от нашей власти, он не подпал под власть другого, /а также/ чтобы пресечь путь злым наветам, которые появились бы против нашей церкви, если бы иподиакон попал в епископы; впрочем, сан диакона и священника не дает право ни на области, ни на города, ни на деревни, входящие в состав земных королевств, но налагают обязанность только в небесном царстве — бороться с пороками и нести добродетели. Везде, где бы я ни обвинялся в предательстве и коварстве, я показал, я думаю, что сдержал свое слово и, несмотря ни на что, сохранял верность моему сеньору» (82, № 57).

* Адальберон противоречит себе. В письме 54, направленном Экберту, он жалуется, или притворяется, что жалуется, на своего племянника, который не сдержал слова, данного под клятвой королю. Архиепископ лгал в том или в этом письме. Мы этого точно не знаем, но, по крайней мере, один раз он солгал.

Последнее утверждение было смелым, но сомнительно, что собранию оно показалось правдоподобным. Адальберон же заботился о том, чтобы заручиться более действенной помощью, нежели его красноречие. Он рассчитывал на помощь Гуго Капета. Герберт уже два или три раза советовал семье графа Годфрида заручиться дружбой с Робертинами. Сам же он налаживал отношения с герцогом, что не представляло особого труда, поскольку Герберт являлся наставником его сына Роберта, и заинтересовал его горькой участью архиепископа²³.

В то время, как шел суд над Адальбероном, Гуго двинулся во главе шести сотен воинов на Компьень. Узнав об этом непредвиденном нападении, собрание тотчас же было распушено. Адальберон был спасен и вплоть до конца правления Лотаря попытки его судить не возобновлялись. Но с другой стороны, вражда Гуго Капета с Лотарем продолжалась весьма недолго. Уже в июне Гуго примирился с королем. 18 июня, в четверг, к великой скорби императорской партии, он присоединился к Лотарю и Эмме. Король скрепил это соглашение тем, что предоставил Гуго возможность распоряжаться судьбой его племянника молодого герцога Теодориха. Видимо, Лотарь нашел, что предпочтительнее освободить пленников²⁴, при этом, естественно, приняв соответствующие меры предосторожности. С конца июня Зигфрид уже находился на свободе; Гозилон получил свободу, отдав заложники своего племянника, сына своего брата Бардона, и пообещав выполнить те же условия, что и Зигфрид. Бесстрашный же Годфрид остался глух ко всем предложениям Лотаря. Нужно сказать, что предложения были весьма суровые. Он мог обрести свободу только при условии возвращения Монса и Эн-Ренье, уступки Лотарю и его сыну графства и епископства Вердена, наконец, передачи заложников и клятвы верности королю Франции. Поэтому Годфрид предпочел остаться в плену. Впрочем, его тюремщики

Эд и Герберт, считали его отчасти своей собственностью и собирались выгодно использовать сложившуюся ситуацию. Конечно, Герберт навещал его не бесплатно. Поэтому Адальберон и Герберт, прекрасно зная этих двоих, надеялись, предложив хорошую цену, заключить с Эдом и Гербертом договор, который Герберт называет посредническим миром (*pax sequestra*), и освободить Годфрида. Однако их переговоры прошли неудачно и ничем не закончились.

В первой половине мая Генрих Баварский, по всей видимости, отправил к Лотарю посланника. Нам неизвестно, с какой целью это было сделано, и какой ответ он получил, неизвестно. Но поскольку спустя некоторое время он заключил с императрицами окончательный мир, можно предположить, что король Франции, прекрасно помня злоключения в Бризахе, отклонил предложения этого нерешительного и неуверенного человека. К тому же, посланник Генриха оказался не самым прозорливым человеком. Дело в том, что на обратном пути, 15 мая, он проезжал Реймс и встретил находившегося там Герберта, который, внимательно выслушав его вопросы и крайние требования, сумел узнать, что на это ответил Лотарь. К сожалению, нам он этого не сообщил.

Совершенно обескураженный, Генрих Баварский направился к императрицам и Оттону III во Франкфурт-на-Майне и заключил с ними окончательный мир (конец июня или начало июля). Он принес клятву верности юному королю и вернул свое герцогство Баварию. Так же, как на совещаниях в Вормсе в октябре 984 г., герцогиня Беатриса принимала активное участие в заключении мира.

Мир, без сомнений, должен был быть подтвержден на «дамском совете», который состоялся в Меце в июле 985 г., вероятно, по инициативе герцогини Беатрисы. На совет должны были прибыть императрицы — Аделаида и Феофано, — Беатриса и, кроме того, некоторые князья и прелаты, среди прочих —

Генрих Баварский и епископ Льежа, Ноткер. По неизвестной причине Генрих прибыл один на встречу. Встревоженные этой новостью, архиепископ Реймса и Герберт написали герцогине Беатрисе и посоветовали ей следить за поведением герцога Баварского. Но опасения были напрасными. Мир между Генрихом и партией Оттона III был окончательным.

Францией не были достигнуты те же результаты. Лотарь ни на мгновение не забывал о своих планах покорить Лотарингию, держа в тайне место, куда направятся его войска. В конце июня Герберт предупредил императрицу Феофану, что на империю будет совершено нападение, но более точной информации у него не было: «Против вас и вашего сына существует либо сейчас готовится заговор. В нем участвуют не только князья, а среди них находится и герцог Карл, он более не прячется и выступает открыто, но и рыцари, которых в него вовлекли надежды или страх тайный и загадочный поход готовится против ваших вассалов, но я не знаю каких» (82, № 59).

Для начала Лотарь решил двинуться в Верхнюю Лотарингию, где ему принадлежал Верден и ждала поддержка в лице архиепископа Трирского, Экберта, чтобы оттуда напасть на Нижнюю Лотарингию. На помощь Гуго Капета он никак не мог рассчитывать, поскольку спустя совсем немного времени после их примирения, герцог, поддавшись влиянию своей сестры Беатрисы и Герберта, по всей видимости, вновь стал довольно благосклонно относиться к императорской партии. Все, о чем Лотарь мог его попросить, — это держаться нейтралитета. Но зато король мог рассчитывать на услуги могущественных вассалов герцога Франции, графов Труа, Шартра, Анжу. К тому же если во время его похода в Лотарингию в 978 г. он встретил противников в лице графов Ренье и Карла, то теперь они выступали как преданные союзники короля. Вероятно, в конце 985 г., или в начале 986 г. Лотарь решил осадить два важных города Нижней

Лотарингии — Льеж и Камбре, с епископами которых, Ноткером и Ротхардом, он находился во враждебных отношениях. Узнав, что король Франции готовится вторгнуться в область Камбре, Ротхард в ужасе поспешил к нему, предоставив свидетельства своей покорности, и, таким образом, добился разрешения отдать королю епископство только после взятия Льежа и подчинения всех лотарингских князей.

Спустя два месяца от начала 986 г., Лотарь принял у себя посланника Бореля, графа Барселоны, который просил у него помощи для борьбы с испанскими сарацинами. Под предводительством аль-Мансура²⁵, визиря Хакама, халифа Кордовского, они 6 июля 985 г. захватили и сожгли Барселону. Положение Испанской марки было критическое. Посланником Бореля под Барселоной, вероятно, являлся Эд, аббат Сен-Кукуфа, который добился у короля во время его пребывания в Компьене (январь-февраль 986 г.) обновления в пользу этого монастыря, грамоты Карла Великого и Людовика Заморского, погибшей во время пожара, устроенного сарацинами. У Лотаря не было времени ответить на просьбы испанских христиан в то время. Он обдумывал грандиозные планы в отношении Лотарингии. Его внезапная смерть сорвала все замыслы, «принеся белгам* отдых». В последние дни февраля по пути из Компьеня в Лан он сильно замерз и простудился. У него начались колики, причинявшие страшные мучения. Король скончался во вторник, 2 марта 986 г., когда ему было чуть больше сорока четырех лет. Прекрасно зная о легкомыслии и бездарности своего сына Людовика, перед смертью он настоятельно советовал ему сохранить поддержку герцога Франции.

«Лотарю устроили похороны поистине с королевским великолепием. Для него было изготовлено ложе, украшенное королевскими инсигниями, тело облачили

* Выражение Рихера.

в шелковые одежды, накрыли пурпурной мантией, усыпанной драгоценными камнями и расшитой золотом. Знатные люди королевства несли это ложе, впереди шли епископы и духовенство с распятиями и евангелиями. Среди них, жалобно вздыхая, шли те, кто нес корону, сверкающую золотом и самоцветами, и другими знаками отличия. Погребальные песнопения почти все время прерывались слезами. После с печальными лицами шли строем рыцари. Остальная толпа, рыдая, следовала за ними. Как он и приказал ранее, его похоронили в Реймсе, в монастыре Святого Ремигия, рядом с отцом и матерью, этот монастырь находится в двухстах стадиях (50 километрах) от места его кончины. И на протяжении всего пути его сопровождали проявлениями сильной привязанности и горячей любви» (131, гл. III, 110).

Неожиданная смерть Лотаря, а спустя год кончина его сына сильно поразили народное воображение. Многие не хотели верить, что оба последних короля из династии Карла Великого умерли своей смертью. Отсюда и проистекают обвинения в адрес жен обоих королей, Эммы и Бланки-Аделаиды, будто бы они отравили своих мужей. Это совершенно нелепые предположения, и открытие рукописи Рихера²⁶ свидетельствует об их бессодержательности. Однако подобная мелодраматичная кончина более нравилась народному воображению.

Полезно будет оценить характер Лотаря и его роль в истории Франции. Если касаться человеческих качеств, достоинств или недостатков, физических и моральных, то в данном случае придется смириться с незнанием данной стороны вопроса, поскольку мы не имеем склонности создавать панегирики, какой был написан Гельгоном для Роберта II²⁷. К чему изображать портреты в стиле Капефика и Мурена²⁸. Когда молчат документы, этот прием становится по-детски смешным. Самое большее, что можно предположить, основываясь на грамотах, что Лотарь был хорошим

сыном и любящим, привязанным к своей жене Эмме супругом. Он никогда не называл ее, кроме как приятнейшая, сладчайшая супруга (*delectissima, dulcissima conjux*), и никогда не верил слухам об ее интимной связи с Асцелином. Рихер сообщает, что во время осады Вердена Лотарь был ранен, так как слишком близко подошел к врагу, — подобный штрих дает основания предполагать, что король был не лишен личной отваги. Его внезапное нападение в 978 г. на Оттона II представляется не совсем честным, но если бы оно удалось, то прослыло бы в его век (и в наш) как верх ловкости и ума. Поэтому мы не слишком суровы на этот счет.

Но если ничего не известно или почти не известно о личной жизни человека, то совсем иначе дело обстоит с Лотарем-королем. Когда читаешь историю царствования Лотаря, ясно видно, что он был государем, не лишенным ни ума, ни активности, хотя действия его иногда были бестолковыми. Но несмотря на это, правление Лотаря оказалось более славным и счастливым, нежели царствование его отца Людовика IV. Ему неоднократно приходилось бороться с противодействием Робертинов, но зато против него не создавали грозных коалиций, как это было во времена его отца и деда. Правда, это зависело как от исчезновения Гуго Великого и мудрого покровительства Брюнона и Герберги, так и от личных качеств короля.

Лотарь не оставил слишком яркого следа в народном сознании. Упоминание о нем я нашел лишь в одной героической поэме об Рауле из Камбре²⁹. Одного маленького ребенка, Лозреля, вместе с королевой-матерью в лесу Рувруа (Булонский лес) захватили в плен Бернье и Герри. Может быть, это смутное и искаженное воспоминание о том, как в 945 один из сыновей Людовика Заморского оказался в плену у норманнов? Сам Людовик Заморский, царствование которого было несчастнее и беспокойнее, чем правление его сына, гораздо чаще упоминается в средне-

вековой поэзии и легендах (которые между тем часто путают его с Людовиком Благочестивым). Однако в XI веке Лотарь еще остается в воспоминаниях как деятельный и славный государь, о чем свидетельствует восторженная похвала хрониста, жившего во времена царствования короля Роберта: «... среди своих предков поистине блистал Лотарь, сын Людовика, муж прославленного рода и скромного нрава, стремившийся к славе, усердный и разумный, который счастливо многие годы правил королевством Франков». «Крепкий сложением, проворный, здравый рассудком», — говорил Рауль Глабер³⁰. Разумеется, можно только усмехнуться, читая Адальберона Реймского, который не переставая предавал Лотаря, но в письме к Экберту называл его «Славнейшим королем Лотарем, светилом именитейших Франков». Эти слова, очевидно, являются преувеличением: но идя от противного, можно допустить, что их вряд ли применили бы к государю, чье царствование было постыдным или незначительным.

Когда читаешь историю раннего средневековья и X века, в особенности удивляешься отсутствию политической идеи, четко сложившегося плана, одним словом, последовательности. События развиваются по воле случая, без видимой связи. Союзы заключались и разрывались, по причине ничтожных, непонятных или неизвестных мотивов. Ни на кого и ни на что нельзя было положиться. Вчерашний друг неожиданно становился смертельным врагом из-за незначительных обстоятельств; и напротив, между еще недавними ярыми противниками наступало примирение. Чувства и разум были непостоянны. Люди той эпохи, особенно светские сеньоры, походили на варваров. Им были присущи сильные страсти, хитрость, коварство, жестокость* и одновременно легкомыслие, безрассудство, неожиданный переход к чувствительности и любви. Все они были людьми верующими, а некоторые на-

* А. Мартен справедливо назвал X век «эрой лжи и обмана».

божными и благочестивыми, но, тем не менее, не упустили, как известно, случая присвоить церковные и монастырские владения. Случалось, они возвращали награбленное, но чтобы при первой же возможности опять приняться за старое. Ни клятвы, ни страх быть отлученным от церкви не могли остановить сеньора, охваченного алчным желанием при виде богатого церковного домена. Он захватывал его во что бы то ни стало, с необдуманым и непреодолимым желанием ребенка или зверя, у которого мысль и поступок были неразделимы. Духовенство тоже было глубоко проникнуто феодальным духом. Коллегиальные каноники совсем потеряли духовное достоинство. Реформа, задуманная в Ключи, даже не предусматривала их исправления (их нравы пали слишком низко). Каноников просто-напросто изгоняли из монастырей и размещали вместо них бенедиктинских монахов (в особенности начиная с середины X века). Белое духовенство страдало от обычая королей и знати присваивать себе право назначения епископов, невзирая на права кафедрального капитула, духовенства и народа, и устраивать на епископские места своих сыновей, чаще всего незаконнорожденных. Дошло до того, что нельзя было больше отличить епископа от графа, настолько их нравы и поведение были схожи. Характерный образец феодального епископа X века — Герберт Оксеррский, внебрачный сын Гуго Великого. Его интересовала только охота и строительство укрепленных замков; он не скупясь жаловал своим друзьям, Эду Шартрскому и Герберту де Труа, собственность своей церкви.

Таким образом, понятно, что слово «политика» бессмысленно применять к светским сеньорам той эпохи, и почти нелепо упрекать самих же королей, которые часто не имели последовательного плана действия. При таком социальном устройстве власть короля зависела, в основном, от его личных качеств, его собственного влияния и особенно от обстоятельств. В общем и целом ситуация благоприятствовала Ло-

тарю. Ему повезло избавиться от Гуго Великого в начале своего царствования; если бы тот остался жив, правление Лотаря только бы повторило правление Людовика Заморского. Гуго умер, его дети были еще слишком молоды, чтобы представлять угрозу для Лотаря. К тому же, как и король, они находились под покровительством Брюнона, и их недобрые помыслы, направленные против царствующего кузена, хоть неоднократно и претворялись в жизнь, но всегда подавлялись их дядей, архиепископом Кельна. Следовательно, у Лотаря была относительно спокойная молодость, если сравнивать с молодостью его отца и деда. Несколько удачных походов в Бургундию и Нижнюю Лотарингию принесли ему определенный авторитет, и, лишившись поддержки Брюнона и советов своей матери Герберги, он настолько укрепился на престоле, что мог более не опасаться Робертинов. Брачные союзы его сестер с королем Бургундии, графами Вермандуа и Руси, наконец, его личные качества, обеспечили ему самое прочное положение, какое занимал каролингский монарх со смерти Карла Лысого³¹.

Однако нельзя сказать, что на территориях, которые простирались от Шельды до Пиренеев и от Соны до океана, власть Лотаря была равным образом признана повсюду. Две области, Гасконь и Бретань, с самого начала полностью ускользнули из зоны его влияния. В Гаскони не признали даже за королем того неопределенного суверенитета, который выражался в исчислении времени годами его царствования. Настоящими и единственными правителями страны были герцог Гильом-Санш³² и его брат Гомбольд, епископ Гаскони. Население армориканской Бретани жило своей особой жизнью. В Верхней Бретани, Конан, граф Реннский, Хоэль и Герек, графы Нанта, были очень независимыми и непокорными вассалами графов Шартрского и Анжуйского*. Последние являлись лишь

* Отметим, однако, что Герек прибыл ко двору Лотаря, когда

подвассалами короля; видно, что власть Лотаря на эту местность не распространялась.

Нормандия также вела свою особенную жизнь. Кому принес клятву верности Ричард — Лотарю или Гуго Капету? Мы не можем этого сказать. С 960 по 966 гг. отношения между Нормандией и королем были враждебные, а в остальное время характер их взаимоотношений неизвестен. Лотарь принял участие в церковных делах этой страны только один раз, это было в 966 и 967 гг., чтобы подтвердить реформу в Мон-Сен-Мишель, осуществленную герцогом Ричардом I.

Влияние короля в личных владениях герцога Франции было также незначительно. Герцог единолично распоряжался аббатствами Сен-Дени, Сен-Жермен-де-Пре, Сен-Мор, Сен-Мартен и др.; он единолично назначал епископов Парижа, Орлеана, Санлиса. Однако известно, что Лотарь подтвердил реформу Сен-Маглуар в Париже и утвердил дарения, сделанные кафедральному капитулу епископом Элизиардом. Лишь одно аббатство, располагавшееся на территории герцога Франции, Сен-Бенуа-сюр-Луар, полностью находилось под королевской властью. Лотарь возобновил его привилегии и иммунитет, он лично назначал туда аббатов, Амальберта, Ричарда, Уалболда.

Суверенная власть Лотаря была полностью признана в области между Сеной и Луарой. Два знатных сеньора этой местности, графы Анжуйский и Шартрский, верно исполняли свой военный долг по отношению к королю. С 962 по 966 гг. Лотарь находился в дружеских отношениях с Тибо Плутотом; его сын Эд I, стал племянником короля по своему браку с

узнал, что его брат Нозль был только что убит под Нантом Галувроном, возможно подосланным Конаном Реннским (58). Хоэль и Герек были сыновьями от первого брака Алена Кривобородого, умершего в 952 г. Герек побывал в аббатстве Сен-Бенуа-сюр-Луар, которое находилось под королевским покровительством.

Бертой, дочерью его сестры Матильды и Конрада, короля Бургундии. Он играл активную роль в последние два года правления Лотаря.

Граф Анжуйский, Жоффруа Серый Плащ, всегда отличался верностью Лотарю; он принял активное участие в войне с Нормандией в 961 г. и в борьбе с Оттоном II в 978 г. Он занимал пост королевского знаменосца, а его сын, Фульк Черный, воспитывался при королевском дворе. Что касается церковных дел Анжу и Шартра, то Жоффруа Серый Плащ просил у Лотаря подтверждения реформы, которую он осуществил в Сен-Обене д'Анжер, и Эд добился льгот для Сен-Пер в Шартре.

Область между Сеной и Маасом была истинным центром королевской власти. Там находились личные владения короля, владения Реймской церкви его союзника и опоры до 985 г., кланов Вермандуа и Руси, которые, предав его деда и тесня его отца, оказывали Лотарю значительную поддержку (помимо перерыва в 959–960 гг.³³). На этих землях король сам назначал епископов и аббатов*.

Фландрия тогда была тесно связана с Францией. Арнульф Старый всегда поддерживал дружеские отношения с королем. Он даже завещал ему либо полностью, либо частично свои владения. После его смерти Лотарь завладел Дуэ, Аррасом, аббатствами Сен-Вааст и Сен-Аманд и фламандскими землями вплоть до Ли. Лотарю нечего было опасаться слабого Арнульфа II. Его власть на Севере простиралась настолько далеко, что иногда трудно в это поверить. Он даровал Теодориху II³⁴, графу Голландскому, область Ваэс. Теодорих II признавал себя не только вассалом императора, но и короля Франции, что видно из двенадцати хартий, подписанных этим лицом и датированных временем правления Лотаря.

* Например архиепископа Реймского, епископов Ланского, Нуайонского и Суассонского.

В герцогстве Аквитанском влияние короля, очевидно, было еще слабее, чем в герцогстве Французском*. В период с 954–962 гг., когда Лотарь волей-неволей должен был поддерживать притязания Робертинов на эту страну, отношения с герцогами Аквитанскими могли быть только враждебными. С 962 г. они вновь перешли на дружескую основу. Король подтвердил дарения, сделанные Аделаидой, графиней Пуату, и строительство монастыря Сен-Круа. Влияние королевской власти на церковные дела Аквитании полностью не исчезло. Лотарь назначил епископов Пуи-ан-Велей и аббатов в Сен-Марсьяль де Лимож. Но его попытки

* Я понимаю под этим термином не конкретную территорию, с строго фиксированными границами, но просто область в междуречье Шельды и Луары. Титул «dux Francorum» не предоставлял его носителю никакой власти за пределами этого региона. Когда Гуго Великий возжелал стать герцогом всего королевства, он заставил Лотаря назначить его не только герцогом Франции, но и герцогом Аквитании и Бургундии — это доказывает, что два последних титула не по смыслу составляли единое целое с первым; наоборот, титул «dux Francorum» давал власть только над теми областями, которые не были ни в Бургундии, ни в Аквитании, ни в Лотарингии, то есть только над землями между реками Маасом, Шельдой и Луарой. Даже в этих узких рамках власть «dux Francorum» не была однозначной. Если графы Шартра и Анжера находились под реальным и неоспоримым сюзеренитетом герцога, то только потому, что происходили от старых виконтов Эда и Роберта; но Бретань, чьи графы были очень независимыми вассалами графов Шартра и Анжу, являлись лишь подвассалами герцога; герцог Нормандии, почти такой же могущественный, как и «dux Francorum». Наконец, графство Ланское и Реймская епархия напрямую подчинялись королю. Личные домены герцога Франции сводились к графствам Парижа, Санлиса, Орлеана, Дрё и владений монастыря Сен-Мартен в Туре, чьим аббатом он являлся. По нашему мнению, «герцогство Франция» было скорее удобным географическим выражением, чем официальным и политическим термином.

установить более серьезное владычество в центре Аквитании провалились по вине его сына Людовика.

О взаимоотношениях власти Каролингов с графами Тулузы, маркизами Готии во второй половине X века ничего не известно. Судя по всему, они были незначительными. Напротив, в одном краю, как ни странно, власть Каролингов всегда признавалась, в отдаленном Руссильоне и Испанской марке. Все хартии этой области, без исключения, датированы годом правления Лотаря. Относительно многочисленные грамоты, пожалованные аббатствам, так же, как герцогам Сунифреду и Гифреду, наконец, просьбы Бореля о помощи, являются свидетельством действительного и неоспоримого сюзеренитета короля Франции над данными территориями. Он же назначил аббатов в Сен-Поль-Маритим и Сен-Феликс де Жексаль.

В Бургундии влияние Лотаря было ощутимее, чем в Аквитании и некоторых частях герцогства Французского. С самого начала правления ему принадлежал главный город герцогства Дижон. Он назначал архиепископов Санса, епископов Лангра и Оксерра. На самом деле герцогу Бургундскому принадлежали Отён, Бон, Невер, лишь вся Бургундия была поделена на множество графств, Шалон на Соне, Дижон, Макон, Тоннер, Груа, Санс и др., совершенно независимых от герцога. Вследствие этого, герцог Бургундский был гораздо слабее короля, герцогов Франции и Аквитании.

Мы видели, как смерть Жильбера в 956 г. вызвала волнения в Бургундии и что Лотарю пришлось совершить несколько походов, чтобы восстановить спокойствие в этой стране и положить конец борьбе сеньоров. Сам же он присвоил некоторое число городов. Вынужденный пожаловать герцогство своему двоюродному брату Эду в 961 г. король, тем не менее, сохранил за собой главный город Бургундии, Дижон. О правлении Генриха, который наследовал своему брату в 965 г., мало известно. Знают только, что он

нес воинскую службу для короля во время войны 978 г. и что он добился у Лотаря грамоты в пользу аббатства Сен-Коломб де Санс. Людовик Заморский в 951 г. принял клятву верности от Летольтда, графа Макона и Бургундского (Франш-Конте). Кроме того, в 955 г. Летольтд при дворе Лотаря добивался грамоты для аббатства Ключни*. Однако нет доказательств, что Лотарь как-то вмешивался в дела графства Франш-Конте. Ж. Фино и Веллар настаивают на обратном, ссылаясь на грамоту Лотаря в пользу аббатства Люр. Достаточно внимательно посмотреть на этот документ, чтобы понять, что это явная фальшивка. Руссе говорит о попытках Лотаря присвоить себе монастырь Сен-Клод. Абсолютно не понятно, на чем основывается автор; он не предоставляет никаких доказательств в подтверждение своей версии, я опасаясь, что он просто путает Лотаря I с Лотарем II. Еще Лотарь якобы подтвердил дарение, сделанное Теотелином, епископом Макона, замка Баже некому графу Гуго, которому суждено было стать, таким образом, родоначальником рода Баже и Брессе. Эта грамота — малоубедительное доказательство. О ней известно лишь из упоминаний одного маконского адвоката XVI века, и к тому же эта грамота не подтверждает, что Лотарь пользовался верховной властью в Брессе.

В отношениях Лотаря с королевством Бургундии нужно выделять два периода. В первом Лотарь поддерживал притязания своего отца на суверенитет этой страны. В 941 и 951 гг. Людовик IV принял клятву верности Карла-Константина, сына короля Людовика Слепого, и гостил у него в Вьенне. В 958 г. Лотарь присвоил себе еще право подарить Ключни аббатство Сен-Аманд де Трикастен, что посреди Прованса. Но эти притязания оказались напрасными. Лионцы и жители Вьенны, в действительности, составляли часть

* В дипломе Лотаря Летольтд назван «уважаемым и вернейшим графом Бургундии».

королевства Конрада, сына Родольфа II, короля Зависюрской Бургундии, затем Прованса (933). Таким образом, выдав свою сестру Матильду замуж за Конрада к 964 г. Лотарь отказался от своих претензий на эту страну. Его брак с Эммой, племянницей Конрада, в 966 г. только упрочил его союза с королем Бургундии. Когда Лотарь писал ему в 980 г., прося схватить Гуго Капета, то начал свое письмо показательными словами: «Я всегда охотно сохранял неприкосновенно договор о дружбе, давно установившейся между нами».

Мы достаточно пространно говорили об отношениях Лотаря с Лотарингией и Германией, чтобы опять на них останавливаться. Подведем только вкратце итог: с 954 по 965 гг., а также в 973 г. эти отношения были дружественными и выгодными для обеих сторон. Совсем еще юный Лотарь, без сомнения, напомнил о своих правах на Лотарингию, но его дядя Брюно покончил с этим, заставив его отказаться от них. Начиная с 976 г. Каролинг захотел возобновить свои права на владение страной между Маасом и Рейном, он питал к своему кузену Оттону II сильную ненависть и вынашивал воинственные планы. Война 978 г. принесла ощутимой выгоды ни одному, ни другому. Находясь в крайнем упадке духа и, возможно, испытывая химерические страхи, Лотарь заключил с Оттоном II договор о мире и союзнничестве в Маргрю-Шьер (июнь 980 г.). Внезапная смерть Оттона и происки Генриха Баварского воскресили надежды Лотаря. Вместо того чтобы предаться унынию из-за своих безрезультатных походов в Эльзас (Бризах, 1 февраля 985 г.), он развил бешеную деятельность и дважды захватил Верден, в результате чего самые знатные могущественные сеньоры Лотарингии оказались в его руках. Он угрожал Камбре и Льежу, где не встретил никакого сопротивления. В числе его сторонников и помощников были его брат герцог Нижней Лотарингии и архиепископ Трира. Его планы могли бы лег-

осуществиться, если бы он не был предан Реймским архиепископом (который должен был быть его самым верным помощником) и если бы не его преждевременная смерть (2 марта 986 г.).

Теперь мы быстро опишем восточные границы королевства Лотаря, не учитывая недолговечные завоевания 985 г*. На юге граница начиналась от устья правого рукава Роны, проходила по течению реки до полпути между Сен-Жилем и Арлем, затем почти все время по эту сторону от левого берега, в десяти или пятнадцати километрах, до слияния с Ардеш; по этому стремительному течению граница следовала до Севенн, затем по горам, оставляя в королевстве Бургундии Виваре и часть графств Валентинуа и Вьенн, располагавшихся на правом берегу Роны; большая часть Фореза находилась, кроме того, в подчинении у Бургундии, но Роанны были, без сомнения, в большинстве французскими. Граница достигала Соны в пятнадцати километрах ниже от Макона и следовала до слияния с Сейлем. Графство Шалон, входившее в герцогство Бургундское, простиралось далее по левому берегу Соны, на ширину, которая достигала четырех километров. Граница проходила по Соне от слияния с Ду приблизительно до Тиля; затем, уступая правый берег реки, от которой она удалялась иногда на расстояние до трех километров, достигала берега Северного моря и Ла-Манша на востоке Лангра, не далеко от Бурбон-ле-Бен. По Верденскому договору 843 г. Маас должен был стать границей Западной Франции. Но ко времени правления Лотаря граница всегда оставалась по эту сторону Мааса, иногда в десяти лье, и никогда до него не доходила.

* Они существенно не отличались от границ Франции в правление Генриха I (1031–1060 гг. — *Прим. ред.*), за исключением Роанн, Фореза и имперской Фландрии.

Королевству принадлежали следующие округа: Сэнта (Suentensis pagus), Орнуа (Odornesis), Барруа (Barrensis), Верденуа (Virdunensis), Дормуа (Dulcomensis), округ Музона (Mosomensis), округ Мезьер (Castricius). В первый раз граница приближалась к Маасу, замку Варк, на 3 км к западу от Мезьера, но отдалялась от него около Ревена, уступая еще империи области Фамин (Falminis), между Самброй и Маасом (Lommensis), Эно (Hainaus), наконец, Камбрези (pagus Cameracensis), который вдавался глубоко во Францию. Также Шомон и Сен-Дизьер (Верхняя Марна), Сен-Менеул (или скорее Дампьер, главный город pagus Stadunensis), Вонк (между Вузьером и Аттиньи), Ирсон (или лучше Сен-Мишель) являлись пограничными городами. От Ревена граница шла по современным рубежам департаментов Арденн, Эны, Па-де-Кале, огибая Камбрези, она шла по Шельде до стыка с Бушеном и, не прерываясь, продолжалась вплоть до его устья.

Было бы интересно написать очерк о возможных пределах власти Каролингов в тот момент, когда эта династия должна была вот-вот прекратить свое существование. К несчастью, из-за недостатка документов сделать это невозможно. Думается все-таки, что материальная несостоятельность последних Каролингов слишком была преувеличена. Лотарь, например, не был настолько беден, как себе это вообразили историки. Он первый воспротивился германскому принципу дробления королевской власти, ничего не пожаловав своему брату Карлу и сделав своего второго сына, Оттона, каноником. Таким образом, ему удалось сохранить в целостности систему доменов, которые были относительно крупными. Ведь этому королю принадлежал не только город Лан, столица каролингской Франции X века, королевский город, как его называли современники, но еще и графство Лан, которое ему завещал его родственник Гуго, последний граф Лана, скончавшийся

в 961 г.*; Компьень, Аттиньи, Вербери, Трозли; он завоевал Дижон, Дуэ, Аррас, аббатства Сен-Вааст и Сен-Аманд. Анналы Флодоарда и датировка некоторых грамот содержат указания на множество доменов, принадлежавших Людовику Заморскому, которые перешли по наследству, конечно, его сыну, это: Шаврени, Дузи-на-Шьере (Арденны), Гюрзи-на-Марне, Монтиньи, Пимпрез, Тюзей-сюр-Маас, аббатство Нотр-Дам де Лан и, может быть, Тризлюр и Бюрийон, в Аквитании или в Бургундии. Но Лотарь отказался в начале своего царствования от деревни Корбени, которую когда-то его дед, Карл Простоватый, и королева, Фридеруна, подарили Сен-Реми де Реймс, но его отец снова отобрал ее у каноников. В 940 г. Людовик IV даровал Реймской церкви графство и монетный двор Реймса, но он сохранил дворец в этом городе, где мы его видим в 953 г. Королевский город Витри-ди-Пертуа, являвшийся собственностью графа Бозона, брата короля Рауля, после смерти обоих перешел к Людовику IV (935 и 936 гг.). Некий Готье, которому он поручил этот город, перешел на сторону и признал себя вассалом Герберта II, графа Труа. Однако, король смог отобрать Витри обратно. Грамота Лотаря от 14 октября 962 г. была дана еще «В окрестностях крепости Витри» (*circa castellum Victaegaei*); но нужно признать, что в конце X века этот город уже попал в руки графов Труа. Можно увеличить этот список, основываясь на сведениях, полученных из анналов и грамот о владениях, принадлежавших Карлу Лысому, Людовику Заике, Карломану и Карлу Простоватому, но их эпоха слишком далека, чтобы можно было утверждать, что эти домены точно перешли к их потомкам. Предоставленный перечень красноречи-

* Роже был графом Лана с 929 г. (73, г. 926); после его смерти Людовик IV отдал Ланское графство его сыну, Роже II в 941 г. (73, г. 941), но в районе 988 г. графство стало собственностью Ланского епископа (131, гл. 5, 15).

во свидетельствует, что последние Каролинги не были, как утверждали, на грани нищеты. Впрочем, чтобы составить правильное представление об их средствах, нужно их сравнить с ресурсами их соперников, герцогов Франции. Гуго Великому и его сыну принадлежали Париж, Орлеан, Этамп, Дурдан, Санлис, Дрё, Монтрей-сюр-Мер и несколько деревень, разбросанных повсюду. Они являлись аббатами Сен-Мартена в Туре, Сен-Мор-Фосс, Сен-Рикье, Сён-Эньян в Орлеане. Заметим, однако, что в Гатине и Орлеане имелся виконт; Санлис был пожалован графу Бернару, Корбей — Мелён, а Париж — графу Бушару; Гуго Капет сложил с себя полномочия аббата Сен-Дени и Сен-Жермен-де-Пре; что позднее он даровал тому же Бушару Сен-Мор и уступил Дрё Эду Шартрскому. Сила Робертинов зиждилась скорее не на размере их территориальных владений, которые не были слишком огромными, а на том, что они были непосредственными сюзеренами могущественных графов Нормандии, Анжу, Шартра и др., которые, в случае необходимости, могли предоставить им многочисленные войска, чтобы противостоять королю. Со своей же стороны Лотарь мог рассчитывать на помощь графов Вермандуа, Руси, а также Труа и Шартра; наконец, он имел в своем распоряжении рыцарей и войска из Реймса и Лана.

С финансовой точки зрения, регалия вовсе не была ничтожным ресурсом. Я уже упоминал, что первые Капетинги взымали ее с епископств в Бургундии и Шампани; вероятно, Лотарь делал то же самое во времена Каролингов.

Хотя Каролинги и не обладали особым могуществом и богатством (настаивать на обратном было бы парадоксально), у них хватало материальных, военных ресурсов и, что вполне вероятно, финансовых. Позднее мы обратимся к поиску причин падения этой династии. Сейчас можно только сказать, что исчезла она отнюдь не от нищеты.

ГЛАВА VI

ЛЮДОВИК V

(2 МАРТА 986 — 22 МАЯ 987)

Наследником Лотаря стал девятнадцатилетний молодой человек, без влияния и авторитета, утративший уважение из-за своих приключений в Аквитании. Когда Гуго Капет и королевская знать возвели его на трон и он принял их клятвы верности, так же, как его мать Эмма, стало очевидно, что король либо слишком молод, либо неспособен к правлению. Первыми же действиями он продемонстрировал свою слабость. Он не посмел оказать помощь графу Барселоны и выпустил лотарингских узников, за исключением графа Годфрида, который остался в руках Эда и Герберта.

Эмма, которая, казалось, с самого начала хотела править от имени своего сына, вскоре сблизилась с империей. Несомненно, что по ее наущению лотарингская пленная знать была выпущена на волю; едва умер ее муж, как она полностью вернула свое расположение архиепископу Реймса. Кроме того, королева была готова во всем следовать советам своей матери Аделаиды и подчинять им своего сына. Она писала ей: «Это вашими советами я руководствуюсь, дабы что-либо принять или отвергнуть; потому-то вы можете быть названы матерью не только королевы

Эммы, но и всех королевств». Было решено провести встречу между Эммой, Людовиком V, Аделаидой и Конрадом Бургундским во вторник, 18 мая, в окрестностях Ремиремона, на границе королевств Лотарингии и Бургундии. Неизвестно, осуществился ли этот замысел, целью которого, без сомнения, было обеспечить мир между Францией и Германией; в любом случае, ясно, что встреча, на которую так рассчитывали ее авторы, должного результата не принесла.

Двор Людовика V вскоре стал центром всевозможных интриг. Его мать и архиепископ Реймса намеревались заставить его сблизиться с империей. Сторонники Гуго Капета усиленно советовали ему остаться при герцоге Франции и следовать всем его советам в управлении королевством, одним словом, поставить себя под его покровительство и смириться с ролью «ленивого короля». Другие советчики, более преданные королю, призывали его оставаться в своих собственных владениях и править с помощью знати его королевства. Людовик V не стал принимать решения сразу и отложил его на потом. Смерть Лотаря не избавила Реймского архиепископа от всевозможных проблем. Верден был занят гарнизоном, и французская партия решительно одержала в городе верх. Когда Адальберону, наконец, удалось посвятить своего племянника-тезку с помощью архиепископа Трира, жители Вердена категорически отказались впустить его в свой город и признать верховную власть Оттона III (март-июнь 986 г.). В то время Герберт написал от имени нового епископа или архиепископа Экберта послание «Обращение к городу Вердену» (*Oratio invectiva in Verdunensem civitatem*), изобилующее бранью в адрес жителей и угрозами предать их анафеме.

Это была не единственная забота Адальберона. Его брат Годфрид, «для которого ждали вскоре лучшей участи», на другой день после смерти Лотаря оста-

вался по-прежнему в плену. Кроме того, важное церковное дело занимало тогда его внимание. Между смертью Уалбода и приходом Аббона¹ в аббатстве Флери (Сен-Бенуа-сюр-Луар) начались серьезные беспорядки. Уалбод, которого Лотарь назначил аббатом, умер, после недолгого правления, приблизительно в то же время, что и король (немного раньше). Некий узурпатор, имя которого неизвестно, воспользовался болезнью короля и слабостью его наследника, чтобы занять должность аббата. Монахи Сен-Бенуа не могли рассчитывать на епископа Орлеанского Арнульфа, который, вместо того чтобы их защищать, повел себя очень враждебно². Видя, что судьба монахов всем безразлична, Адальберон великодушно взял это дело в свои руки и попытался заинтересовать самых знатных представителей духовенства Галлии участием аббатства Флери. С самого начала он предложил аббату Ключни, Майёлю, осудить самозванного аббата и заранее предупредил об этом Эбрарда, аббата Сен-Жюльена де Тур. Ответ Майёля содержал сильное порицание узурпатору, но он отказался отлучить его от церкви, ссылаясь на то, что его власть не распространяется на данный монастырь. Это решение не удовлетворило неистового архиепископа Реймса. Герберт же напротив счел подобный ответ весьма мудрым и призвал своего друга Константина, преподавателя Сен-Бенуа, покинуть этот монастырь и приехать к нему в Реймс 17 августа. Но Адальберон написал Майёлю письмо, где, смешивая упреки с похвалами, не скрывал своей досады на сдержанность аббата Ключни. Он пошел на то, чтобы вместе с аббатом Эбрардом самому отлучить от церкви самозванца; к тому же, ссылаясь на неодобрение действий лже-аббата святым Майёлем, убедил от имени аббатов Реймской епархии большинство монахов Сен-Бенуа покинуть сторону узурпатора (октябрь 986). Усилия Реймского архиепископа не сразу увенчались успехом. Аббатство Флери избави-

лось от тирана. этого неизвестного лица, только спустя два года, в последние месяцы (ноябре-декабре) 988 года. Избранный после него аббат был знаменитым Аббоном, который сыграл столь важную роль в образовании и в делах Церкви в конце X века.

В середине 986 г. переговоры между французским двором и германским, начатые, очевидно, во время встречи в Ремиремонне, продолжались и, кажется, должны были вскоре окончиться бесповоротным миром. По крайней мере, Адальберон надеялся на это и писал (июнь-август) императрице Феодано следующее письмо, которое свидетельствовало, что при Людовике V, как и при Лотаре, он был полностью предан империи: «До сегодняшнего дня я оставался предан моей государыне, вследствие моего отношения к вашему приснопамятному и августейшему супругу. Ваши же милости и милости вашего сына закрепляют мое прежнее к вам расположение и обязывают преданностью к вам и к людям, к вам приближенным. Наша церковь считает в числе своих главных сокровищ залог вашего к нам благоволения. Если возможно, пусть святой Ремигий вновь обретет защиту столь могущественной государыни и получит назад все имущество, которое потерял; я прошу это во имя заслуг этого великого святого и во имя услуг, которые я готов, если будет угодно, вам оказать. Соблаговолите дать нам почувствовать плоды того благоволения, которое уже озоли, просветив нас через посланника, а лучше лично, по поводу мира, который вот-вот будет заключен с нашим королем, и его условиях; мы готовы в том, что зависит от нас, подтвердить вам нашу самую искреннюю преданность. Таким образом нам будет легче трудиться во благо наших общих интересов» (82, № 85).

Неприятный сюрприз ждал архиепископа. Ища мира, он нашел войну. Людовик V, как уже говорилось, медлил с решением относительно своего совмест-

ного управления с герцогом Франции. В это время, вероятно, под влиянием своего дяди, Карла, он полностью отдалился от своей матери Эммы, бабки Аделаиды и, наконец, Адальберона. Долгое время, без сомнений, он остерегался архиепископа, полагая его с полным основанием человеком опасным, предавшим его отца, и который мог принести гибель и ему. У короля был слабый и одновременно вспыльчивый характер; эти два недостатка часто сочетались; его молодость заставляла его принимать крайние решения. В один миг он возненавидел архиепископа Реймса и вознамерился избавиться от него любой ценой. Вероятно, своими собственными силами он не был в состоянии осуществить этот замысел. Он решился подчиниться, по-видимому, авторитету Гуго Капета с тайным намерением заставить его действовать против Адальберона, используя при этом средства герцога Франции для удовлетворения своей ненависти. В беседе, которая состоялась у него с герцогом и его советниками, Людовик польстил Гуго, преувеличивая его силы и рекомендации своего покойного отца. «Я бы хотел, чтобы мои планы, мои желания, моя судьба зависела от вас». Потом добавил: «Реймский архиепископ Адальберон — самый преступный человек из всех, кого носит земля, пренебрегая властью моего отца, во всем помогал Оттону, врагу франков; он помогал ему вести на нас войско, он помогал ему разорять галлов, и, предоставив ему проводников, он дал ему и его армии возможность вернуться целыми и невредимыми. Мне кажется справедливым и полезным задержать презренного негодяя, чтобы покарать его за столь великие злодеяния и чтобы в то же время поселить страх в сердцах злоумышленников, которые вздумали бы пойти по его стопам» (131, гл. IV, II).

Эти предложения не входили в намерения Гуго Капета, и они неприятно поразили часть королевского

совета; однако король добился согласия отдельных лиц, а остальные не осмелились противиться из страха оскорбить короля. Король с удивительной поспешностью и решительностью, которые были ему не свойственны и продемонстрировали ненависть к Адальберону, вскоре, не колеблясь, осадил Реймс. Любопытно, что его сопровождал сам Гуго со своим войском, который волей-неволей подчинился влиянию короля. Адальберон, не ожидавший этого нападения, с большим трудом сумел отразить натиск. С обеих сторон было пролито много крови. Однако вместо продолжения осады, Людовик, по совету знатнейших сеньоров, отправил архиепископу ультиматум, уведомляя его, что в случае сопротивления Реймс будет взят штурмом, а сам он будет изгнан из королевства; если же он согласится оправдаться, то должен предоставить заложников королю, принести ему клятву верности и разрушить те замки своей епархии, которые подчинены империи. Как всегда, Адальберон считал себя оклеветанным, уверял в своей чистосердечии и выступал против насильственных мер, примененных к нему. Впрочем, он согласился приехать в воскресенье, 27 марта 987 г., в Компьень, чтобы оправдаться, и выдал заложников, среди которых находился Ренье, видам Реймса, воин знатный и доблестный (август-сентябрь 986)*. Людовик V тогда снял осаду и отошел в Санлис, на территорию герцога Франции.

Адальберон тайно поспешил сообщить императрице Феофано все, что произошло, и просил у нее совета. Его наперсник и старательный поверенный, Герберт, снова оказался в милости при императорском дворе и добился возвращения ему аббатства Боббио. Герберт решил тогда покинуть Францию и расстаться (с большим сожалением) с Адальбероном; но возвращая ему Боббио, императрица Феофано приказала ему отпра-

* Замки, зависившие от империи, были Мезьер и Музон.

виться к ней в Саксонию 25 марта 987 г. в сопровождении итальянских рыцарей, вассалов его аббатства. Она приняла решение собрать как можно больше войск, чтобы пойти войной на Людовика V, если он не прекратит свои враждебные действия. Герберт не смог осуществить задуманное. События задержали его в Галлии.

Людвик V удалился от Реймса, оставив там гарнизон или, по крайней мере, отряд своих сторонников. Последние мешали архиепископу, поскольку он собирался осторожно покинуть город и укрыться в той части своей епархии, которая подчинялась Империи*. Ситуация осложнилась интригами против королевы Эммы и епископа Лана. Карл Лотарингский не переставал быть ярым врагом своей невестки. Пока Лотарь был жив, учитывая предыдущий опыт, он не осмеливался возобновлять против нее свои обвинения. Но когда Эмма потеряла мужа, она вновь подверглась тяжким оскорблениям Карла. Он сам лично приехал убеждать Людовика в том, что его мать виновна в супружеской измене с епископом Лана. Людовик сильно в этом сомневался, хотя Эмма была в очень близких отношениях с императорским двором. Однако в лице архиепископа Реймса, Гуго Капета, своего окружения и даже своей матери он почувствовал тайное давление Германии. Это было слишком. Он безжалостно подверг мать преследованиям и изгнал Асцелина из его епископства.

Эмма, покинутая всем королевским двором, нашла убежище возле Гуго Капета, получая советы от Адальберона Реймского, Феофано и, в особенности, от Аделаиды; наконец, поддержку ей оказали и графы Эд и Герберт, хранившие ей верность, как и ее мужу. По

* В письме № 94 Герберт советует ему укрепить Мезьер и Музон. Архиепископ был близок к этому; позже он пребывал в тех землях своей епархии, что зависели от империи.

их совету Асцелин поехал в Дурдан просить приюта у Гуго Капета. Епископ Лана в одном циркуляре, который он адресовал своим собратьям по Реймской провинции, уверял их в своей невинности и запрещал совершать церковные таинства в его епископстве.

По одному из предписанных архиепископу Адальберону условий после осады Реймса, ему нужно было разрушить замки его диоцеза, принадлежавшие империи, т. е. Мезьер и Музон; естественно, что Адальберон ничего подобного не сделал. Тогда Людовик V решил их захватить. Но его планы были раскрыты Гербертом, который призвал архиепископа оставить многочисленный гарнизон в этих крепостях и не отпускать от себя своего племянника Герилона и других своих родственников, опасаясь, без сомнения, за то, чтобы их не застигла врасплох армия короля Франции. Благодаря этим мерам предосторожности, опасности удалось избежать, по крайней мере, не видно, чтобы Людовик привел в исполнение свой план. Очень скоро король обнаружил, что Эд и Герберт являются сторонниками Эммы и Асцелина. Тогда он запугал их до такой степени, что они сблизились с императорской партией, что позволяло надеяться на скорое освобождение ими графа Годфрида. Герберт умолял Адальберона вернуться, чтобы защищать город Реймс от сторонников Людовика V и для того, чтобы встретиться с его братом Годфридом и графами. Встреча проходила в Отвильере 28 сентября 986 г., но и на этот раз дело не окончилось, требования Эда и Герберта, без сомнения, являлись чрезмерными.

Суд над Адальбероном должен был проходить в ассамблее Компьеня в воскресенье 27 марта 987 г. Но заседание было отложено до 18 мая. У Людовика V тогда были другие заботы; по неизвестной причине он возобновил мирные переговоры с империей. В марте 987 г. мир еще не был заключен официально, поскольку король не согласился вернуть Верден без

сяких условий. Герцогиня Беатриса, так же как на собраниях в Вормсе и Франкфурте, руководила переговорами. Она сама лично отправилась в Компьень 29 марта, и ей удалось умело подготовить для заключения окончательного мира встречу 25 мая 987 г. в Монфокон-ан-Аргонн, недалеко от Вердена. Императрица Аделаида, Карл Лотарингский, Людовик V, Эмма, го Капет должны были там присутствовать. Но императрица Феофано, состоявшая тогда в плохих отношениях со своей свекровью Аделаидой, не была извещена заранее об этих приготовлениях. Герберт опасался некоторого недоразумения; он уговорил герцогиню Беатрису подготовить мир при помощи императрицы Феофано и осведомиться у Эвергера, архиепископа Кельна, об условиях договора.

Едва ассамблея, на которой намеревались судить Адальберона, собралась в Компьене 18 мая, как неожиданный случай внезапно изменил ход событий. Людовик V, как все короли во все времена, был сильно увлечен охотой. Однажды охотясь в лесу, который простирался между Санлисом и Компьенем, он упал, и столь неудачно, что его падение оказалось смертельным. Скончался он 21 или 22 мая 987 г., двадцати лет от роду.

Вообразим, какое впечатление произвела эта неожиданная смерть на присутствующих и сколь резко изменилось положение архиепископа Реймса. По словам Рихера, он открыто проявил сильную печаль из-за смерти Людовика V. Можно допустить, что неожиданный конец молодого двадцатилетнего короля вызвал у него сожаление; но это душевное волнение было кратковременным и не помешало ему уничтожить династию Карла Великого.

Людовик V хотел быть похороненным возле своего отца в Сен-Реми де Реймс. Но его последняя просьба не была исполнена под предлогом, что расстояние было слишком большим и что в пути участники ас-

самблеи разъедутся, ассамблея разойдется, что могло привести к ущербу безопасности страны. Последний король из династии Каролингов был поэтому похоронен в аббатстве Сен-Корнель.

Людовик, несомненно, был слабее своего отца, Лотаря. Он не обладал ни его качествами, ни его авторитетом. Но его прозвище «Ленивый», которое ему дали некоторые историки, абсолютно неуместно*. Напротив, за время своего столь короткого царствования он проявил себя очень активным; и его могли упрекнуть в желании охватить слишком много дел разом. Он вызвал неудовольствие не только империи, но архиепископа Реймса, графов Эда и Герберта и даже своей собственной матери. Тем не менее, можно заметить, что в последние месяцы своей жизни он проявил определенную мудрость, пытаясь уменьшить число своих врагов и примирившись с империей. Пока он был жив, Гуго Капет и помыслить не мог о захвате трона; он хотел властвовать над королем, это очевидно; но ниспровергнуть его, чтобы водвориться на его место, было слишком серьезным делом для этого осторожного человека. В его силах было оспорить корону у Карла Лотарингского; но он был слишком нерешительным, или слишком совестливым, чтобы вырвать ее у уже коронованного государя.

* В основе, без сомнения, лежит следующий пассаж Одорана: «В год 987 скончался молодой король Людовик, который ничего не сделал, передав королевство герцогу Гуго, который в тот же год стал королем».

КНИГА
ВТОРАЯ

ГЛАВА I

С ВОЗВЕДЕНИЯ НА ТРОН ГУГО КАПЕТА ДО СМЕРТИ АДАЛЬБЕРОНА, АРХИЕПИСКОПА РЕЙМСА

(1 ИЮНЯ 987 Г. — 23 ЯНВАРЯ 989 Г.)

Когда умер Людовик V, ассамблея, на которой судили Адальберона, в то время пребывавшая в Компьене, отказалась переезжать в Реймс. Это было разумно, поскольку таким образом удалось избежать дезертирства и всевозможных беспорядков, которые могли произойти в пути. Людовик V скончался, Карл Лотарингский отсутствовал, оправдания перед судом архиепископа Реймского теперь стали не более чем формальностью. Гуго Капет был в тайном сговоре с архиепископом и, разумеется, взял, на правах «герцога франков», председательство на собрании в свои руки. Он потребовал у обвинителей, если только они присутствовали, изложить все жалобы на архиепископа Реймса, угрожая им, в случае лживых обвинений, страшной карой. Подобное начало не сулило ничего хорошего, никто не ответил на это риторическое приглашение. Таким образом, Адальберона без труда при-

знали невиновным. Тогда герцог снова взял слово и произнес речь, в которой превознес заслуги и добродетели архиепископа, после чего предложил ему занять место во главе ассамблеи. Адальберон сразу же стал управлять ею по своему усмотрению. Основной вопрос, занимавший всех, был выбор короля. Архиепископ заранее решил выступить в пользу Гуго, но выдвигать его кандидатуру было глупо и бессмысленно, т. к. собрание оказалось слишком малочисленным. Адальберон ловко использовал этот довод в нужном для себя русле, он распустил ассамблею, чтобы затем, несколькими днями позднее, собраться в Санлисе в более многочисленном составе, во владениях герцога Франции. Но прежде чем сеньоры разошлись, ловкий и осторожный Адальберон предложил каждому связать себя обещанием ничего не предпринимать и не замышлять по поводу выборов короля до нового собрания ассамблеи; эту клятву сеньоры, а Адальберон первый, принесли тому, кого Реймский архиепископ величал «великим герцогом» — самому Гуго Капету.

Такой поворот не предвещал ничего хорошего законному наследнику, герцогу Карлу. Конечно, знать и епископы не давали в Компьене клятвы избрать Гуго королем. В представлениях того времени герцог Франции был, в каком-то роде, регентом королевства, и не было ничего удивительного в том, что именно ему принесли клятву. Но ясно, что уже созрел план отдать корону Капету. В сущности, клятва, принесенная на ассамблее, была направлена против Карла Лотарингского. По замыслу Гуго и Адальберона, знать и епископы должны были прибыть в Санлис без сложившегося мнения, с неопределенными настроениями, не зная к какой партии следует примкнуть; следовательно, оставалось только суметь прельстить их красноречивыми словами или выгодными предложениями. Более того, новую ассамблею назначили на самое ближайшее время, чтобы Карл не успел на ней по-

явиться, а его сторонники не смогли договориться о совместных действиях.

Всю эту аферу с блеском провернули Адальберон и его соратник Герберт. Что касается Гуго Капета, то его роль была более чем незначительной. Присущая герцогу осторожность, возможно, могла бы помешать ему осуществить этот дерзкий замысел*. Но Адальберон и Герберт оказали на него давление и возвели на трон Франции. Императорский двор с самого начала весьма благоволил к Капету. В последние годы Оттоны сильно пострадали от нападений Каролингов на Лотарингию. Карл всецело поддерживал планы своего брата Лотаря, чем вызывал сильные подозрения у императорского двора. Будучи уже герцогом Нижней Лотарингии, Карл, не скрывая, посягал на Верхнюю Лотарингию, и если бы он смог стать королем, то был бы чрезвычайно опасным противником для Оттонов. Гуго Капет, напротив, неоднократно проявлял дружеские чувства к императорской партии. Очевидно, империя могла только приветствовать его избрание королем. Вполне вероятно, что именно по наущению императриц Аделаиды и Феофано, Адальберон и Герберт поставили свои таланты на службу Гуго Капету. Известно, что на самом деле они и шагу не делали

* Считается, что Гуго Капет придерживался иной политики, чем его отец, и стремился заполучить корону как можно быстрее. Фриман (247, V, I, стр. 236), как мне кажется, справедливо раскрыл истину. Курьезный факт, но ясно, что Гуго Великий и его сын не имели ни малейшего намерения заставлять выбрать себя королями при жизни Каролингов. Они неоднократно восставали против них, но никогда не доходили до того, чтобы низложить их; чувство верности королевской власти Каролингов несомненно было гораздо сильнее во второй половине X в., столетием ранее. Гуго Капет взшел на трон только в силу исключительных обстоятельств, и то потому, что его к этому подтолкнули. Если Лотарь и даже Людовик V остались бы в живых, герцог даже и не помышлял бы о короне.

без советов и рекомендаций Германии. К сожалению, переписка Герберта хранит молчание по этому поводу.

Карл сразу же понял, что главной фигурой в этом деле является Адальберон. Он не сомневался, что архиепископ относится к нему неприязненно, и поспешил отправиться в Реймс, чтобы попытаться вернуть его расположение. Сначала Карл пожаловался, что он оттеснен от престола, несмотря на его происхождение и доблесть. Затем он униженно просил у архиепископа его помощи и поддержки в надежде смягчить свою участь. Напрасный труд! Адальберон к тому моменту уже принял решение, и мольбы Карла ничего не могли изменить. Вместо ответа архиепископ упрекнул его за дружбу с клятвопреступниками и святотатцами и за нежелание от них отступить. Карл справедливо возразил, что ему нужно приобретать новых сторонников, а не отказываться от прежних. Тогда архиепископ отпустил его, сказав, что не в состоянии ничего сделать без решения знати. Это была истинная правда, поскольку несколькими днями раньше, в Компьене, он поклялся в этом. Таким образом, ему удалось удовлетворить свою злобу и при этом не нарушить клятвы; такое поведение всегда приятно для людей такого же склада ума, что и архиепископ Реймский. Карл понял, что всякая надежда пока для него потеряна и, возможно, что ему опасно оставаться во Франции. Опечаленный, он вернулся обратно в свои владения, в Нижнюю Лотарингию.

В последние майские дни знатные сеньоры и епископы, как было условлено, собрались в Санлисе. Ассамблея заранее была настроена в пользу герцога Франции. Можно даже сказать, что она состояла сплошь из его сторонников. Архиепископ Реймса, как и восемь дней назад, руководил собранием по своему усмотрению. Переговорив с герцогом, он произнес следующую речь, которая приводится здесь дословно

ввиду ее большой важности: «Благословенной памяти Людовик покинул мир, не оставив после себя детей, поэтому нужно серьезно подойти к поиску того, кто мог бы унаследовать ему на престоле, для того, чтобы государство, беспомощное и без правителя, не оставалось в опасности. Вот почему недавно мы посчитали полезным отложить это дело, дабы каждый из вас смог здесь вынести на рассмотрение ассамблеи мнение, которое ему внушил Господь, чтобы из всего множества мнений можно было прийти к единому решению. Мы все должны избежать, с помощью нашей осторожности и благочестия, положения, когда ненависть затмевает разум, а любовь искажает истину. Мы знаем, что у Карла есть свои сторонники, которые утверждают, будто именно он должен занять трон, доставшийся ему от предков. Но если рассмотреть это дело пристально, то Карл по праву наследования не имеет права на престол. Во главе королевства должен оказаться только тот, кто славится не только знатностью происхождения, но и мудростью, тот, чья честь достойна уважения и на чье благородство можно положиться. В анналах мы читаем о том, как императоры из прославленных родов из-за своего малодушия были свергнуты с престолов, которые наследовали иногда равные им, а иногда и неравные. Но какими достоинствами обладает Карл, который вовсе не правил с честью, бездействие которого раздражает, наконец, который потерял голову настолько, что посмел служить чужому королю и жениться на неровне, женщине из сословия вассалов? Как могущественный герцог стерпит, что женщина из семьи его слуг станет королевой и будет властвовать над ним? Как согласится он на это, если не только ровня, но и даже вышестоящие склоняли перед ним колена и поддерживали руками его ноги. Поразмыслите основательно над этим и поймите, что Карл оказался в удалении скорее по своей вине, чем по вине других. Решите,

чего бы вам больше хотелось для государства: блага или несчастья. Если вы настроены на процветание королевства, коронуйте Гуго, славного герцога. Ни преданность Карлу, ни ненависть к герцогу не должны помешать общей пользе, ибо, если вы похвалите доброго, то тем самым похвалите дурного, и, если вы восхвалите дурного, разве так вы не презрите доброго? Ведь грозит Господь словами: горе вам, кто называет зло добром, а добро злом, кто тьму зовет светом, а свет тьмою. Изберите главой герцога, славного своими деяниями, своей знатностью и военной мощью, герцога, в котором вы найдете защитника не только государства, но также и ваших личных интересов. Благодаря его благосклонности, вы найдете в нем отца. Кто когда-нибудь просил у него помощи и не получил покровительства? Кто, оставленный заботой близких, не добивался при его содействии своего?» (131, гл. IV, 11).

На эту речь стоит обратить внимание. Ее подлинность, не по форме, а по содержанию, не вызывает сомнений. Нам кажется, что Рихер ее не мог придумать. Весьма вероятно, что он оказался на собрании в Санлисе, сопровождая Герберта в качестве его ученика и монаха монастыря Сен-Реми, и там, услышав речь архиепископа, будучи его убежденным поклонником, передал ее суть потомкам. В крайнем случае, он мог узнать о ней из разговоров, ходивших среди реймского духовенства. Подлинность нескольких фрагментов речи архиепископа подтверждена хрониками, которые никак не были заимствованы у Рихера.

В своей речи Адальберон настаивал на том, что для наследования королевской власти недостаточно одного происхождения. Что можно думать об этой теории? Была ли она сообразна обычаям и воззрениям того времени? В X веке король, чтобы стать законным государем, должен был отвечать трем условиям: происхождение, избрание, коронование. Значимость этих

трех условий возможно была не совсем понятна даже современникам. Адальберон, не колеблясь, пожертвовал первым условием. Может ли это быть возвращением к старым германским выборным традициям? Ни-коим образом. Архиепископ почерпнул этот аргумент из своих более или менее точных познаний истории Римской Империи; это педантичный архаизм. На самом деле, принадлежность к роду Карла Великого являлась основным условием царствования, и Адальберон и Гуго прекрасно это сознавали. В начале своей речи архиепископ отмечает, что если ассамблея собралась для обсуждения избрания короля, то лишь из-за того, что Людовик умер бездетным. И Гуго, в свою очередь, после коронации публично заявил жителям Реймса: «Если бы сын Лотаря, благословенной памяти Людовик, скончавшись, оставил после себя потомка, то он смог бы ему наследовать». Герцог Франции весьма ловко оправдал узурпацию им королевской власти, отметив, что Карл не был наследником Людовика V по прямой линии, приходясь ему дядей. Но это было слабым оправданием: раз уж Капет признал передачу прав по наследству, то под каким предлогом ему удалось отстранить от престола герцога Нижней Лотарингии*? Ведь это было тем более недопустимо, что Карл с давних пор по праву уже был королем. В свое время Лотарь, отказавшись разделить королевскую власть со своим братом, по понятиям той эпохи, совершил несправедливый и незаконный поступок. Людовик IV оставил после себя двух сыновей и управлять государством должны были оба. Карл апеллировал к этому во время беседы в Реймсе с Адальбероном. Но архиепископ упорно не хотел

* «По какому праву законный наследник (Карл) был лишен наследства, по какому праву у него отобрали корону?», — писал Герберт позднее.

обращать внимания на доводы, мешавшие притязаниям герцога Франции на престол.

Для того чтобы судить о законности коронования Гуго Капета, необходимо рассматривать королевскую власть не с современной точки зрения, а с позиций X века. Однако, в то время коронование неизбежно следовало за избранием, само же избрание было только формальностью. Самым важным условием было происхождение. Не существовало права первородства: все законные сыновья короля являлись королями по праву. Единственным королем оставался Карл, поскольку он был сыном Людовика IV. То, что из-за благоразумия или скупости его брат (можно считать как угодно) не допускал его к власти, не лишало Карла его прав; он не был коронованным королем, но оставался королем от рождения. Нисколько не сомневаясь, можно заявить, что *по представлениям того времени* избрание Гуго Капета было незаконным. Многие из французских историков снисходительно смотрят на этот факт, оценивая случившееся как протест национального патриотизма против Карла, который, будучи герцогом Нижней Лотарингии, являлся вассалом империи. Такое мнение достойно уважения, но оно ошибочно. Те, кто усматривает в X веке наличие французского или германского патриотизма, по нашему мнению, глубоко заблуждаются. Чувство, которое мы испытываем сегодня, едва начинало зарождаться во Франции лишь с конца XIV столетия. Прежде патриотизм благополучно существовал, но только региональный. Единственное, что связывало фламандца и аквитанца, — клятва верности, принесенная одному и тому же сеньору, королю. Поэтому патриотизм в X веке можно называть региональным или даже королевским (да простят нам подобное выражение). А что касается национального, в этом мы сильно сомневаемся.

Однако нужно признать, что Адальберон в надлежащем свете представил тот факт, что Карл сам себя принизил, став вассалом иноземного государя. Здесь проявился поистине необыкновенный цинизм Реймского архиепископа. Это обвинение звучит ошеломляюще от человека, всецело преданного империи, и который, не переставая, оповещал об этом в письмах, адресованных императрицам Аделаиде и Феофано, написанных Гербертом, человеком не менее преданным империи, чем он сам. Не исключено, что, произнося эту речь, он выполнял инструкции, полученные из Германии. А «великий герцог», кандидат архиепископа! Разве не ездил он в 981 г. в Рим к Оттону II? И только благодаря находчивости епископа Орлеанского не оказался на людях в унижительном положении. В последние годы он, не переставая, содействовал империи в ущерб интересам Лотаря и Людовика V. В дальнейшем герцог не раз будет писать письма императрице Аделаиде в заискивающем тоне и, вероятно, спрашивать у нее предписаний. В действительности, из двоих — Карла и Гуго — настоящим вассалом империи был не тот, кого в этом обвинял Адальберон.

К тому же вызывает сомнение действительная значимость данного довода на ассамблее. Среди членов собрания находились такие люди, как Эд Шартрский и Асцелин, епископ Лана. Именно они спустя несколько лет, не испытывая никаких угрызений совести, попытаются передать королевство Оттону III¹. Поэтому слова о патриотизме людей той эпохи вызывают весьма скептическое отношение. Думается, что ассамблея относилась довольно равнодушно к тому, что Карл являлся герцогом Нижней Лотарингии.

Гораздо серьезнее было третье обвинение архиепископа. По всей вероятности оно не могло не произвести впечатления на благородных и гордых сеньоров. Карл вступил в неравный брак, взяв в жены

Аделаиду, дочь неизвестного рыцаря, подвассала герцога Франции. А представления того времени были более аристократические, чем можно подумать. Разве король Карл III не потерял свою корону из-за того, что благоволил к некоему Гаганону, родом из мелкой знати. Разумеется герцог Нормандии или герцог Аквитании, например, с трудом бы смирились, что трон занят королевой темного происхождения. Понятно, что своим браком Карл не только не приобрел ни влияния, ни богатства, а скорее, наоборот, сильно себе повредил. Его личные средства были незначительны, друзья малочисленны, и, наконец, он постоянно отсутствовал во Франции.

Таковы были истинные мотивы, по которым Карлу предпочли Гуго Капета. Герцог был богат, могущественен и не скупился на обещания: «Вы найдете в лице герцога не только защитника государства, но и *ваших личных интересов*», — говорил Адальберон. На собрании присутствовали непосредственные вассалы Гуго: графы Шартрский и Анжуйский, его шурин герцог Ричард Нормандский, его брат Генрих, герцог Бургундский; наконец, герцог Аквитанский (на сестре которого, Аделаиде, был женат Гуго), скорее всего поддержал Капета. Влияние этих знатных сеньоров, авторитет архиепископа Реймса легко подавили несколько голосов, которые могли бы прозвучать в пользу законного короля.

Ассамблея переместилась в Нуайон, где 1 июня 987 г., в среду, Гуго Капета провозгласили королем. А 3 июля, в воскресенье, в Реймсе он был коронован архиепископом Адальбероном. Во время коронации Гуго произнес следующую клятву: «Я, Гуго Капет, становящийся королем франков милостью Божьей, в день моего коронования, перед лицом Господа и Его святых, обещаю каждому из вас сохранить должествующие ему канонические привилегии, закон, справедливость и защищать вас с Божьей помощью из

всех сил, как по справедливости должно поступать королю в своем королевстве в отношении к каждому епископу и вверенной ему церкви. Я обещаю обеспечить нашей властью вверенному нам народу справедливость согласно его праву». Эта же клятва подтверждена отрывком из Рихера: «В окружении знати королевства он издавал декреты и устанавливал законы сообразно королевскому обычаю, с успехом разрешая и улаживая все дела. Чтобы стать достойным счастья, воодушевленный настолько успехом своих дел, он предался великому благочестию».

Гуго Капету пришлось заплатить за услуги Адальберона, отказавшись от владения Лотарингией, заключив окончательный мир с империей, наконец, приказав своим вассалам, Эду и Герберту, освободить графа Годфрида. Они неохотно повиновались и выдвинули очень жесткие условия, чтобы Годфрид отдал им владения Верденского епископства и самого епископа, его сына. Годфрид был вынужден согласиться на их требования. Он оказался на свободе 16 или 17 июня 987 г., без сомнения, надеясь, что эти уступки не будут ратифицированы его государыней, императрицей Феофано. Его брат, Реймский архиепископ, при помощи Герберта, умолял ее в письме не соглашаться на столь обременительную сделку. В то же время он предупредил императрицу об опасных замыслах графов Эда и Герберта. Укрепленный замок Шевремон, на востоке от Льежа, сеньор которого слыл грозой для всех окрестностей, тогда был осажден епископом Ноткером, и Феофано намеревалась прийти ему на помощь. Узнав об этом плане, графы отобрали элитный корпус, чтобы неожиданно подойти к Шевремону и захватить императрицу, охраняемую только слабым эскортом. Герцог Верхней Лотарингии, Теодорих, захватил Стене, город, который очевидно принадлежал королеве Аделаиде, жене Гуго Капета. Эд и Герберт притворились будто под предлогом мести хотят оса-

дить соседний город Жувины. Их истинной же целью, как уже говорилось, было пленить Феофано, т. е. охрана ее была весьма малочисленна. Эд и Герберт, вероятно, считали ремесло тюремщиков весьма прибыльным делом. Благодаря проницательности Адальберона, или даже скорее шпионажу, которым были окружены все важные особы, опасность удалось предотвратить.

С самого начала правления Гуго Капет столкнулся с оппозицией. Среди духовных лиц его наиболее выдающимся противником являлся архиепископ Санса, Сегуин. Он не присутствовал ни на избрании, ни на коронации Гуго и воздержался от принесения ему клятвы. Герберт, ставший секретарем при короле благодаря роли, которую сыграл в его избрании, написал Сегуину от имени Гуго послание, потребовал от него приехать под страхом навлечь на себя приговор папы, викарных епископов и королевский гнев, принести клятву верности 1 ноября 978 г. и исполнить свои обязанности королевского советника.

Альберт, граф Вермандуа, открыто взбунтовался. Но Гуго собрал свою армию и пригрозил ему войной. Испуганный Альберт, опасаясь разорения своих доменов отправил одного монаха из Сен-Квентина, историка Дудона², послом к Ричарду I, герцогу Нормандскому, которого он молил вступить за него перед королем. Ричард уступил этой просьбе и уговорил Гуго Капета отступить и потребовать от графа Вермандуа только заложников. Тогда по-видимому Гуго Капет мог наслаждаться мирным царствованием. Карл, скрывшись в Лотарингии, не подавал больше признаков жизни. Покорившись судьбе, он проявил себя неспособным к действиям против Капета.

Новый король был сильно озабочен будущим своей династии, поэтому, по примеру Каролингов и германских королей, решил короновать при своей жизни сына и прославить свое царствование, отправившись

помочь Борелю в борьбе с сарацинами. Второй проект дал ему предлог и средство для осуществления первого. Но, как ни странно на первый взгляд, Адальберон неодобрительно отнесся к идее короновать Роберта³. Тогда, посоветовавшись со своими приближенными, Гуго отправил посланников, чтобы поточнее выяснить мнение архиепископа Реймского, находившегося тогда в Орлеане. Его ответы не удовлетворили Гуго, и он в конце августа лично отправился к Адальберону. Реймский архиепископ снова отказал, объяснив, что не имеет права короновать в один и тот же год двух королей. Чтобы сломить это упорное сопротивление, Гуго предъявил ему полное отчаяния письмо Бореля, маркграфа Испанской марки, в котором тот взывал к королю Франции о помощи для борьбы с сарацинами и говорил, что если королевские войска не придут в течение десяти месяцев, то вся страна окажется захваченной мусульманами. Затем Гуго Капет обрисовал в самых мрачных красках, в каком ужасном положении может оказаться государство, если его глава вдруг потерпит поражение. А коронование второго короля обеспечит армии предводителя, на которого она сможет рассчитывать в случае несчастий.

Эти доводы не были лишены смысла. В памяти Адальберона были еще свежи воспоминания о схожих событиях, длившихся в течение четырех лет в Германии, когда император Оттон II потерпел поражение, воюя с сарацинами, и после умер. Опасная перспектива увидеть на престоле Карла в случае гибели Гуго, бесспорно, возымела действие на архиепископа, и он дал свое согласие на коронование. Знать прибыла в Орлеан, и в день Рождества Господня «Гуго торжественно короновал в кафедральном соборе св. Креста своего сына Роберта под одобрительные крики франков, облачил его в пурпур и поставил королем над западными франками от реки Мааса до океана» (131, гл. IV, 13).

Роберту тогда было пятнадцать лет. Его отец задумал женить сына на византийской принцессе, родственнице восточных императоров Василия II⁴ и Константина VIII, самых блистательных европейских правителей того времени. Герберт письменно изложил от имени Гуго в начале 988 года следующее предложение: «Василию и Константину, христианнейшим императорам, Гуго, Божьей милостью король франков. Знатность вашего дома и слава ваших великих деяний побуждает и заставляет нас искать вашей дружбы. Вы блистаете настолько, что ваш союз — это самое драгоценное благо, какого можно желать в мире. Эта дружба священна, этот союз справедлив, мы не посягаем ни на часть вашей империи, ни на часть ваших богатств*; напротив, это прочно объединит нас, если вы захотите, у вас будет мощная поддержка, которая принесет большие плоды. Благодаря нашей защите, ни галл, ни германец не потревожит границы Римской империи. А чтобы сохранить эти преимущества навсегда, у нас есть единственный сын, тоже король, которому мы не можем подыскать супругу, т. к. находимся в родственных связях с соседними королями, поэтому мы настойчиво просим руки дочери Святой Империи. Если эти предложения будут приятны вашим светлейшим ушам, дайте нам знать об этом императорскими посланиями или через верных послов; посланники, достойные вашего величия, доведут до конца дело, которое будет обговорено в письмах».

У этой истории не было продолжения. Не установлено даже, отправлено ли было письмо. Для своего сына Гуго нашел партию поскромнее, но более надежную и выгодную. Арнульф II, граф Фландрский, умер в самые первые дни 988 г. Возможно, что он не был сторонником коронации Гуго Капета. Но если

* Без сомнения, намеков на брак Оттона II с Феофано, с которой восточные императоры отдали Апулию и Калабрию.

вражда с Фландрией в действительности имела место, то вскоре она была прекращена женитьбой Роберта и вдовы Арнульфа Розалии-Сюзанны. Этот брак не являлся унижительным для Роберта, ибо Сюзанна являлась дочерью короля Италии Беренгария, побежденного и изгнанного в 962 г. Оттоном I*.

Гуго тогда был занят участью Бореля, но прежде чем отправиться к нему на помощь, решил все же принять меры предосторожности и заручиться его клятвой верности. Через Герберта он написал ему следующее послание: «Маркграфу Борелю. — «Так как милостью Божьей нам пожаловано королевство франков во всем спокойствии, мы решили, по совету наших верных вассалов, как можно скорее отправиться вам на помощь. Если же вы хотите сохранить нам верность, в которой вы неоднократно заверяли в своих посланиях наших предшественников королей, для того, чтобы мы прибыли в ваши края, мы не обманем вас и обещаем вам помочь. Как только вы получите известие о прибытии нашего войска в Аквитанию, без промедления отправляйтесь к нам на встречу в сопровождении лишь небольшой свиты и лично подтвердите обещание хранить верность, а затем проведете нашу армию (через Пиренеи в Испанию). Если вы согласны на это и предпочитаете повиноваться скорее нам, чем исмаилитам (мусульманам), отправьте к Пасхе (8 апреля) послов, которые подтвердят ваше слово и вернутся в марку сообщить о нашем приезде» (82, № 112).

Отправиться на помощь испанским христианам было великодушным решением. Удивительно только, что Гуго Капет захотел лично участвовать в этом походе: данный шаг свидетельствовал о его политической недалековидности. Положение нового короля

* Этот брак был уже заключен к марту 988 г., ибо 1 апреля Сюзанна приняла титул королевы.

еще не упрочилось в достаточной степени, чтобы позволить ему совершать такие дальние экспедиции. Но непредвиденное событие заставило его одуматься и отложить на неопределенное время поход в Испанию. Карл Лотарингский отнюдь не собирался оставлять Капетингов безмятежно пользоваться присвоенной властью. В Нижней Лотарингии сформировалась партия, состоявшая из родственников, друзей и вассалов Карла. Он разжалобил их рассказами о своей судьбе, судьбе своих маленьких детей и пообещал щедро вознаградить своих соратников. Получив их поддержку, Карл задумал отчаянный план: захватить столицу королевства, Лан. Для того чтобы быть взятым штурмом, город был слишком хорошо укреплен. Для начала Карл заслал туда шпионов, чтобы они постарались найти какой-нибудь тайный ход. Обнаружить ничего не удалось, но зато на сторону Карла были привлечены некоторые недовольные налоговым гнетом епископа Асцелина горожане, среди которых находился и родной племянник Карла, Арнульф, внебрачный сын Лотаря и клирик реймской церкви. Они пообещали сдать город герцогу Нижней Лотарингии, а взамен тот должен отменить налоги, несправедливо собираемые епископом, и вознаградить их. Лазутчики скрепили это соглашение клятвой и, вернувшись, доложили герцогу о результатах задания.

Теперь мы предоставим слово Рихеру, рассказ которого любопытен и весьма живописен: «Карл тотчас уведомил об этом своих друзей, которых ему удалось склонить на свою сторону вышеупомянутыми жалобами. Они все собрались в надлежащее время и отдали себя в его распоряжение. Карл отправился со своими войсками в Лан и с наступлением благоприятного момента, на закате солнца, отправил своих лазутчиков к изменникам в город, чтобы объяснить им, что нужно делать. Его люди спрятались в виноградниках и среди заборов, готовые ворваться в город, если удача им улыбнется, или, если потребуют обстоятельства, за-

щищаться с оружием в руках. Те, кто был послан подготовить засады, встретили предателей в установленных местах и сообщили им, что Карл прибыл с многочисленной кавалерией. Обрадованные изменники отправили лазутчиков передать Карлу, чтобы он скорее приходил. Как только Карл узнал об этом, он отправился во главе своего войска обходными путями, через гору, и подступил к воротам города. Часовые, услышав фыркание лошадей и лязг оружия, поняли, что кто-то приехал, крикнули со стен: кто это, пообещав начать метать камни. Предатели ответили, что это жители города, и обманутые ответом стражники открыли ворота и в ночи пустили войско внутрь. Враги захватили городские ворота и поставили охрану, чтобы никто не сбежал, затем заповолонили город. Захватчики трубили в трубы, громко кричали, бряцали оружием, так что испуганные, не понимающие, что происходит, горожане выскакивали из своих домов, спасаясь бегством. Одни прятались в тайных уголках церквей, другие запирались там, где можно было укрыться, наконец, третьи, чтобы спастись, прыгали прямо со стен. Вместе с ними попытался бежать и епископ, и, когда он спускался с горы, в винограднике его заметили дозорные. Он был препровожден к Карлу и брошен в темницу. Карл также захватил королеву Эмму, из-за которой, как он полагал, брат отверг его, и приставил к ней стражу. Также он почти полностью захватил городскую знать. Когда город успокоился и в нем восстановился порядок, Карл начал заниматься укреплением позиций, обеспечением армии пропитанием и приводить все в этом отношении в порядок. Он постановил, чтобы пятьсот вооруженных стражников каждую ночь патрулировали город и охраняли городские стены; также приказал свозить хлеб со всего Вермандуа, таким образом, город оказался способным к сопротивлению. Низкие стены башни он надстроил высокими зубцами и окружил ее со всех сторон широкими рвами. Также он построил машины

для борьбы с врагами; он приказал в это же время привезти подходящую древесину для сооружения других машин. По его приказу заострили колья и соорудили частокол; доставили кузнецов, чтобы те изготовили металлические снаряды и все необходимое из железа. Находились там и люди, которые так ловко пользовались баллистами, что одним уверенным ударом пробивали два равных отверстия в противоположных стенах дома и без промаха поражали парящих в небе птиц, которые падали с высоты своего полета» (131, гл. IV, 16, 17).

Карл действовал не только как искусный воин, но и как мудрый политик; он хотел заручиться поддержкой Герберта, самого влиятельного советника Гуго Капета после Адальберона, и для этого он пригласил его на переговоры. Герберт принял приглашение, что не удивительно, поскольку он предпочитал иметь хорошие отношения с каждой партией. Но волнения в стране помешали ему отправиться к Карлу. Войска герцога Лотарингского находились повсюду и нагоняли на всех сильный страх. Герберт высказал Карлу свои опасения и просил у него проводников, если тот все еще хочет с ним побеседовать, а также порекомендовал ему с почтением обходиться с королевой Эммой и епископом Асцелином и не дать себя блокировать в Лане.

С начала года короли Гуго и Роберт находились в Компьене. Они провели там большую ассамблею, где присутствовали архиепископ Реймса, Асцелин, Сегуин, архиепископ Санса, который подчинился грозным требованиям Гуго, Даимберт, архиепископ Буржа, Готье, граф Амьенский, и трое его сыновей, Готье, Годфрид и Рауль. На этом заседании они подтвердили привилегии аббатства Корби, затем, 4 июня, привилегии Сен-Коломб де Санс. Именно тогда короли узнали о взятии Лана и были сильно огорчены. Лан являлся столицей королевства. Его падение наносило чувствительный удар по их влиянию и авторитету. «Однако они не торопились, как у них было заведено

во всех делах, ничего предпринимать, спокойно все обсудили, скрывая испытываемую ими печаль». Для начала был созван церковный собор, на котором Карл и Арнульф были отлучены от церкви, но этот приговор не принес никакого результата. Затем, после долгой подготовки Гуго и Роберт встали во главе шеститысячной конницы (для того времени это была внушительная армия), с которой они, в середине или конце июня 988 г., осадили Лан. Осаждающие соорудили огромных размеров таран, чтобы проломить стены, но им не удалось его втащить на гору, где находился Лан. Прошло около двух месяцев бодрствования, боевой готовности, частых стычек с осажденными.

За это время, между Феофано, Карлом и Гуго Капетом завязалась активная переписка. Феофано, считая герцога Нижней Лотарингии своим вассалом, приказала ему в письме освободить королеву Эмму и епископа Лана. Более того, она выступила посредницей между ним и Гуго Капетом, обратившись к последнему с просьбой принять заложников от Карла и снять осаду с города. Гуго Капет проявил чрезмерное послушание иноземной государыне, согласившись на все условия. Сопротивление исходило от Карла. Он высокомерно отослал посланников Феофано и категорически отказался освободить Эмму и принять вместо Асцелина заложников. Отчаявшаяся Эмма не переставая молила императрицу о помощи, жалуясь на дурное обращение ее шурина. Со своей стороны Гуго, поскольку из-за осады не мог лично отправиться к Феофано, предложил ей встретиться в Стене, 22 августа, со своей женой, королевой Аделаидой. Он обещал, что все, о чем договорятся две королевы, будет соблюдаться вечно им и Оттоном III.

Полностью прервав переговоры с Гуго и Феофано, Карл не отказался от использования дипломатических средств. Герцог Лотарингский попытался привлечь на свою сторону самого опасного своего противника, архиепископа Реймса, который участвовал в осаде

Лана со своими вассалами. Он писал ему полные почтения, но не без хитрости, письма, называя его своим отцом, напоминая ему о беседе, которая состоялась у них в прошлом году в Реймсе, и об услуге, которую он ему оказал, вырвав его из рук врагов; наконец, он просил у него совета и дружбы. Но Адальберон оказался непреклонным и неподкупным. Карл сильно ошибался, полагая, что может воздействовать на Адальберона так же, как на Герберта. Вместо того чтобы согласиться на встречу, как это сделал Герберт, архиепископ даже не отвечал на первые письма герцога Лотарингского. Наконец, архиепископ написал ответ лишь для того, чтобы оборвать одностороннюю переписку. Это письмо показывает, сколь надменным и жестким был нрав Адальберона, несмотря на свое предназначение, как священнослужителя, быть покорным и сдержанным: «Вы считаете меня в числе ваших злейших врагов и, между тем, просите у меня совета! Вы хотите вырвать у меня душу и называете меня своим отцом! В сущности же я от вас этого не заслужил. Я только держался всегда, и теперь держусь, в стороне от коварных замыслов погибших людей, но вас я не считаю в их числе. Так как вы вызываете меня на воспоминания, то я и попрошу вас вспомнить о том совещании относительно ваших интересов, которое я имел с вами в то время, когда вы в первый раз обратились ко мне, и о том, что я тогда советовал вам обратиться к могущественнейшим лицам страны лично. В самом деле, разве я пользовался таким влиянием, что мог один, без посторонней поддержки навязать вас в короли франкам? Ведь это не частное дело, а общественное*. Вы полагаете, что я ненавижу королевский род. Клянусь

* Архиепископ лукавит. Повествование Рихера нам показывает, что он, наоборот, играл необычайно активную роль, не задаваясь вопросом, идет ли речь об общественном или личном деле.

Искупителем, что я его не ненавижу*. Вы спрашиваете у меня, что именно вам следует предпринимать в настоящее время. Это вопрос трудный, я право не знаю хорошенько, что вам отвечать, да если бы и знал, то не осмелился. Вы ищете моей дружбы. О если бы настало когда-нибудь такое время, чтобы я мог служить вам не уклоняясь от моего долга! Хотя вы и попрали Божью святую, схватили королеву (Эмму), которой вы дали когда-то известную нам клятву**, заключили в темницу ланского епископа, презрели проклятия епископа, — не стану говорить о моем короле, против которого вы предприняли дело, превышающее ваши силы. — несмотря на все это, я обязан помнить благодеяние, которое вы мне оказали, вырвав меня из под ударов неприятельского оружия. Я мог бы сказать еще много (например, то, что ваши сторонники прежде всего обманщики и пользуются вами, чтобы обдѣлывать свои дела, как вы в том со временем убедитесь горьким опытом), но теперь не время. И за эти-то мои слова я уже опасаюсь. Та же причина побудила меня оставлять без ответа ваши прежние письма; из предосторожности я стараюсь не забывать слов (поэта Вергилия): *nusquam tuta fides*. Впрочем, обо всех этих делах, пожалуй, и можно было бы вести переговоры, если бы к нам мог приехать мой племянник, епископ Верденский, дав вам заложников. Ему можно довериться в этих делах, а без него я не могу и не должен вести подобных переговоров» (82, № 122).

Эти последние слова наводят на мысль, что графы Эд и Герберт, которым Годфрид отдал своего сына Адальберона 17 июня 987 г. в заложники, почти открыто присоединились к партии Карла Лотарингского и выдали ему епископа Вердена. Впрочем, в их вер-

* Во всяком случае, действовал он так, будто его ненавидел.

** Как и все магнаты, Карл приносил клятву верности не только Людовику V, но и Эмме.

ности нельзя было быть абсолютно уверенным. Архиепископ Реймса, осведомляя Карла об интригах графов, принял меры предосторожности, желая избежать своего племянника от их посягательств. Он также не пренебрег хлопотами, чтобы обратиться к самим графам. Он отправил в Труа к Герберту III церковник Ренье, который после Герберта был самым старательным его поверенным, и просил епископа Шалона-на-Марне, Гибуина, соседа графа Труа, поддержать его замыслы и сообщить ему о результатах встречи. Благодаря всем этим действиям, в обмен на заложника в конце августа Адальберона Верденского отпустил на свободу. Эд и Герберт потребовали тогда от Годфрида выполнения обязательств, то есть, без сомнения, речь шла о передаче большого числа деревень Верденской округи*. Адальберон в своих посланиях настойчиво просил брата, в их общих интересах, встретиться с этими людьми, раз они того требуют. Он должен был дать им ответ 3 сентября, сам же он не мог, не подвергаясь серьезным опасностям, далеко удалиться от Реймса. Он предложил Годфриду отправиться на границу, в Бульон; оттуда он отправился бы в Реймс, под надежной охраной Манассии, графа Омона или Ретеля, вассала реймской церкви. Неизвестно, откликнулся ли Годфрид на этот призыв. Дело еще не закончилось. В последние дни 988 г. Адальберон в очередной раз отправил своих поверенных Ренье и Ансельма к Герберту и Эду. Последний тогда находился в Шартре. Результаты переговоров с графами неизвестны.

* Таковы были основания могущества и притязаний дома Блуа в Лотарингии. Эд II построил замки в этой стране, без сомнения, на землях, уступленных его отцу Эду I Годфридом. Он согласился их разрушить только после свидания императором Генрихом II, состоявшегося в Вердене в 1023 (323, с. 371).

Возвращаясь к осаде Лана, нужно сказать, что она была предпринята в очень плохих условиях. После дождливой весны с паводками пришло настолько жаркое и засушливое лето (988 г.), что урожай погиб. Армия осаждающих сильно страдала от таких погодных условий. Не перенеся тягот осады, Герберт подхватил горячку. Осажденные решили воспользоваться плачевным состоянием королевской армии, чтобы нанести дерзкий удар. В середине августа горожане Лана, поддержанные всадниками, совершили вылазку. Они захватили отяжелевших от вина и сна осаждающих врасплох и сожгли лагерь. Королевская армия претерпела серьезное поражение: машины, продовольствие, поклажа — все погибло в огне. Гуго Капет, обеспокоенный взволнованными криками, сигналами рожков, треском огня и дымом пожара, обратился в бегство. После он пришел в себя и приказал исправить нанесенный урон к 25 августа. Но армия находилась в подавленном состоянии, необходимо было снимать осаду. Спустя два месяца, 18 или 23 октября, Гуго намеревался возобновить осаду.

Несмотря на поражение, Адальберон и Герберт не потеряли надежду на освобождение королевы Эммы и епископа Асцелина. Герберт призвал императрицу Аделаиду, которую снова назвал «матерью королевств», выступить в защиту своей дочери, как поступила Феофано. Но Аделаида, казалось, вовсе не обнаружила сильной любви к своей дочери. Герберт упрасивал ее проявить участие к Эмме, которое она обычно оказывала своим близким людям; он посоветовал ей отправить к Карлу ловких поверенных, чтобы просить у него отпустить ее дочь или, по крайней мере, обменять ее на заложников. Герберт тонко заметил, что для Карла пленение Эммы совершенно бесполезно и что он упрямо задерживал ее только ради того, чтобы не показывать, что он держит ее в плену безосновательно. Эмма получила свободу только

в конце декабря 988 г. По всей видимости, она удалась в Дижон, владение ее мужа, оставленный ей, без сомнения, Гуго Капетом и герцогом Генрихом, с которыми она встретилась спустя некоторое время после своего освобождения. Эмма находилась в ужасном состоянии, она вынуждена была постоянно опасаться какого-нибудь предательства и с горечью вспоминала время, когда командовала тысячами воинов. Достоверно не известно, как в дальнейшем сложилась жизнь вдовы Лотаря.

Адальберон особенно заботился о судьбе епископа Лана. Он написал Экберту, с которым он был тесно связан дружбой, чтобы тот выслал ему войска для повторной осады (18 или 23 октября), и призывал графов Бардона и Гозилона проявить интерес к участию их несчастного пленного брата. Асцелин, сломленный заточением, обдумывал какой-то отчаянный план; возможно, самоубийство или, скорее всего, союз с Карлом. Реймский архиепископ писал ему, чтобы он и думать забыл об этом плане, и призывал набраться терпения. Он приводил ему в пример Иова и его родственника (affinis) Годфрида, советовал ему рассказывать все, что происходит вокруг него, его посланнику Ансельму, чтобы он мог оповестить своего гонца в Париже во время праздника Сен-Дени (9 октября); наконец, он ему велел остерегаться Роберта де Миси* как изменника. Некоторое время спустя Адальберон изыскал возможность, чтобы устроить Асцелину побег, конечно же, при посредничестве Ансельма. Епископ находился взаперти в башне Лана. Октябрьской ночью он спустился по веревке через окно; внизу, у крепостной стены, его уже ждала лошадь; вскочив на нее, он бежал в Компьень или

* Роберт де Миси, без сомнения, был тем самым персонажем, который оспаривал у Константина, друга Герберта, звание аббата Сен-Месмен в конце X в. (82, стр. 123, пр. 5).

Санлис к Гуго Капету. Прошел слух, что он являлся тайным сторонником Карла и поэтому спешил оправдаться. Король тотчас вернул ему свое расположение.

Повторная осада Лана началась 18 или 23 октября. На этот раз Гуго и Роберт собрали войско в восемь тысяч человек. Но, как и в прошлый раз, все это было бесполезно. Карл использовал два месяца передышки на укрепление стен, увеличение и надстройку башни и сумел оказать ожесточенное сопротивление. Наступала осень, дни становились короче, бессонные ночи утомили армию, королевскому войску снова пришлось отступить. Кроме того, Гуго Капет был занят одним очень важным делом, о котором, к сожалению, почти ничего неизвестно. Из намеков, содержащихся в переписке Герберта, можно догадаться, что на границах Франции, Бургундии и королевства Лотарингии, должна состояться встреча королей (?), для установления мира между «государствами и церквями Господа». Сначала эту встречу перенесли с января 989 г. на начало поста (со вторника 1 января на первый день поста, 13 февраля). Место, назначенное на границе трех королевств, и неясный намек Асцелина Адальберону заставляют думать, что встреча должна была состояться между Гуго, Робертом, Оттоном III и, возможно, Конрадом. Несомненно, короли собирались подтвердить решения, принятые в Стене 22 августа 988 года королевой Аделаидой и императрицей Феофано.

Адальберон, без сомнения, участвовал в этом проекте. 23 декабря он получил письмо от Гуго Капета, предупреждающее о том, что его посланники придут в Реймс 28 декабря для того, чтобы побеседовать с его братом Годфридом и одним лотарингским епископом (имя которого неизвестно) по поводу «мира князей и Церкви». Архиепископ незамедлительно передал королевское послание этому неизвестному прелату и просил его в то же время вести себя очень корректно,

чтобы самому не прослыть предателем. Этот человек не прибыл на свидание, несмотря на настойчивые мольбы. Через два или три последних дня 988 г. Реймский архиепископ написал ему письмо, к которому прилагал копию первого послания и решительно спрашивал его о том, что он намеревается предпринимать.

Где-то в это же время Адальберон получил второе послание от Гуго Капета, в котором тот просил его вмешаться в дела аббатства Сен-Дени. Король желал провести там бенедиктинскую реформу* и избавиться от аббата Роберта; он желал, чтобы Реймский архиепископ сместил его с должности. Последний проявил гораздо большую осторожность, чем в делах монастыря Флери-сюр-Луар; он отказался «вносить ложь в дом другого», то есть, посягать на права Парижского епископа и главы его метрополии архиепископа Санса, и заметил, что аббат Сен-Дени занимает настолько видное положение, что необходимо торжественное согласие епископов области для смещения одного из ее аббатов. Адальберон согласился только разузнать мнение людей мудрых и религиозных и передать его на рассмотрение королю, если тот не будет торопиться со своим решением.

Положение, в котором оказался архиепископ, было не только весьма затруднительным, но оно снова становилось опасным. Ему, по-прежнему, приходилось заниматься переговорами с графами Эдом и Гербертом и одновременно отражать атаки рыцаря Дудона, вассала Герберта де Вермандуа; армии у него тогда не было, и он был вынужден просить у одной знатной лотарингской особы, вероятно, архиепископа Кельна,

* Одилон в «Житии Майёля» писал: «(Гуго Майёля) к нему прибыть пригласил, чтобы монастырь Сен-Дени с его советом и помощью как можно лучше организовать». Гуго Капет был особенно привязан к этому прелату, который скончался в 993 г. Спустя некоторое время после смерти Майёля Гуго совершил паломничество на его могилу.

отправить ему, под руководством графа Сигиберта, как можно скорее, войско. В довершение всех несчастий, Карл, ободренный повторным отступлением Гуго прошлой осенью, вышел из Лана, появляясь во всех уголках области. Он захватил Монтегю*, приблизился к Суассону, опустошая все на своем пути, угрожал Реймсу и после, вернувшись, заперся с огромной добычей в Лане.

Эти заботы и тревоги повлекли за собой роковые последствия для здоровья Адальберона: у него началась горячка. Он тотчас осознал тяжесть своего состояния и вероятный смертельный исход; и, до того как им овладела горячка, успел отправить гонцов к Гуго Капету в Париж, чтобы просить его приехать как можно скорее, поскольку боялся, что Карл воспользуется его болезнью и надвигающейся кончиной, чтобы захватить Реймс. Его верный Герберт в это время отсутствовал, скорее всего, находясь с поручением у графов Труа и Шартра. Не догадываясь о состоянии своего учителя и друга, он недовольно писал ему, что не получает от него ни письма, ни гонца, спрашивал его, нужно ли отложить королевскую встречу в Шелле и должен ли он сам принимать в ней участие.

Как только Гуго Капет получил послание от архиепископа, он сразу же покинул Париж, взяв с собой только оказавшихся тогда с ним рядом, но ехал он слишком медленно. В день его прибытия в Реймс, 23 января 989 г., Адальберон скончался.

«На похоронах первосвященника король выказал горячие сожаления; со слезами на глазах поведал об испытываемой им печали. С большими почестями он предал погребению тело архиепископа. С удивительной добротой утешил он горожан, лишившихся своего господина**». Король спросил жителей города, сохра-

* В четырнадцати километрах от Лана.

** Архиепископ Реймса одновременно был графом этого города.

нут ли они ему верность и будут ли защищать город, те поклялись ему в верности и пообещали защищать Реймс. После того как они связали себя клятвой, король предоставил им свободу действий в выборе себе господина, простился с ними и вернулся в Париж» (131, гл. IV, 24).

Теперь следует охарактеризовать Адальберона, этого удивительного человека, который и под конец своей жизни оставался самой значительной личностью во Франции, а быть может, и даже в Западной Европе. Он занимал самое высокое положение в свое время не только из-за реформирования им церкви, но зачастую из-за своего склада ума политика, своей твердости, смелости, неизменной преданности Оттонам. Его ученик и друг Герберт был более талантлив, но он не обладал такой энергией и в своих политических пристрастиях был совершенно непостоянен. Адальберон причинил огромное зло «нашей стране». Он помешал объединению Лотарингии с Францией, что дорого обошлось нашим потомкам. Можно поминутно проклинать и его самого, и его друга Герберта. Но надо уметь не поддаваться этим чувствам и постараться судить о человеке не с позиций XIX века, а с позиций, соответствующих тому времени. Но даже с той точки зрения, Адальберон, безусловно, виноват в изменении, но не своему стране (его родиной была Лотарингия), а своего сеньору. Это единственный справедливый упрек, который ему могли сделать современники. Принимая из рук Лотаря Реймское архиепископство, он становился его вассалом за необъятные владения этой епархии. Он должен был испытывать признательность и абсолютную верность королю. Его не должно было беспокоить, честно или нет атаковал Лотарь Оттона II в 978 г., имелись ли у него основания захватить в 985 г. Лотарингию; это никоим образом его не касалось. Он должен был повиноваться своему сеньору, как сам обещал. Конечно он снабдил его войсками для осады Вердена, поскольку не мог поступить иначе,

но зато старательно уничтожал тайком все его планы, постоянно шпионил за королями, предупреждая своих германских друзей об их замыслах. Каждое письмо Адальберона было предательским, но еще раз повторим, предательским по отношению к своему сеньору, а не к своей стране, предательским не в пользу германии, а в пользу Римской империи, которой правила династия, покровительствовавшая Церкви.

Действительно, в конце X века, епископы и некоторые просвещенные церковники, обладающие некоторой политической мыслью, видели в господстве Оттонов не Германскую империю, а настоящее продолжение Римской христианской империи, основанной Константином. Совершенно неважно, что император был саксонцем⁵. Происхождение никогда не влияло на выбор императоров. Не задевая никого, хозяином римского мира мог стать испанец, иллириец, араб, даже в дни наивысшего расцвета Римской империи. Центр императорской власти мог и должен был перемещаться в зависимости от обстоятельств. Из Италии он в одно мгновение перекочевал в Галлию, затем в Византию. Когда христианство и Карл Великий романизировали Германию, было вполне разумно, чтобы центр империи перекочевал в эти земли, чтобы легче было бороться со славянскими и венгерскими язычниками. Но ошибка сторонников Римской империи заключалась вовсе не в том, что ее центр должен был находиться в Германии, а ее государь — быть по происхождению саксонцем, но в стремлении совместить воду и огонь, Римскую империю и феодализм, что было невозможным. Данное заблуждение объяснялось неспособностью средневековья, даже в описываемое время, понять исторический процесс и прежние институты. Адальберон, Герберт и их последователь Оттон III даже не подозревали, насколько серьезные изменения претерпели за три или четыре столетия институт собственности и взаимоотношения людей. Они полагали, что как только кто-то примет титул

императора, империя станет такой, какой она была всегда. Нередко приходится наблюдать, как даже выдающиеся люди заблуждаются насчет своего собственного времени.

Также нужно отметить, что Церковь, подвергнувшаяся всестороннему давлению феодализма, связала свое будущее с империей, в которой она видела свою единственную надежду на спасение. Этот замысел удалось осуществить при Оттоне III, Генрихе II⁶, Конраде II⁷. Но губительные последствия проявились незамедлительно. Перечисленные императоры, которым Церковь хотела подчинять всех вокруг, сами требовали ее подчинения. С XI века Церковь, точнее папство, поняла, что она полностью находится в руках государя, и теперь ее спасение кроется в избавлении от императорской опеки. Тогда началась борьба за инвеституру⁸, которая в различных формах велась, не прекращаясь, во всех странах в течение всего средневековья вплоть до нашего времени. И в наши дни борьба между Церковью и государством является наследием принципов власти Римской империи.

Благодаря этим размышлениям, можно попытаться понять чувства Адальберона и выработать справедливую и непредвзятую точку зрения на его поведение. Теперь объяснимо, почему Адальберон, очарованный идеей христианской Римской империи, по которой Оттон III должен был стать новоявленным Константином, не считал себя строго связанным принесенной Лотарю клятвой. Также понятно, почему он с таким рвением добивался падения последних Каролингов. Династия Каролингов спасла папство от византийцев и лангобардов, осыпала Церковь своими милостями, сделала главенствующей силой своей политики; но когда Каролинги утратили свое могущество и стали сопротивляться империи, то стали ненужными и опасными для папства. Власть и могущество перешли к Оттонам и Робертинам. На основании принципа «блаженны властители» («*beati possidentes*») Церковь стала

их союзницей, ибо никогда не любила слабость. Власть, изначально несколько порочная, всегда внушала Церкви тайную симпатию, если она надеялась перетянуть ее на свою сторону и заставить служить своим целям. Это объясняет, почему духовенство Галлии, по большей части, безразлично отнеслось к падению династии, основанной Пипином, и незамедлительно перешло на сторону более сильных Робертинов.

Адальберон осознавал угрозу его жизни и чести, которая исходила от Карла Лотарингского, и понимал, что нельзя полагаться на обещания и лесть герцога. На тот момент присоединить к империи королевство франков было затруднительно*. Единственное средство, которое могло бы спасти архиепископу жизнь и дать возможность осуществить свои планы, было возвести на трон одного из князей, который мог бы гарантировать свою преданность Церкви и при этом не обладал бы ни великим умом, ни благородным характером. Гуго Капет прекрасно соответствовал этим качествам. Адальберон рассчитывал манипулировать им и сделал его королем. Новая династия долго не забывала, что своей властью она обязана Церкви.

Однако на троне Гуго не оказался настолько послушным, как надеялся архиепископ. Он хотел обеспечить будущее своей династии, короновав спустя несколько месяцев после своей собственной коронации своего сына. Адальберон испытал сильное разочарование. Он не планировал основывать новую династию. В приходе Гуго к власти архиепископ видел подходящий, но временный выход из положения. Возможно, он собирался заново обыграть свою теорию выборов, чтобы устранить Роберта в пользу Оттона III. Его нежелание сделать Роберта королем-соправителем было очевидно. Однако архиепископу пришлось усту-

* Однако эта попытка не была так уж и неосуществима. Мы уже замечали, что Эд Шартрский и Адальберон Ланский составили в 995 г. заговор с этой целью. Этот заговор сильно напугал Гуго и Роберта.

пить. К тому же, Роберт был молод, его воспитателем был Герберт, наконец, он преуспевал в науках и теологии. Адальберон, видимо, надеялся, что сможет управлять им, как и его отцом. Возможно, то было великое заблуждение. Роберт не проявил особой любви к своему бывшему наставнику Герберту*. С временем, Гуго стала пугать чрезмерная привязанность архиепископов Реймса к империи; король имел гораздо лучшее представление, чем Лотарь и Людовик V, о тайных планах и хитрости архиепископа, которым он прибегнул. Слишком большая ловкость с какой архиепископ помог Гуго взойти на престол, должна была обеспокоить нового короля. Поэтому думается, что доброе согласие Капета с Адальбероном продолжалось бы недолго.

Мы воздали должное незаурядным качествам Адальберона, попытались объяснить и частично оправдать его поведение. Но не будем увлекаться. Положение вассала Франции, которое занимал архиепископ, противоречило его тайным чувствам и вынуждало его к хитрости; его двуличность совершенно исключает сочувствие. Можно простить этому человеку тот вред, который он нанес Франции, принимая во внимание время, в которое он жил, можно также с участием отнестись к его жизни, но его невозможно ни любить, ни уважать.

* Мы еще увидим, что он отплатил неблагодарностью, отказавшись отдать ему сначала архиепископство Реймское, когда Гуго умер, Герберт не нашел никакой поддержки возлюбленного своего ученика. Он бежал в Италию, «узнав о вероломстве короля Роберта», по словам Рихера (131, гл. IV).

ГЛАВА II

СО СМЕРТИ АДАЛЬБЕРОНА ДО ПЛЕНЕНИЯ КАРЛА ЛОТАРИНГСКОГО

(23 ЯНВАРЯ 989 — МАРТ 991)

После Гинкмара¹ реймское архиепископство стало важнейшим в Западной Франции не только с религиозной точки зрения, но, в особенности, с точки зрения политической. Отсюда понятны появившиеся интриги вокруг поисков преемника Адальберона. После похорон архиепископа Гуго Капет, покидая Реймс, потребовал от жителей принести ему клятву верности и обещание защищать город от нападений Карла. А взамен он предоставил горожанам возможность самим выбрать себе «сеньора». Несмотря на столь важное обстоятельство, думается, что эта свобода выбора была обманчива, и последнее слово все равно всегда оставалось за королем². Таким образом, по случаю назначения нового архиепископа Гуго сам создал двойной поток интриг и в Реймсе и в Париже. С самого начала казалось, что у Герберта Орильякского есть все шансы получить эту должность. Он утверждал (что весьма вероятно), будто Адальберон с одобрения всего духовенства, епископов области Реймса и некоторых рыцарей перед смертью назначил

его своим преемником. Но Герберт сам погубил себя, пытаясь играть в двойную игру. Перед тем как вступить на путь, который должен был навсегда оставить его во Франции, ему хотелось убедиться, нельзя ли достигнуть в империи равноценного положения. Одна знатная германская или лотарингская особа сделала ему более или менее ясные предложения по этому вопросу. Герберт же хотел гарантий, это становится понятно из его ответа данному лицу. В письме он уверял, что предпочел бы служить скорее Оттону III, чем Гуго Капету, а чтобы не показалось будто он уклоняется от власти императора, он не находится при короле Франции, предложения которого выгодны и очень соблазнительны; однако, Герберт обещал, что ничего не предпримет без совета своего корреспондента. Это заявление поставило его в безвыходное положение, и вскоре будет видно, что Герберт совсем не обрадовался такому повороту событий.

С другой стороны, в своем письме Герберт преувеличивал доброжелательность чувств Гуго*, либо в этом отношении он жестоко заблуждался на его счет. Совсем неожиданно для всех возник другой кандидат на место архиепископа. Арнульф, внебрачный сын Лотаря, который сдал Лан своему дяде Карлу, жаждал заполучить великолепное реймское архиепископство. Людям того времени было присуще, оказавшись во власти какого-нибудь желания, не останавливаться ни перед чем ради его удовлетворения. Арнульф, несколько не колеблясь, предал Карла. Он одновременно проводил переговоры и с жителями Реймса, и с Гуго Капетом. Одним он предложил полное отпущение грехов и свою благосклонность, если те выберут его архиепископом; королю же он пообещал оставить

* В надежде, что ему по возвращении предложат гораздо более высокое положение, «Герберт торговался за свое согласие, чтобы получить более конкретные и выгодные предложения» (82, стр. 132, пр. 5).

Карла, принести ему клятву верности и полностью перейти на его сторону. Арнульф дошел даже до того, что обязался в кратчайшие сроки передать Гуго город Лан. Возле короля он нашел себе двух сторонников, которые могли бы его поддержать, известных всем Асцелина и Брюнона, епископа Лангра. Асцелин, без сомнения, желал только одного — как можно скорее снова править своим епископским городом. Брюнон преследовал более благородную цель. Будучи сыном Альбрады, сестры Лотаря, и Рено, графа Руси, он приходился Арнульфу кузенom. Продвинув своего родственника на такой высокий пост, он надеялся, что подобная ответственность должна улучшить его характер и заставить вести себя мудрее. Кроме того, Брюнон с великим почтением относился к Лотарю, который назначил его в двадцатичетырехлетнем возрасте епископом. Ему казалось, что всеми силами поддерживая сына Лотаря, он, таким образом, отдает дань уважения его памяти и тем самым выплачивает ему свой долг. Он сам лично вызвался послужить залогом и заложником для Арнульфа.

Герберт попытался уравновесить влияние Брюнона влиянием Адальберона Верденского, к которому, видимо, Гуго Капет испытывал определенную симпатию. Герберт, хотя и ненавидел занятие медициной, все же назначил лечение и лекарства епископу Верденскому, страдавшему от камней в почках. Будучи признательным ему за это, епископ написал королю Франции письмо, в котором отговаривал его поручать Реймскую церковь — «главу королевства франков», — «злодею, предателю, дурню» (в таких любезных выражениях он охарактеризовал Арнульфа). Но как он ни ссыался на память своего дяди³ и привязанность, которую к нему питал король, рекомендации его не оказали никакого результата. Гуго был прельщен предложениями Арнульфа, видя в этом превосходное средство разъединить Каролингов. Он надеялся, что с помощью предательства вернет себе Лан: после двух

поражений под стенами этого города Гуго уже потерял надежду захватить его силой. Возможно, став благодетелем сына Лотаря, он надеялся успокоить свою совесть в отношении узурпации короны у Каролинга. Герберта же Гуго опасался, зная по опыту, что тот находится в слишком близких отношениях с империей*. Тем не менее, Гуго Капет предоставил право выбора своего епископа жителям Реймса. Он не мог самолично принять решение, постыдно не нарушив своего слова. С другой стороны, с этим уже было пора заканчивать, поскольку прошло больше месяца со смерти Адальберона, а переговоры все не прекращались.

Король решил вернуться в Реймс и все же заставить его жителей подчиниться своей воле, но так, чтобы казалось, будто он полностью учитывает их мнение. Итак, Гуго собрал духовенство и знатных горожан**,

* «Гуго повел себя и глупо и неблагодарно», пишет Ж. Аве (82, стр. XXI). Неблагодарно, безусловно; но не глупо. Гуго поддерживал политику Адальберона и Герберта, когда она была для него выгодна, но было бы абсурдно продолжать ту же линию на троне. Рано или поздно, Капетинги должны были неизбежно унаследовать от Каролингов отношение к Германии и их претензии на Лотарингию. А. Люшер и К. Пфистер это доказали. Гуго знал о том, что Герберт был предан Оттону III и потому не мог без риска для себя доверить ему столь важный пост, как архиепископская кафедра в Реймсе. Если он все же сделал это два года спустя, то потому, что обстоятельства полностью изменились. То, что он запретил Арнульфу посетить Феофано, показывает, что Гуго прекрасно осознавал положение вещей. Кроме того, он доверил епископство Арнульфу только приняв в его отношении самые мелкие предосторожности. Правда, они оказались бесполезны, но Гуго стал жертвой судьбы, а не своей неосторожности.

** Рихер называет их просто «горожанами (cives)». Однако не следует думать, что все население могло принять участие в выборах епископа. Избиратели состояли из викарных епископов, черного и белого духовенства, наконец, несколь-

изложил им предложения Арнульфа, не скрывая, что находит их весьма полезными, и сделал вид, что оставляет за ними право окончательного принятия решения. Жители Реймса ответили, что недавно Арнульф пообещал им то же самое: преданность королю и быть к ним благосклонным. Но он слишком молод, и неизвестно каков у него нрав и характер, и, в конце концов, они посоветовали Гуго получить дополнительные сведения об этом человеке. Результаты этого расследования почти не вызвали сомнений. Король был настроен к Арнульфу явно благосклонно, и ему заранее гарантировалась поддержка большинства духовенства и, в особенности, среди мирян. Арнульфа провозгласили достойным епископства, если он выполнит все свои обещания. Итак, Арнульф пообещал все, что от него хотели услышать. Представ перед королем и «избирателями», Арнульф удовлетворил их своими весьма учтивыми («учтивейше отвечал» (*modestissime respondit*)) ответами. Затем собрание переместилось в церковь монастыря Сен-Реми, располагавшегося тогда в миле от Реймса, где и произошло посвящение в архиепископы. После того как Гуго посоветовался с приближенными, он, следуя обычаю, произнес речь, весьма любопытную с точки зрения его планов на отношения с Каролингами и которая свидетельствует о его бдительности. Рихер, монах из Сен-Реми и, как следствие, «избиратель», несомненно присутствовал на ассамблее и передал суть, если не дословно слова короля.

«Если бы благословенной памяти Людовик, сын Лотаря, скончавшись, оставил после себя потомка,

ких графов, рыцарей, свободных людей, богатых или могущественных, живших рядом с епископской резиденцией и их окружения. Бедный люд не считался, он всего лишь провозглашал избранного, как это происходило при выборах короля.

то наследовать надлежало бы ему; но так как нет никого из прямых наследников королевского рода, каждый знает, что я был избран вами и другими князьями и лучшими из рыцарей и стою во главе вас. Теперь, поскольку остался единственный потомок королевской династии, просим даровать этому оставшемуся потомку почетный сан, чтобы имя его великого отца не исчезло в забвении. Если же он пообещает сохранить верность, пообещает защищать город и не вступать ни в какие отношения с нашими врагами, а, напротив, будет их преследовать, я совершенно не против даровать ему епископский сан в соответствии с мнением, которое вы вынесете, однако с условием, что по решению мудрых людей, он должен будет мне принести клятву верности. И, чтобы яснее выразить мою мысль, я думаю, что по принесении клятвы он должен будет написать расписку, содержащую такие слова проклятия: что все счастье изменится для него в зло, богатство превратится в руины, вместо почета постигнет позор, что время превратится не более, чем в мгновение, что вместо почести он получит только презрение и, наконец, что зло заменит все благо. Более того, я требую, чтобы эта расписка была переписана в двух экземплярах, один для меня, другой для него. Пусть она станет ему погибелью, если он когда-нибудь позорно нарушит данное обещание» (131, гл. IV, 28–29).

Вот письменно заверенная клятва Арнульфа: «Я, Арнульф, Божьей милостью архиепископ Реймский, обещаю королям франков, Гуго и Роберту, хранить им нерушимую верность, оказывать им совет и помощь во всех обстоятельствах, соответственно моим знаниям и возможностям*, сознательно не оставлять ни совета, ни помощи их врагам. Перед лицом Всевышнего, святых и всей церкви даю я эти

* Вассальные обязательства за владения, которые ему доверял король вместе с титулом архиепископа.

обещания; если я соблюдаю их, то в вознаграждение за то получаю вечную жизнь, если же я уклонюсь от этого (что не угодно Господу!), то все благословения обернутся для меня несчастьем, дни мои сократятся, другой получит мое епископство, а друзья мои отвернутся от меня и навсегда останутся моими врагами. Я подписываю эту клятву, данную мной как свидетельство моего благополучия или несчастья, и прошу моих братьев и сыновей (перед Господом) подписать ее в свою очередь. — Я, Арнульф, архиепископ подписал» (131, гл. IV, 60).

Это решение получило всеобщее одобрение. Арнульф уже слишком далеко зашел, чтобы теперь идти на попятную. И когда он выступал на ассамблее и его спросили, примет ли он эти условия, он ответил утвердительно, написал клятву, громко прочитал и подписал. Один экземпляр тогда передали Арнульфу, другой сохранил Гуго Капет.

Но это еще было не все: Арнульф должен был поклясться королям в вечной верности, несмотря на все клятвы, которые он уже приносил или может принести в будущем; и если ему случится быть пленником, то он тотчас должен будет, используя любые средства, бежать к королям. В беседах и грамотах на народном языке Арнульф объявил, что если когда-нибудь он сам нарушит условия договора, то он освобождает от них епископов области Реймса. Наконец, Арнульф поклялся «горожанам и рыцарям» (*milites ac cives*) Реймса хранить верность королям, сохранить под их властью город и замки, если сам он будет пленен или ему придется нарушить свое слово.

После того, как были тщательно приняты все меры предосторожности, Гуго и Роберт посчитали себя полностью удовлетворенными, чего нельзя сказать о некоторых епископах. Те же пожелали, чтобы во время торжественного служения мессы, в момент принятия святого причастия от священника, Арнульф подтвер-

дил, что согласен с тем, что, если он когда-нибудь нарушит свои обещания, его следует проклянуть. Другие епископы, более умеренные и образованные, горячо осуждали это решение. В этом действии они видели осквернение святыни, поскольку знак искупления использовался для гибели души. Будучи прекрасно осведомленными о легкомысленности Арнульфа и сомневаясь, что он может так скоро изменить свои взгляды, они негодовали, понимая, что таким образом вынуждают этого слабого и нерешительного молодого человека навлечь на самого себя гибель. Однако восторжествовало противоположное мнение, т. к. короли и сеньоры видели в этом гарант, обеспечивающий верность Арнульфа. Он согласился на новое испытание, а после того, как с него была снята анафема Асцелина и прочих иерархов Реймской епархии, был избран архиепископом всем реймским духовенством, викарными епископами, при единодушной поддержке народа и королей Гуго и Роберта. Наконец, Арнульф был рукоположен в сан и облачен в епископские одеяния (конец февраля — начало марта 989 г.).

Казалось бы, что очевидная неудача должна была сломить Герберта и он тут же покинет город, ставший свидетелем его унижения. Но ничего подобного не произошло. Это был удивительно ловкий человек. При Арнульфе он продолжал исполнять те же обязанности учителя богословия и секретаря, которыми занимался и при Адальбероне. Он занимался составлением акта избрания Арнульфа от имени епископов реймской области. Герберт сумел даже завоевать расположение молодого архиепископа и очень скоро полностью его подчинить своему влиянию. От имени Арнульфа он хотел управлять реймской областью и вести политику, которой придерживался его друг Адальберон. Герберт оказался настолько ловок, что сумел втянуть сына Лотаря в партию империи. Арнульф написал письмо

Экберту, в то время находившемуся при дворе Оттона III, с просьбой о благосклонности, с которой Экберт относился к его предшественнику и о встрече с ним по его возвращении от двора германского короля. Арнульф прибавил, намекая на Герберта: «Прекрасным доказательством, что мы навсегда останемся объединены священной дружбой и неразрывным союзом, является то, что в советники я беру тех же людей, кто был советником при моем предшественнике и кого как в быту, так и в делах вы все время использовали в качестве посредников».

Едва обосновавшись на епископском месте, Арнульф обнаружил еще одну претензию — добиться паллия. Очевидно, подстрекаемый Гербертом, Арнульф решил отправиться в Рим для встречи с императрицей Феофано, которая находилась там с 25 декабря прошлого года, и, благодаря своему всемогущему покровительству, приобрела расположение папы Иоанна XV. Как только Гуго Капета осведомили об этой поездке, он немедленно начал чинить препятствия. Испуганный тем, что новый архиепископ столь быстро сближается с империей, он вовсе запретил ему покидать королевство. Тогда Арнульф с помощью Герберта написал одной знатной особе императорского двора послание, в котором просил ее поступить по-дружески, добиться паллия от папы и сохранить расположение императрицы Феофано. Сын Лотаря решил пренебречь запретом Гуго и дерзнул написать: «С Божьей помощью, мы будем в распоряжении Феофано к Пасхе (31 марта), и тогда никто не сможет помешать нам представить ей и ее сыну заверения в нашей верности и нашей преданности». Вероятно, вернувшись из Италии, он отправился на свидание с Феофано, т. к., спустя немного времени, получил паллий⁴, предмет своих желаний.

Упустив реймское архиепископство, Герберт по-прежнему рассчитывал на компенсацию от Германии.

Но, видя слишком очевидное безразличие к своей персоне, он возвысил голос и позволил себе, впервые за пять лет, пожаловаться. Герберт напомнил о своей непоколебимой и столь мало вознагражденной преданности, просил какого-нибудь знака внимания, указывал на постоянство, с которым он сохранял преданность Феофано и ее сыну, хотя клялся в верности одному только Оттону III; он указал, что дыра, где его оставили, является позором для тех, кому он служил и утешением их врагам. Он умолял только, чтобы ему позволили быть верным и не отбрасывали его в другую партию.

Когда Арнульф удовлетворил свои амбиции и ему нечего было больше желать, его родственные чувства к семье мало-помалу взяли верх. «Он сочувствовал своему дяде, думал о нем, любил его, дорожил им, как своим родителем». Он очень привязался к своему молодому кузену Людовику, сыну Карла, и печалился при мысли, что ребенок, который мог бы быть королем, ведет ненадежное, лишенное почестей существование. Однажды, прогуливаясь вдоль берегов Эны, полный подобных раздумий, он неосторожно доверил Ренье, одному из своих родственников, от которого у него не было тайн, что Людовик — это существо, которым он дорожит больше всего на свете, и что обеспечение благополучия этому ребенку прямой путь снискать себе его милость. Спустя два года, оказанное доверие стало причиной его гибели⁵. Позднее Арнульф писал, что в его замыслах было восстановить ценой огромных усилий «почти уничтоженную у франков королевскую власть». В конце концов, Арнульф в августе 989 г. решился воплотить мечту в реальность. Единственное, что он мог сделать, дабы усилить огущество своего дяди, — это сдать ему Реймс и его епархию. Но, с другой стороны, Арнульф не хотел выглядеть столь явным нарушителем клятвы, которую он дал Гуго меньше шести месяцев назад. Чрезвычайно сложно

было для него примирить эти два чувства. Посоветовавшись со своим дядей Карлом, Арнульф придумал пригласить под предлогом одного важного дела знатных сеньоров провинции к себе в Реймс. Когда они все соберутся, Карл должен был прибыть ночью под стены города; надежный человек откроет ему ворота, после этого люди Карла захватят сеньоров вместе с архиепископом и бросят в темницу. Таким образом, Карл получит не только город, но и всю епархию или графство Реймса, сеньоры которого окажутся у него в руках. Этот ловкий и коварный план был изложен в письме. Начал Арнульф тем, что заставил принести всевозможные клятвы Манассию, графа Ретеля, и Роже, возможно, графа Шато-Порсьена, которые оба являлись вассалами реймской церкви*. Они согласились присоединиться к войску, которое под предводительством Карла собиралось захватить город. Наконец, можно было рассчитывать на Роберта, брата матери Арнульфа, вассала Карла. Теперь требовалось лишь найти человека, который бы под покровом ночи взял у изголовья архиепископа ключи, но без прямого приказа Арнульфа, который опасался предательства. Дудон, вассал Карла, взял на себя это щекотливое дело. Свой выбор он остановил на реймском священнике по имени Альгерий; расхвалив его ловкость и осмотрительность, рассчитывая на его смелость, он изложил ему, чего от него хотят, сообщив ему, что таков приказ его господина, архиепископа. Ошеломленный Альгерий захотел услышать приказ из уст самого архиепископа. Арнульфу пришлось на это со-

* Манассия — племянник архиепископа Артольда. Был верным вассалом Адальберона. Напротив, Роже был ярым врагом Реймской церкви. Без сомнения, Арнульф многое им пообещал. Известно, что после захвата Реймса он раздавал владения Реймской церкви сторонникам Карла Лотарингского.

гласиться, и, когда священник спросил у него, на чью помощь он рассчитывает в осуществлении своих замыслов, между прочими именами он назвал ему своего дядю Карла, графов Роже и Манассию и дядю по материнской линии Роберта. Затем архиепископ приказал священнику посодействовать Карлу и присягнуть ему на верность. Альгерий повиновался.

Тогда Арнульф созвал своих друзей и вассалов. Среди них находились три его двоюродных брата: Жильбер, граф Руси, его брат Брюнон, епископ Лангра, Ги, граф Суассонский*. Все прошло в точности, как было задумано Арнульфом и Карлом. Священник Альгерий среди ночи похитил ключи из опочивальни, притворившегося спящим, архиепископа, открыл Карлу городские ворота, и войска под предводительством Роже и Манассии рассеялись по городу, учинив страшную расправу и необузданный грабеж. Сам же собор был осквернен и разорен.

Карл повсюду искал и не мог найти своего племянника. А Арнульф, делая вид, что сильно напуган смятением, вызванным захватчиками, вместе с графами укрылся в башне городской цитадели. Но когда Карл взял башню в кольцо, безоружные осажденные, не имея продовольственных припасов, вынуждены были сдаться. Их переправили в Лан, где они находились под усиленной охраной. Карлу пришлось некоторое время остаться в Реймсе, чтобы прибрать к рукам собственность епископства и укрепить свои позиции в Суассоне, который он получил, захватив в плен графа Ги. Затем он вернулся в Лан и потребовал

* Жильбер и Брюнон были сыновьями Альбракы, сестры Лотаря, и Рено де Руси. Жильбер наследовал своему отцу, скончавшемуся в июне 967 г. Ги, граф Суассона, был сыном Альберта де Вермандуа и Герберги, сестры Альбракы, таким образом он приходился двоюродным братом одновременно Арнульфу, Жильберу и Брюнону.

от пленников принести ему клятву верности, от которой они единодушно отказались. Карл же и Арнульф упорно продолжали разыгрывать свою комедию. Они притворялись будто ненавидят друг друга, обвиняли друг друга во взаимных обидах. Архиепископ даже предал анафеме захватчиков владений реймской церкви. Но его угрозы касались только мирских владений, он умолчал о предательском поведении духовенства и народа, то, что вызвало справедливое негодование Готье, епископа Амьена. Арнульф даже имел наглость приказать галльским епископам вслед за ним провозгласить отлучение. Эта анафема дошла до Эда, епископа Санлиса, при посредничестве Ги, епископа Суассона. Гуго и Роберт поспешили созвать в Санлисе церковный собор, на котором присутствовали епископы реймской провинции.

Однако уже пошел слух, что истинным автором предательства является сам архиепископ. Епископы решили применить отлучение от церкви, чтобы полностью развеять кривотолки. В тексте отлучения главным образом обвинялся священник Альгерий, «который выдал архиепископа, будучи его охранником, сотрапезником, советчиком и капелланом». Анафеме предали «этого пособника дьявола, предателя своего епископа, духовенства и всего реймского народа», а также захватчиков епископства Лана, т. е. Карла и его войско, и «беспощадных мучителей епископа». Решения собора были переданы Арнульфу, чтобы тот их подтвердил. Но было слишком поздно: он более не мог играть свою роль, и только что принес Карлу клятву верности и передал ему заложников. Графы Жильбер и Ги не замедлили последовать его примеру и были отпущены на свободу. Арнульф, вместо того, чтобы потребовать от захватчиков отказа, раскаяния, отважился единолично простить виновников, без согласия духовенства, что являлось незаконным. Он даже не потрудился выволить из плена своего кли-

рика, сына Ренье, видама Реймса. Более того, Арнульф передал некоторые фьефы рыцарей Реймской церкви друзьям своего дяди и заставил духовенство и жителей Реймса принести себе и Карлу клятву верности.

Его предательство стало очевидным. Гуго потребовал от Арнульфа предстать перед церковным собором в Санлисе, обещая освободить его, если он действительно в плену; если же он свободен, его поведение называли предательским. Арнульф же делал вид, что ничего не знает и не слышит. Повторное королевское предупреждение также не имело большего успеха: таким образом, прошли недели и месяцы, полные неопределенности, вплоть до следующего года.

А чем в это время занимался Герберт? Попад в предательства Арнульфа в плен, он испытал на себе ярость Карла и своих врагов, которые отлично помнили о важной роли, сыгранной им во время прихода Капетингов к власти. У него отобрали все, но на свободу вскоре отпустили. Сначала Герберт помышлял покинуть Реймс, но вдруг резко изменил свою точку зрения, неожиданно став ревностным сторонником Карла, и назвал Гуго и Роберта узурпаторами. Эта внезапная перемена — самое загадочное место в биографии Герберта. Все осуждают эту перемену, но нет никого, кто бы смог ее объяснить. Герберт, как уже говорилось, был человеком амбициозным, что позволяло ему, принимая во внимание его способности и преданность, защищать принятую им сторону. До сих пор, однако, его полная самоотверженность обрекала его лишь на опасности и тревожения. Переполняемый горечью от черной неблагодарности, проявленной Гуго Капетом и Феофано, он чувствовал себя состарившимся и, без сомнения, задавался тревожным вопросом: что же с ним будет дальше, если не приходится рассчитывать на награду за долгую и верную службу. Он по-прежнему страдал от лихорадки, приобретенной им во время осады Лана в августе 988 года и обос-

трившейся наступившей осенью. Болезнь лишь поспособствовала упадку его боевого духа и росту беспокойства за свою дальнейшую судьбу. У Карла были все шансы снискать симпатию Герберта, поскольку его активность резко контрастировала с инертностью Гуго Капета. Еще год назад Карл пытался склонить Герберта на свою сторону, и теперь, конечно же, не скупился на обещания. В конце концов, возможно, Герберт счел возможным возложить всю ответственность за свой поступок на своего архиепископа.

Справедливы эти предположения или нет, но установлен факт, что Герберт незамедлительно приступил к полемике в пользу Карла. Асцелин, скрывавшийся при королевском дворе, по-прежнему настаивал на анафеме, наложенной им на ланскую епархию, откуда он был вынужден бежать в прошлом году. Известно, что последствием этого ужасного наказания было полное лишение верующих всех церковных таинств. Не разрешалось даже хоронить умерших и крестить детей. Эта слишком жестокая кара возмущала Герберта, который написал Асцелину следующее письмо:

«Епископу — пока достопочтенному Адальберону, — Герберт». «Неужели ты до того предался беспечности и полагаешься на сомнительные случайности, что не видишь мечей, висящих над твоей головой, не чувствуешь осадных машин, бьющих тебя в самые внутренности? Ты был когда-то мне добрым другом. Вспомни же, прошу тебя, о том, что было совершено при отце моем Адальбероне и под его верховным водительством! Родной брат божественного Августа Лотаря, наследник престола был изгнан из государства. Его враги избраны в короли на время междоусобицы (лишь такими признают их, по крайней мере, многие). По какому же праву законный наследник лишен своего наследия, по какому праву он лишен престола? И, так как теперь он воротился в отчий дом, какие декреты римских пап запретили крестить

младенцев? Какие священные каноны предписали удалять от алтаря ни в чем неповинных пресвитеров? Относительно того, должен ли Бог губить благочестивого вместе с нечестивым в Содоме, Авраам счел уместным беседовать с самим Богом, а ты, пастырь, не задумываешься подвергнуть наказанию виновного вместе с невинным! Впрочем, что я останавливаюсь на таких мелочах, когда мне известно, что твой обвинительный акт уже составлен Божьими служителями, что он полон преступлений, чреват злодеяниями? Твои судьи уже избраны и, если ты не явишься на их суд, отсутствие не принесет тебе пользы, а если ты явишься, ты перестанешь быть епископом. Уже найден человек, который тебя заместит*. Итак, спасайся бегством, пока еще есть время. Не останавливайся за Луарой и Сеной в надежде на безопасность: они тебя не спасут. Так как я осведомлен о заговорах, интригах, постановлениях и их создателях, хочу тайно сообщить тебе обо всем в память о нашей старинной дружбе, чтобы вырвать тебя из оцепенения. Ищи же наиболее действенное средство, если оно существует, ибо ты напоминаешь человека, страдающего катаlepsией» (82, № 164).

Это весьма своеобразное проявление дружеских чувств только усугубило ярость Асцелина. Арнульф намеревался скрыть свое предательство от лотарингских епископов, в особенности от Экберта, дружбу которого он стремился себе снискать, поручив Герберту написать от своего имени послание Трирскому архиепископу: «Плывя по волнуемому морю, приходится терпеть крушения и испытывать страдания. Нигде не покажется безопасный берег или тихая пристань. И лишь подле вас мы ищем успокоения. У вас есть что дать, без чего сами не оскудеете, и что обогатит того, кто это примет. Мы взываем к вашей

* Быть может самого Герберта?

любви и милосердию с просьбой встретиться в Реймсе в канун апрельских календ (kalendes) (понедельник, 31 марта 990 г.), если наша дружба сумела приобрести на это некоторое право или же если она может надеяться его заслужить» (82, № 166).

Когда Арнульф, сдав Реймс, еще не был готов открыть свои истинные пристрастия, он приказал Герберту написать второе письмо Экберту: «Святой отец, меч пронзил мою душу; отовсюду меня теснят враги. Связанный, с одной стороны, клятвой верности, данной королям Франции, с другой — фактически находясь во власти Карла, требующего возвращения своего государства, я поставлен в необходимость или переменить подданство, или же удалиться в изгнание (из Реймса). Вся моя надежда на вас, т. к. Богу было угодно связать вас со мной как бы некоторыми братскими узами и устроить так, чтобы мы носили тяготы друг друга. Итак, я прибегаю к вам как к верной защите, как к жертвеннику мудрости, как к толкователю божественных и человеческих законов. Совет, который вы дадите, будет для ваших сынов подобен речению небесного оракула»* (82, № 168).

Но все эти меры предосторожности оказались напрасными, предательство Арнульфа было обнаружено. Экберт отказался от предложенного свидания и ответил Арнульфу письмом, полным суровой иронии. Прошло около года, как Арнульф отказался появиться на соборе в Санлисе. Ги, епископ Суассона, решил предпринять по отношению к Арнульфу крайнюю меру. К июню или июлю 990 г. они встретились в Шавиньи под Ланом в присутствии духовных и мирских лиц. Ги в третий и последний раз потребовал от Арнульфа отправиться в Санлис к своим собратьям и держат ответ перед именем короля. Арнульф ска-

* Это и предыдущее письмо было написано в конце 988 г. или в начале 989 г.

зал, что не отважится поехать туда без сопровождения графов Эда и Герберта, поскольку опасается насилия по отношению к своей персоне. Неудовлетворенный этим предлогом, епископ Суассона вызвался принести себя, своего брата Готье и отца в жертву в качестве заложников, чтобы Арнульф мог, таким образом, съездить в Санлис и вернуться оттуда с полной гарантией безопасности. Ги незамедлительно заявил о своей готовности подтвердить это обещание клятвой.

Тогда Арнульфу пришлось признаться, что, находясь в плену, он принес клятву верности Карлу и предоставил ему заложников. И, стало быть, без его разрешения он никак не может бежать. Епископ Суассона, полный негодования, разразился упреками и порицаниями: «Каких заложников ты предпочитаешь? Может быть своего брата Ричарда, своего кузена Брюнона и сына его сестры*, которые находятся во власти королей или твоих рыцарей Сегарда и Рено, которые вернули себе свободу, оставив в заложниках своих детей, и которых ты лишил фьефов (*beneficia*) в угоду своим так называемым похитителям, демонстрируя открыто свою расторопность в отдаче и получении заложников? По-твоему, какая клятва предпочтительнее? Та, что ты добровольно принес своему сеньору, королю, или та, что вооруженный враг вырвал у тебя силой?» Затем Ги напомнил ему про его клятвы, данные Гуго Капету, про его устные соглашения, заключенные с епископами (Арнульф поклялся, что если однажды он попадет в плен, то он сбежит сразу, как только представится случай). Епископ Суассона призывал его к тому, чтобы прямо сейчас сдержать данное слово. Сделать это было нетрудно, поскольку с Ги пришло многочисленное войско, состоящее из доблес-

* У Брюнона была сестра Эрменгарда, вышедшая замуж за Отто-Гильома, графа Макона. У нее было трое сыновей; вероятно, здесь идет речь о старшем — Ги.

тных рыцарей, Арнульф же находился в сопровождении незначительного эскорта. Но Арнульф, естественно, отказался, и Ги пришлось вернуться в Санлис ни с чем, отныне лично удостоверившись в предательстве архиепископа. Собор в Санлисе и король постановили тогда воззвать к папе римскому и добиться приговора и смещения Арнульфа, но этот шаг был досадным промахом. Гуго и его сын Роберт раскаивались в этом весь остаток своего царствования. Посланцы с письмами от епископов и короля, отправились в Рим в конце июля 990 г. Их сопровождали несколько клириков Брюнона, которым не удалось уговорить Карла выпустить на свободу их епископа (который, бесспорно, отказался принести клятву герцогу), и они собирались вымолить у папы проклятие для тюремщика.

Вот основные выдержки из письма Гуго Капета Иоанну XV (в письме епископов повторяются те же жалобы, и оно является менее любопытным): «Арнульф, сын Лотаря, совершивший против нас и нашего королевства серьезные преступления, нашел в нас отца. Мы пожаловали его в архиепископы Реймса; он принес нам клятву верности, которая полностью исключала прошлые и будущие обязательства перед кем-либо. Он собственноручно передал текст этой клятвы, прочитал ее вслух, подписал. Он заставил поклясться рыцарей и горожан оставаться преданными нам, если ему самому случится когда-нибудь оказаться во власти врагов. Однако, невзирая на все эти обязательства, достоверные свидетельства которых у нас имеются, он сам раскрыл ворота своего города врагам, принеся доверявшее ему духовенство и народ в жертву, обрекая их на плен. Он настаивал, что сам является игрушкой в руках врагов; зачем он вынудил рыцарей и горожан пойти на клятвopеступление? Зачем собрал против нас войска, зачем укрепил свой город и замки против нас? Если он пленник, то почему отказывается от предложенного освобождения? Ес-

ли он жертва насилия, то почему отклоняет помощь? Если же он свободен, то почему он не с нами? На требование появиться при дворе, он отказывается являться туда. Его вызывают архиепископы и епископы его епархии; он отвечает, что ничего им не должен. Стало быть, вам, преемнику Апостолов, подобает решить участь нового Иуды; кроме того, бойтесь, как бы мы не стали хулить имя Господа, возбужденные справедливой жаждой мести и вашим молчанием, как бы не разрушили город и не сожгли всю провинцию. Господь, ваш судья, не простит вас, если вы оставите без ответа и приговора нашу жалобу» (83, стр. 202–203).

Сначала Иоанн XV весьма благосклонно встретил посланников. Но на другой день его настроения поменялись. Карл и его сторонники были уведомлены об отправке посланников. Его друг и родственник, граф Герберт Юный, задумал провалить их миссию. Он отправил за ними своих гонцов, которые тотчас отправились в Рим, прибегнув к красноречивым доводам. Они поднесли папе богатые дары, среди которых была великолепная белая лошадь. Поэтому несчастные посланцы Гуго в течение трех дней находились в томительном ожидании у ворот папского дворца и не могли добиться новой аудиенции с Иоанном XV. Когда они узнали причину немилости, то поняли всю бессмысленность их дальнейшего пребывания в Риме и в печали поехали обратно во Францию.

Клирикам Брюнона повезло не больше. Папские служители (*ministri*) в ответ на их жалобу посоветовали выкупить их господина, преподнеся сумму в десять су золотом. Французские клирики восприняли этот совет с насмешкой и дерзко ответили, что если их епископ может быть освобожден за деньги, они не колеблясь поднесут тысячу талантов. На что папа раздраженно воскликнул: «Дело касается того, кто его пленил» и не желал ничего больше слышать. По

возвращении клирики узнали, что их господин отпущен на свободу. Из каких соображений Карл отпустил его, неизвестно*.

Брюнон воспользовался этой слабостью, стремясь завязать отношения с Гербертом и принудить его оставить партию Карла. Дело в том, что, на самом деле, Герберт довольно быстро раскаялся в своем предательстве. Измученный угрызениями совести, несомненно, напуганный проклятиями собора в Санлисе и отправкой посланников к папе, он чувствовал, что все глубже увязает в неблагоприятном для себя деле. Не во власти Карла было дать ему то, что он надеялся получить от империи или от короля Франции. Герберт собирался порвать с Карлом и Арнульфом, при этом не вызвав их подозрений и не понеся крупные убытки. Уже спустя некоторое время после взятия Реймса, он сильно раскаивался и пытался утешиться чтением Цицерона: «Хотя в глазах других людей я кажусь счастливым», — писал он Ромульфу, аббату одного из монастырей Санса, — «сам же себя я считаю глубоко несчастным. Я ввязался в мирские дела, свершаю их и скажу прямо, стал предводителем преступников» (82, № 167). Суровый ответ Экберта на лицемерные письма Арнульфа еще сильнее увеличили тревоги и опасения Герберта.

Карл, полагая, что Герберт отныне находится на его стороне, предоставил ему полную свободу действий. Таким образом, Герберт без помех мог встретиться с Брюноном в замке Руси. Последний, в свою очередь, уговорил его вернуться его обратно в партию летинов. Герберт немедленно отправился в Санлис, жили короли Гуго и Роберт. Они простили его и приняли свое расположение. Герберт тогда написал своему спасителю Брюнону послание, приглашая его

Брюнон был отпущен на свободу только после конца июня, когда его служители отправились в Рим.

от королевского имени, не откладывая, приехать Санлис «для спасения государства и освобождения всех благонамеренных людей».

В это же время он пишет Экберту с просьбой вернуть его дружбу и простить за совершенные ошибки: «Теперь я нахожусь при королевском дворе, вместе со служителями Господа. Я не захотел быть далее помилости Карла и Арнульфа орудием дьявола, защищая своим красноречием ложь против истины. Итак, прошу вас удостоить меня вашего прежнего расположения, т. к. из уважения к вам я открыл перед мою совесть дабы вы от меня узнали, что следует думать о изменнической сдаче Реймса» (82, № 172). Также он написал сердечное послание Адальберону Верденскому: «Я чувствую, что вы очень довольны тем, что покинул круг людей порочных и что я возвращен лоно церкви» (82, № 173).

Герберт снова занял место секретаря Гуго Капета. Именно от имени Гуго он написал одному знатному лицу Лотарингии или Германии, родственнику короля два весьма непонятных письма и полных намеков делах, смысл которых от нас ускользает. Все, что там можно понять, это то, что Гуго и сеньор, которому обращено послание (вероятно, Оттону III) находились в серьезной ссоре, разжигаемой людьми заинтересованными в этом раздоре. Состояние Французского королевства было настолько тревожным, что Гуго не мог ни отправить послания (перехватываемые Карлом?), ни отправиться на встречу с другим королем. Гуго просил сеньора, с которым вел переписку успокоить государство и завязать между ним и сеньором (Оттоном III) взаимно уважительные и дружеские отношения.

Ротхард, епископ Камбре, викарный епископ Реймской церкви, не наложил интердикт на епархии Реймса и Лана, так как либо он не знал о принятых решениях на соборе в Санлисе, либо вовсе по другой причине.

Тогда епархиальные епископы отправили ему официальное уведомление об этом, написанное Гербертом.

В начале осени вернулись посланники из Рима. Когда Гуго Капет узнал о печальных результатах их миссии, взбешенный, выведенный из себя, он решил привести в исполнение угрозы, которые высказал в конце своего письма Иоанну XV, и, наконец, взялся за оружие в борьбе против своего соперника.

До этого времени Герберт еще не совсем порвал с Арнульфом, но теперь написал ему письмо, прекращающее отношения: «Долго и много размышляя о несчастном положении нашего города Реймса, не находил никакого такого выхода из всех этих бедствий, который бы не сопровождался бы избиением людей благонамеренных. Наконец, я принял решение, которое может избавить меня лично из настоящего затруднительного положения и вместе с тем послужить на будущее время примером друзьям. Я переселяюсь и переменяю свое подданство. Освободившись таким образом от подчинения вам, я оставляю жалованные вами мне бенефиции⁶ вам и зависти моих недоброжелателей, чтобы не находиться в трудном положении человека, который, с одной стороны, обязан верностью вам, с другой — связан по отношению к вашему дяде некоторого рода дружбой, о которой не хочу распространяться. Ведь при настоящих условиях, клятва, данная одной стороне, не обязывает ничем по отношению к другой. И в самом деле, если я, например, хотел бы вашего спасения, то каким образом я мог бы быть полезным вашему дяде? Опять-таки, если бы я стал полезным вашему дяде, то каким образом я мог бы заботиться о вашем спасении? Отъезжая к другим, я тем самым разрешаю эту дилемму таким образом, что ни по отношению к вам, ни по отношению к вашему дяде не буду обязан ничем, кроме безвозмездного доброжелательства. Если вы согласны принять это доброжелательное отношение, то сохраните

мне и моим близким дома, которые я построил собственным трудом и с большими издержками, вместе с утварью. Прошу вас точно так же не причинять никакого ущерба церквям, которыми я владею, согласно обычаю этой епархии, по торжественным и законным дарственным записям. Об остальном я не стану особенно просить. Этим самым вы благородным образом расположите меня быть готовым к вашим услугам, хотя я и буду свободен, как был когда-то. Если же вы нарушите эти условия, то я уже не буду сомневаться в том, что, как в том многие уверяют, вы уже тогда клятвенно обещали все мое имущество моим недругам, когда из расположения к вам я еще энергично действовал в вашу пользу. Я уже, разумеется, не буду в состоянии забыть прошедшее зло, когда мне о нем будут напоминать верные признаки в настоящем» (82, № 178).

Собрав шеститысячную армию, Гуго Капет привел свои угрозы в исполнение. Он напал на области Лана, Вермандуа, Суассона и Реймса, который Карл сделал своими владениями, и решил сломить своего противника голодом. С невероятной жестокостью он грабил, жег, опустошал эту несчастную область, не щадя хижин даже выжившей из ума старухи. Эта жажда разрушений улеглась, лишь когда он получил известие, что Карл вышел из Лана и двигается ему навстречу. Благодаря помощи, вероятно, предоставленной Карлом его сторонником, графом Гербертом, и его племянником Арнульфом, который привел рыцарей и войско реймского архиепископства, удалось собрать четыреста человек. Армия Гуго превосходила численностью. Король, опасаясь также быть «стесненным слишком большим количеством народу и обремененным своими собственными силами», поделил войско на три части. Он собирался сражаться во главе первого корпуса, второй являлся резервным, третьему было поручено захват добычи и, конечно, охрана обоза.

Это был превосходный боевой распорядок. Гуго обнаружил лучшие тактические способности, чем его потомки, Филипп VI и Иоанн II в битвах при Креси и Пуатье⁷. Хотя, справедливости ради нужно отметить, что в мужестве он им сильно уступал. В самом деле, когда уже был подан сигнал к началу сражения и Карл, заняв оборонительные позиции и призвав Господа защитить его маленькое войско, приготовился к бою, Гуго вдруг остановился в нерешительности, а после, посоветовавшись со своими вассалами, принял решение отступить. У Карла не было достаточно сил, чтобы преследовать соперника, но ему уже было достаточно того, что он сумел внушить такой страх противнику. Вернувшись, он вместе с Арнульфом заперся в Лане.

Объясняя странное поведение Гуго Капета, Рихер утверждает, будто он испытывал угрызения совести, «что он отдает себе отчет, что поступил незаконно, отобрав у Карла трон его отцов, присвоив себе королевство». Вполне возможно, с этой точки зрения действия Капетинга еще можно уважать. Однако его малодушие перед Карлом печально контрастирует с его безжалостным поведением в отношении незащищенных крестьян ланской области⁸.

Совладав со своим смятением, на третий день Гуго отдает приказ осадить противника в Лане. Эд Шартрский, будучи расположенным к Карлу, придерживаясь нейтралитета, не принимал доселе участия в военных действиях. Но, узнав о замыслах короля, он увидел отличную возможность осуществить давно не дававший ему покоя план: ему безумно хотелось владеть замком Дре, который являлся частью королевских владений. Тогда граф прибыл к Гуго Капету, объяснил ему все трудности взятия Лана, обрисовал неприступное положение города, невозможность использовать при этой осаде военные машины, упадок и численную слабость его армии. Король, глубоко опечаленный

откровенным разговором, все же попросил у него помощи и пообещал отблагодарить за услуги. Именно этого и ждал граф Шартрский. Он знал, чтобы одержать победу, Гуго нуждается в его войсках, и собирался заставить очень дорого заплатить за свою поддержку. Получилось, что графы Шартрские стали играть по отношению к первым Капетингам ту же роль, какую предки последних сыграли в судьбе династии Каролингов*.

Эд обещал помочь королю захватить Лан при условии, если тот уступит ему владение Дрё. Гуго, страстно мечтавший отомстить Карлу, согласился на это дерзкое условие, не получив впоследствии от него никакой пользы. Эд не торопился приступать к осаде Лана, его основной заботой было отправиться в Дрё, принять там присягу от своих новых вассалов и разместить в городе гарнизон. Когда, наконец, он собрался выполнить свои обязательства перед королем, оказалось уже слишком поздно. Представился более надежный способ овладеть Ланом.

Асцелин еще три года назад затаил глубокую обиду на дурное обращение с ним Карла. Замысел, который лелеял Карл, при содействии Герберта отобрать у него епископство и назначить ему заместителя, мог только подогреть злобу Асцелина. Давно вынашивая планы мести, он остановился на следующем, который показал насколько свойственны были этому человеку настойчивость и удивительная способность, даже для той эпохи, привычной к обману и предательству, притворяться и лицемерить. Он сделал вид, что хочет помириться с Карлом, чтобы добиться доступа в Лан. Если бы это предложение было адресовано непосредственно герцогу Лотарингскому, то шансов на успех

* Чтобы дополнить сравнение, Эд призвал в 995 г. германцев во Францию и даже намеревался добиться от Оттона III титула герцога франков.

было бы очень мало. Поэтому Асцелин, с коварством и чрезвычайной ловкостью, решил использовать для этой цели Арнульфа Реймского. Молодость, легкомыслие, неразумность Реймского архиепископа весьма устраивали ловкого интригана. Архиепископ благосклонно воспринял предложения Асцелина и легко согласился на встречу. Его сразу же пленили дружеское поведение Асцелина, который уверял, что они оба находятся в сходном положении: сам он потерял расположение Карла, а Арнульф благосклонность Гуго Капета. Какая была бы великолепная перспектива благополучия и власти для них обоих, если бы они могли одновременно опираться на двух князей! Если Арнульфу удастся убедить Карла вернуть Асцелину епископство, то он, со своей стороны, использует свое влияние, чтобы примирить архиепископа Реймса с королем.

Арнульф легко попался в западню, дав обмануть себя более ловкому собрату. Конечно, Арнульф был искусный лицемер, но он не мог даже сравниться с Асцелином, с самым коварным человеком той эпохи. Арнульф, даровав поцелуй мира своему новоиспеченному другу, вернулся в Лан, где ему удалось уговорить своего дядю простить епископа. Асцелин же вернулся к Гуго и изложил ему свой план; «сеньоры поздравили его и выразили надежду вернуть город назад». Тогда Гуго Капет отказался от своих военных действий и стал ждать, чтобы предательство не принесло ему то, чего он никогда бы не смог добиться своими силами и храбростью.

Карл назначил Асцелину встречу и принял его с почетом. Епископ обнадежил его, что скоро тот одолеет своего противника, и они расстались, принеся друг другу клятву о союзничестве. Асцелин привез Арнульфа к королевскому двору. Гуго не погнушался принять участие в этой позорной комедии. Он обнял Арнульфа и отказался даже выслушать его извинения.

Он сделал вид, будто верит, что Карл прибег к насилию по отношению к нему. Все то, что он просил у архиепископа, это побудить его дядю признать королевскую власть, при условии, что тот сохранит за собой все, что захватил. Арнульф, крайне удивленный таким приемом, пообещал очень многое (что входило в его привычку). Чтобы окончательно его ошеломить, Гуго щедро оказывал ему почести и всяческие знаки уважения. Например, во время трапезы король посадил Арнульфа по правую руку от себя, а Асцелина по левую руку от королевы. Простившись с Гуго, архиепископ вернулся в Лан к дяде в прекрасном настроении. «С тех пор он стремился примирить короля и Карла и заслужить их благосклонность».

Герцог Лотарингский, больше не колеблясь, вернул Асцелина в Лан. Епископу был оказан пышный прием, его изгнанные слуги были вновь призваны и пользовались безмятежно своими владениями. Однако, из предосторожности, Карл потребовал от Асцелина клятвы верности против всех; не раздумывая епископ поклялся на святынях. Тогда ему удалось обеспечить себе всеобщее доверие и он мог наблюдать за тем, как укрепляется город, осведомляться о делах каждого, не вызывая при этом никаких подозрений. Когда он окончательно изучил привычки Карла и его приближенных, то решился на предательство.

Это произошло в Вербное воскресенье (29 марта 991 г.), Карл, Арнульф и Асцелин пировали в башне Лана; епископ был очень весел. Несколько раз он уже предлагал герцогу связать себя еще более торжественной клятвой, если вдруг его клятва вызывала у него какие-то сомнения. Карл поймал Асцелина на слове. Здесь нужно обязательно привести весьма живой и интересный рассказ Рихера:

«Карл, держа в руках золотую чашу с вином, куда он накрошил хлеб, и после долгого размышления протянул ему ее со словами: «Поскольку сегодня вы,

согласно постановлениям отцов Церкви, освящали по-беги винограда, раздавали народу благословения и предлагали нам святое причастие, пренебрегая клеветниками, которые внушают, что вас нужно остерегаться, с наступлением страстей Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа я протягиваю вам сосуд, приличествующий вашему святейшеству, с вином и накрошенным хлебом. Осушите же этот кубок в знак нерушимой верности мне. Но если в ваше намерение не входит сдержать слово, откажитесь от него из опасения оказаться в ужасной роли Иуды». — Асцелин ответил: «Принимаю кубок и с радостью выпью напиток». — Карл тут же продолжил: «И сохраните верность». — Асцелин выпил и прибавил: «Я сохраню верность, иначе меня постигнет участь Иуды». И произнес перед пирующими еще много подобных клятв.

Наступила ночь, ночь скорби и вероломства. Было решено отправиться на покой и поспать до утра. Асцелин, следуя задуманному плану предательства, в то время пока Карл и Арнульф спали, убрал мечи и оружие от их изголовий и надежно спрятал. Затем он позвал прислужника, который не знал о его коварстве, и послал его как можно скорее найти одного из своих людей, пообещав ему тем временем охранять вход. Когда прислужник ушел, Асцелин встал посреди дверей, держа под одеждой свой меч. Вскоре впустил всех сообщников своего злодеяния.

Карл и Арнульф отдыхали, охваченные глубоким утренним сном. Проснувшись, они увидели столпившихся вокруг них врагов; они вскочили с постели, хватились своего оружия и, не найдя его, спросили, что означает это утреннее вторжение. Асцелин ответил: «Однажды вы отняли у меня этот город и заставили меня бежать из него. Теперь же вы захвачены нами, но вас ожидает худшая судьба, чем меня, поскольку я оставался свободным, тогда как вы оказались в чужой власти». — Карл воскликнул: «Я удив-

лен, о епископ, тем, как ты запомнил вчерашнюю трапезу! Разве тебя не останавливает страх перед Богом? Разве не было за ужином никаких клятв?» Сказав это, он бросился на врага. Вооруженные люди окружили рассвирепевшего герцога, отбросили его на кровать и удерживали там. Тоже было сделано и с Арнульфом. Они оставили их в той же башне, заперли ее на запоры и приставили стражников.

Однако женские и детские крики, стоны и жалобы слуг поднялись к небу и разбудили горожан. Сторонники Карла сразу же бросились бежать: едва они успели скрыться, как Асцелин приказал окружить город с целью захватить всех тех, кого он считал своими врагами. Их искали, но не нашли. Таким образом, двухгодовалый сын Карла, носящий имя отца, был избавлен от плена. Асцелин немедленно отправил послов в Санлис к королю, чтобы сообщить ему, что когда-то потерянный город ныне возвращен, что Карл вместе с женой и детьми находится в плену, Арнульф также находится среди врагов. Теперь же королю необходимо безотлагательно приехать, захватив с собой как можно больше людей, не терять времени на сбор войска, отправить гонцов к соседям, которым доверяет, и чтобы те следовали за ним; приехать королю нужно как можно быстрее, даже с небольшим сопровождением*.

Король взял с собой столько народу, сколько смог найти, и незамедлительно отправился в Лан. По прибытии в город, где он был встречен с королевскими почестями, он осведомился о судьбе своих пленников, взятии города и пленении врагов. На следующий день, созвав горожан, он потребовал от них поклясться в

* Асцелин опасался нападения горожан, которые могли оправиться от испуга. Он осуществил переворот только с помощью своих служителей, которых Карл по слабости своей позволил ему провести в город.

верности. Ведь те, став пленниками Карла, перешли под его владычество. Они пообещали хранить верность и принесли присягу королю. Теперь, когда в городе воцарилось спокойствие, король вместе с пленниками вернулся в Санлис. Затем от призвал своих приближенных и просил у них совета, что делать дальше. Одни полагали, что следует взять вместо Карла, мужа достойного королевского рода, заложниками его сыновей и дочерей, самого же заставить поклясться в верности королю, чтобы он никогда не отстаивал свое право на королевство Францию и чтобы он составил завещание, по которому его сыновья лишаются возможности наследовать престол. После этого, считали они, нужно отпустить Карла. Другие же придерживались мнения, что не следует так быстро отпускать славного мужа столь древнего рода на свободу, но стоит удерживать его во власти короля до того момента, пока не объявятся его сторонники, поскольку, таким образом можно будет узнать их число или кто их предводитель, являются ли они противниками короля франков или же их не нужно принимать во внимание. Если они слабы и малочисленны, то следует оставить Карла в плену; если же их большое число и они могущественны, то следует уступить и отпустить его. Итак, король бросил в темницу Карла с женой, сыном Людовиком и двумя дочерьми, Гербергой и Аделаидой, а также племянником Арнульфом (30 марта 991 г.)» (131, гл. IV, 47-49).

С этого момента участь последних Каролингов доподлинно неизвестна. Карл, видимо, был переведен вместе с женой, детьми и Арнульфом в Орлеанскую тюрьму, принадлежащую Капетингам. Сигиберт де Жамблу полагал, что Карл умер в 991 году, в тот же год, когда его предали, но, кажется, этот летописец, перепутал дату его смерти с датой его пленения. Вероятно, что в январе 992 года он был еще жив. В книге «Искусство датировки» его кончина попадает

на 21 мая того же года, но дата года не базируется на сколько-нибудь достоверных фактах, и дата месяца неправильна; в самом деле, Эрнст, у которого находился список умерших в Льеже, сообщает нам, что его поминовение обозначено там 22 июня в следующих словах «X. kl. Julii commemoratio ducis» («Поминовение герцогу в десятых календах июля»). Вероятно, Карл умер в 995 г.

В 1666 г. один льежский антиквар нашел в склепе Сен-Серве в Маастрихте запечатанный саркофаг, на котором была высечена буквами XI века следующая надпись: «Граф Карл из именитого рода сыновей Людовика, брат Лотаря, короля Франков. Года Господня 1001». Папebroх сделал из этого вывод, что Карл, отказавшись от своих прав на французскую корону, удалился в Маастрихт и умер там в 1001 г. Это мнение стало общепринятым. Но в конце XVIII века каноник Эрнст обратил внимание, что эта надпись могла попросту обозначать, что тело Карла было перевезено в Маастрихт в 1001 г.

Нужно прибавить, что мы отнюдь не уверены в подлинности этой эпитафии. Все, что мы можем сказать, это то, что вполне вероятно, что Оттон, старший сын Карла и герцог Лотарингский, выпросил после смерти своего отца его останки и похоронил их в Маастрихте. Этот город находился по соседству с его владениями, и мы знаем, что у него были более или менее хорошие отношения с аббатом этой области, он сам умер в Маастрихте.

Оттон являлся старшим сыном Карла, весьма вероятно, что от первого брака; об этом можно догадаться по самому его имени, которое свидетельствует, что родился он до 985 г., поскольку, начиная с этого времени, его отец стал врагом саксонских императоров и соответственно не мог назвать их именем сына. Оттон оставался в Лотарингии, в то время как его отец оспаривал корону у Гуго Капета. Когда Карл

умер, он наследовал ему в герцогстве Нижней Лотарингии. По-видимому, он был верным вассалом своего двоюродного брата, Оттона III. Он сопровождал его в последнем походе в Италию, и, когда император скончался на горе Соракт в январе 1002 г., он был среди тех, кто вез обратно в Германию тело Оттона III. Новый король, Генрих II*, недовольный Теодорихом II, епископом Меца, даровал Оттону в 1002 г. (являвшемуся также его кузеном) владения, принадлежавшие этому епископу в Нижней Лотарингии, среди которых был монастырь Сен-Тронд. Оттон разорил аббатство и попирали его права. Монахи Сен-Тронда воззвали к защите своего святого покровителя. Конечно, они ее получили. Оттон, пренебрегая угрожающим сношением, ниспосланным святым, прибыл в монастырь, чтобы в очередной раз его ограбить, но в момент, когда он проезжал через ворота, то почувствовал сильный удар меж лопатками, у него началась лихорадка. С трудом он добрался до Маастрихта, где и скончался. Сигиберт де Жамблу датой его смерти полагает 1005 год. Это, конечно же, заблуждение. Оттон прожил гораздо дольше. В самом деле, его преемником был Годфрид (сын Годфрида Верденского, противника Лотаря), которого герцогом Нижней Лотарингии назначил император Генрих II, благодаря рекомендации Герарда, епископа Камбре. А Герард был назначен епископом лишь в 1012 г. Таким образом, Годфрид не мог получить герцогство Нижней Лотарингии до 1012 г. Следовательно, и Оттон оставался среди живых вплоть до вышеуказанного времени. Детей он после себя не оставил, а это объясняет, почему его герцогство перешло к другому роду.

* Генрих II Святой был сыном Генриха Баварского, который пытался захватить корону у Оттона в 984–985 гг. Поэтому он происходил от Матильды, жены Генриха I Птицелова. Он приходился Оттону родственником в седьмом колене.

Одна известная легенда гласит, что Людовик и Карл, сыновья Карла Лотарингского, были близнецами и родились в орлеанской тюрьме, откуда и бежали к императору. Это предание имеет не больше оснований, чем слухи об отравлении Лотаря и Людовика V. Людовик и Карл родились не в орлеанской тюрьме и вовсе не являлись близнецами. Когда 30 марта 991 г. их отца предали, Карл достиг только двухлетнего возраста, Людовик же был значительно старше. В 989 г. это должен быть уже взрослый ребенок.

Установлено, что Карла спасли от плена его верные слуги. Более чем вероятно, что заботился о нем его брат Оттон и что умер он раньше него. Людовик оказался в Орлеанской тюрьме вместе со своими родителями. В 995 г. епископ города Лана и Эд I, граф Шартрский замыслили передать Францию Оттону III. Очевидно, у них имелись определенные планы на молодого Людовика, т. к. короли Гуго и Роберт, испугавшись, потребовали у Асцелина не только крепость Лана, но и юного князя, «которого они поручили ему стеречь». Итак, что же произошло начиная с 991 г., когда Людовик был вверен охране Асцелина? Думается, что когда Карл отошел в мир иной, Гуго Капет, прибыв в Орлеан после 992 г., отпустил его жену и дочерей, оставил в Орлеане Арнульфа (это достоверный факт) и отдал Людовика под охрану епископа Лана, в котором был абсолютно уверен (как оказалось, напрасно). Если бы Карл в 995 году был еще жив, вероятнее всего, что Эд Шартрский и Асцелин скорее интриговали бы в его пользу, чем в пользу его сына. Сначала Асцелин отказался вернуть и Людовика, и город Лан. Его предательство было раскрыто в одной беседе с королями. Уступил ли он им потом? Сомнительно. Спустя четыре года, в 999 г., Роберт был вынужден призвать себе на помощь Балдуина, графа Фландрского, чтобы осадить Лан; а в следующем году, Герберт, ставший папой Сильвест-

ром II, вызывал в Рим этого неисправимого предателя. Таким образом, Людовик мог оставаться в руках Асцелина вплоть до 1000 г. С этого времени достоверных сведений о судьбе Людовика, равно как и участи его брата Карла, нет⁹.

Долгое время Людовика считали первым из ландграфов Тюрингских. Думали, что, ускользнув от Гуго Капета и Роберта, он в 1025 г. присоединился к своему родственнику Конраду из Салической династии и получил от него в ленное владение Тюрингию. Затем Людовик Бородатый женился на Цесилии фон Зангерхаузен и положил начало дому ландграфов Тюрингских, который в 1247 г. угас с Генрихом Распоном, соперником Фридриха II.

Эта традиционная версия не столь уж неправдоподобна, как может показаться на первый взгляд. Вначале она могла основываться на самих французских хрониках (Адемара и др.), утверждающих, что сыновья Карла бежали к императорам; затем, на основании подлинной грамоты Конрада Салического (Гоцлар, 27 апреля 1039 г.) видно, что император, по просьбе своей жены Гизели, даровал в вечное пользование *«графу Людовику, своему кузену»*, множество владений в Тюрингии.

Каким образом Людовик мог бы оказаться двоюродным братом Конрада из Салической династии? Безусловно, по линии Гизели, жены императора, которая являлась дочерью Германа II, герцога Швабии, и Герберги. Герберга же была дочерью Матильды и Конрада, короля Бургундии. Известно, что Матильда приходилась сестрой Лотарю и Карлу Лотарингскому, отцу Людовика. Впервые упоминание о том, что Людовик I Тюрингский является не кем иным, как сыном Карла Лотарингского, я нашел в «Анонимной истории ландграфов Тюрингии», которая датируется XV в. С того времени эта династическая схема приобрела большую известность. Среди ее решительных сторон-

ников: Давид Блондель, Барониус, П. Паги и др. Однако с XVII века ее оспаривали Ж.-Ж. Шиффле и Шантеро-Лефевр; у первого было несомненно предвзятое мнение, второй несправедливо усмотрел там вымысел, подобно розыгрышам знаменитого фальсификатора Розьера.

Эта весьма правдоподобная гипотеза не нашла признания у всех немецких ученых. В 1781 г. один исследователь баварского палатината, Георг Кролл, утверждал в диссертации, защищенной в академии Маннгейма, что Людовик Бородатый являлся сыном Конрада, брата Германа II, герцога Швабского и, следовательно, немецким кузеном императрицы Гизели. Но его доказательства не совсем убедительны, и историки нашего времени склонны рассматривать проблему как неразрешимую.

С XVI по XVIII вв. другие гипотезы были направлены на проблему происхождения Людовика I Тюрингского. Их исследования уводят нас слишком далеко и, к тому же, находятся вне области данного предмета исследования, т. к. мы придерживаемся мнения, что этот человек не был сыном Карла Лотарингского. Они изложены и умело поставлены под сомнение в третьем томе «Сборник законов и историй» Генриха-Кристиана Зенкенберга (Francfort, 1735).

Для ознакомления с судьбами двух дочерей Карла Лотарингского можно открыть любую книгу по истории и найти там, что одна из них, Герменгарда, вышла замуж за Альберта I, графа Намюрского, а другая, Герберга, стала женой Ламберта, графа Лувенского. «Истории Франции» отмечают, кроме того, что династия Карла Великого снова оказалась на престоле, благодаря браку Изабель д'Эно, потомку Герменгарды, с Филиппом-Августом. Эта версия сразу же вызывает недоверие. Ни в одном современном источнике нет сведений, что у Карла была дочь по имени Герменгарда; скорее всего, мы имеем дело с попыткой создать

генеалогию, цель которой заключается в том, чтобы связать Капетингов с династией Карла Великого. Этот вид подлога весьма распространен в истории. Известно, что сами Каролинги предпочитали думать, что их род уходит корнями к роду Меровингов*. Однако эта идея ошибочна. Существуют сведения о связи графов Намюрских с Каролингами в генеалогиях, значительно предшествующих по времени возникновения Филиппу-Августу, а именно в родословной святого Арнульфа из Меца, составленной в Меце в 1164 г., и которая сама воспроизводит «Генеалогию графов Булонских», составленную во времена Годфрида Бульонского в промежутке между 1089 и 1100 гг. Нужно прибавить, что в другом источнике (практически современный излагаемым в нем событиям) «Деяния епископов Камбре» упоминается, что в 1012 г. Роберт Юный, граф Намюра, оказал вооруженную поддержку Ламберту, графу Эно и Лувена, в нападении на Бодри, епископа Льежа, при Гугарде, неподалеку от Тирлемона (12 октября). В сражении они захватили его в плен графа Германа, сына Годфрида Верденского, после чего мать графа Роберта вернула ему свободу при условии, что он примирит их с императором Генрихом II, которому они когда-то нанесли оскорбление. Нужно отметить, что в этом документе имя матери Роберта Намюрского не упоминается, но поскольку Ламберт женился на дочери Карла Лотарингского, что засвидетельствовано в источнике, то вполне вероятно, что, если Роберт Намюрский и его мать оказали ему помощь, следовательно, между ними существовали родственные отношения. Графиня Намюрская приходилась невесткой графу Лувенскому. Конечно, это всего лишь гипотеза; существуют три соображения, из-за которых нельзя утверждать с полной

* Уже Гинкмар настаивал, что Людовик Благочестивый происходит от Хлодвига через Арнульфа Мецкого.

уверенностью, что дочь Карла, Герменгарда, вышла замуж за Альберта, графа Намюрского. Во-первых, вторую дочь Карла звали Аделаида, а не Герменгарда. Во-вторых, имя первого графа Намюрского неизвестно, и «Генеалогии» абсолютно необоснованно называют его Альбертом. В-третьих, самые древние генеалогии ошибаются и насчет имени второго графа Намюра, называя его Альбертом, когда на самом деле его имя было Роберт. Это заблуждение было бы не столь неприемлемо, если бы эти «Генеалогии» были составлены на основе действительно подлинных источников. Третье продолжение «Деяния аббатов Сен-Тронда» делает Герменгарду, графиню Намюрскую, дочерью не Карла, а его сына Оттона. Данное утверждение не выдерживает критики. Если у Оттона и была дочь, то у нее не могло бы быть в 1008 г. сына, который бы был в состоянии носить оружие. Самое большее, что могло быть к тому времени, это то, что она достигла брачного возраста.

Брак же Герберги и Ламберта, графа Эно и Лувена, нам кажется вполне реальным. Сначала сведения о нем содержит «Хронография» Сигиберта де Жамблу: «Рено Гатуиду, дочь Гуго, впоследствии короля, а Ламберт Гербергу, дочь герцога Карла, взяли в жены». Сигиберт не прав только в том, что относит происходившие события к 977 г. Это год женитьбы Карла, а не его дочерей. О браке Гатуиды, дочери Гуго Капета, и Ренье, графа Эно, упоминает одна грамота Филиппа I. Рихер ручается, что у Карла была дочь по имени Герберга. «Деяния аббатов Жамблу», составленные тем же Сигибертом, представляют еще более неоспоримые свидетельства, чем «Хронография»: Ламберт, супруг Герберги, мог получить права на графство Нижней Лотарингии в 1012 г., когда скончался Оттон, брат его жены. Известно, что графство тогда перешло к Годфриду II, графу Верденскому. Обманутый в своих ожиданиях, Ламберт объединился

со своим племянником Ренье (сыном Гатуиды и Ренье IV) и пошел войной на Годфрида и его брата Германа. Он был побежден и убит при Флоринах 12 сентября 1015 г. Его вдова Герберга и сын Генрих принесли дары аббатству Жамблу за успокоение души погибшего. Эти дары подтвердил находившийся в Льеже 27 января 1018 г. император Генрих II. У Сигиберта де Жамблу имелись эти хартии, которые он вкратце изложил, а также переписанная им грамота Генриха II. Теперь становится понятно, почему его свидетельству придается столько значения. В третьем продолжении «Деяний аббатов Сен-Тронда» говорится, что Герберга принесла Ламберту, графу Эно, в качестве приданого часть Брабанта, включавшую в себя Брюссель и Лувен. Приобрел ли Ламберт Брюссель и Лувен благодаря своей жене или же эти города достались ему от двоюродного деда Жильбера, герцога Нижней Лотарингии? Это довольно сложно выяснить. Однако следует отметить, что Карлу, отцу Герберги, принадлежал Брюссель, и вполне вероятно, что Лувен, находившийся по соседству, образовывал с этим городом одно графство.

Была ли Герберга старшей дочерью Карла? Вопрос может показаться совсем незначительным. Однако он заинтересовал французских и зарубежных ученых в XVII и XVIII вв. Шиффле в своих «Претензиях Испании» (*Vindiciae Hispanicae*) утверждает, что Герберга являлась потомком испанских королев. И выходило, что в том случае, если она была старшей дочерью Карла, то настоящим наследником французского трона был Филипп IV. Можно представить себе, с каким возмущением Давид Блондель, заклятый враг Шиффле, встретил это дерзкое утверждение, открыто задевавшее его патриотизм. Де Марн также оспаривал старшинство в своей «Истории Намюра» из-за собственного ему местечкового патриотизма; ему хотелось, чтобы старшая дочь Карла Лотарингского была

Герменгардой, вышедшей замуж на графа Намюрского (?). Доказательства, приведенные этими учеными, одно наивнее другого. Вопрос этот неразрешим и, впрочем, не важен для нашего исследования. Известно, когда скончалась Герберга. Похоронили ее в Сен-Гертруд де Нивелл, покровителями которого были ее муж и сын. Нет уверенности, был ли Генрих ее единственным сыном или же она родила еще в Бодри (также названного Ламбертом) и дочь Матильду.

Мы не станем останавливаться на дальнейшей участи архиепископа Арнульфа; для этого пришлось бы погружаться в историю царствования Гуго и Роберта*. И происхождение, и род занятий Арнульфа — все

* Упомянем только, что Гуго остаток жизни и правления провел в нескончаемых распрях с Святым престолом по поводу законности низложения Арнульфа. После смерти Гуго, благодаря просьбам Аббона к Григорию V и королю Роберту, Арнульф был отпущен на свободу в 97 У/он получил от папы паллиум и был восстановлен на Реймской кафедре, откуда Герберт бежал в Италию. Сильвестр II забыл о несправедливостях, причиненных Герберту. Он подтвердил за Арнульфом право осуществлять его епископские обязанности. В 999 г. Арнульф еще раз стал жертвой обмана со стороны Асцелина. После осады Лана королем Робертом и Балдуином Фландрским Асцелин обещал вернуть королю башни этого города. Под этим предлогом он захотел увести с собой епископа Реймского с тайной целью захватить его и бросить в темницу. Но заговор не удался. Сильвестр II в письме, полном возмущения, вызвал в Рим этого «Иуду», ибо ему дали такое прозвище, которое он во всем заслуживал. С этих пор Арнульф оставался верным королю Роберту. На Пасху 9 июня 1017 г. этот сын Лотаря короновал в церкви Сен-Корнель в Компьене Гуго, старшего сына Роберта II. — Арнульф умер 5 марта 1021 г. Если верить его эпитафии, то он был образцом всех христианских добродетелей. Что касается Асцелина, то он оставался могущественным и уважаемым, был связан узами дружбы с королем Робертом и посвятил ему сатирическую поэму. Именно Асцелину посвятил свой труд Дюдон Сен-Квентинский, расточая ему изысканную хвалу.

это мешало ему оказаться на французском престоле. В действительности, 30 марта 991 г. история последних Каролингов завершилась.

Не создается впечатления, что современников слишком тревожила судьба последних потомков Каролингов. Несколько датировок, встречающихся в хартиях, не должны вводить нас в заблуждение. Верховную власть Гуго Капета признали очень быстро, даже в самых отдаленных областях королевства. Когда сопротивление Карла, благодаря предательству Асцелина, было сломлено, и Гуго установил порядок (ничем не отличавшийся от порядка ведения дел в государстве при его предшественниках Каролингах), никто больше о последних и не вспоминал. Начиная с первой трети XI столетия, потомки Каролингов стали так же безразличны людям той эпохи, как могли бы быть безразличны потомки Стюартов англичанам XIX века.

Неужели участь Каролингов была предопределена, и им неизбежно в короткий срок было предназначено исчезнуть, тем самым, уступив место новой династии?

Мы никоим образом не разделяем эту историческую концепцию. Несомненно, было бы глупо отрицать существование неких неизбежно проявляющихся великих процессов. Таково происхождение феодализма¹⁰. Он берет начало в конце Римской империи, незаметно формируется в правление Меровингов, продолжается при Карле Великом и, как огонь, таящийся под слоем пепла, с непреодолимой силой вспыхивает в середине IX века. По той же схеме развивалась централизация и абсолютная монархия во всех европейских странах, начиная с XIV по XVIII вв. Наконец, разве не видят все, кто с радостью, а кто с сожалением, что с тех пор, вот уже двести лет мир движется к демократии? Вот единственные события, по поводу которых можно пускаться в общие рассуждения, которые окрестили

«Философией истории». Но когда речь идет о борьбе столь сомнительной и незначительной для всеобщей истории в целом, как противостояние Каролингов и Робертинов, порочно осуждать первых во имя так называемой исторической и национальной необходимости.

Династия Каролингов пала не от того, что они были слишком слабы, и не потому, что являлись представителями германского рода и духа.

Их личные ресурсы действительно были очень ограничены, но не настолько, чтобы стоило принимать данный факт во внимание. Этот недостаток компенсировался знатным происхождением и личным влиянием Каролингов. К тому же, во второй половине X столетия престиж королевской власти был гораздо весомее, чем в предшествующее столетие. Например, ярый противник Лотаря, архиепископ Адальберон, который пользовался невероятным влиянием и имел серьезные связи, никогда не осмеливался открыто продемонстрировать свою неприязнь к королю. Он старательно ее скрывал и даже вынужден был предоставить Лотарю войска для осады своей же собственной семьи в Вердене. Людовик V был слабым и неспособным человеком, он даже согласился на опеку Гуго Капета. Однако стоило ему выразить свою волю, выступить против Адальберона, как герцог Франции тотчас, несмотря ни на что, повиновался. Но если бы герцог отказал в помощи королю, то Людовик получил бы ее от своих собственных вассалов. Или Карл Лотарингский, оказавшись без денег и почти без друзей, смог в течение трех лет победоносно оказывать сопротивление противнику. Ясно, что если бы ему вдруг удалось одолеть неприятеля, это бы случилось отнюдь не из-за его силового превосходства. Впрочем, как уже говорилось, Гуго Капет был куда менее опасным соперником, чем его отец Гуго Великий и его Роберт.

Говоря о втором упреке Каролингам, то его нужно рассматривать исключительно как химерический. Ни один современный документ не содержит подобного обвинения.

Итак, что же на самом деле привело династию Каролингов к падению?

Ни документы той эпохи, ни документы последующих столетий не дают никаких объяснений на поставленный вопрос. Известно лишь мнение, что роли короля лучше соответствовал могущественный герцог Франции, нежели Карл. Но это утверждение высказывалось сторонниками Гуго, и оно не может достоверно передать общественное мнение той эпохи.

В революции 987 г. поражает, что она не была необходимостью и не отвечала ничьим желаниям, кроме тех, кому она была выгодна. Гуго Капет никогда не помышлял о ниспровержении уже коронованных Каролингов. Часто ссорившись с Лотарем, он открыто поднимал мятеж, пытался подчинить своему влиянию Людовика V, старался усилить свою власть, но ничем не обнаруживал планов захвата короны. Для того чтобы Гуго оказался на троне, потребовалась цепь из чрезвычайных совпадений: внезапная кончина Лотаря в полном расцвете сил, затем неожиданная смерть его наследника, вспыльчивого и неопытного отрока, который не успел оставить после себя потомство и его преемником оказался Карл, мужественный воин, но грубый и ограниченный человек, ставший спустя десять лет почти чужим в своей собственной стране. Понадобилось, однако, чтобы роковой случай выбрал Лотаря, в центре владычества которого оказались два самых жестоких врага его династии, Адальберон Реймский и Асцелин, и чтобы судьба выдернула из монастыря в глубине Аквитании молодого монаха, ставшего Гербертом Орийякским.

По правде говоря, когда думаешь об этом, то удивляешься, что Капетинги заняли престол. Не случись любого из вышеперечисленных обстоятельств, и Гуго Капет никогда бы не был коронован. В самом деле, Гуго достиг королевской власти ни своей отвагой, ни своей ловкостью, ни благодаря воодушевленному движению общественности. Что касается его отваги, то она, исходя из того, что мы знаем, была довольно незначительной. Его ловкость, слишком превознесенную некоторыми учеными (например, М. Сепетом), еще нужно суметь проверить, поскольку вырисовывается лишь образ человека слабого, неуверенного, не осмеливающегося сделать ни одного шага, не посоветовавшись, осторожность которого перерастает в малодушие. Наконец, какие идеи и принципы мог представить Гуго Капет? Абсолютно никаких. Его сторонники сами не предполагали, что он может царствовать как-то иначе, нежели его предшественники. Не было создано новой концепции королевства. Но тогда к чему все эти перемены? Все попросту сводилось к вопросу личностей и обстоятельств. Адельберону, как уже отмечалось, был нужен покровитель, который бы находился в хороших отношениях с Германией. Карл был беден и находился в удалении, Гуго же был богат и щедр на обещания, что и склонило сеньоров в пользу герцога. Такова жалкая правда причин выбора 1 июня 987 г.

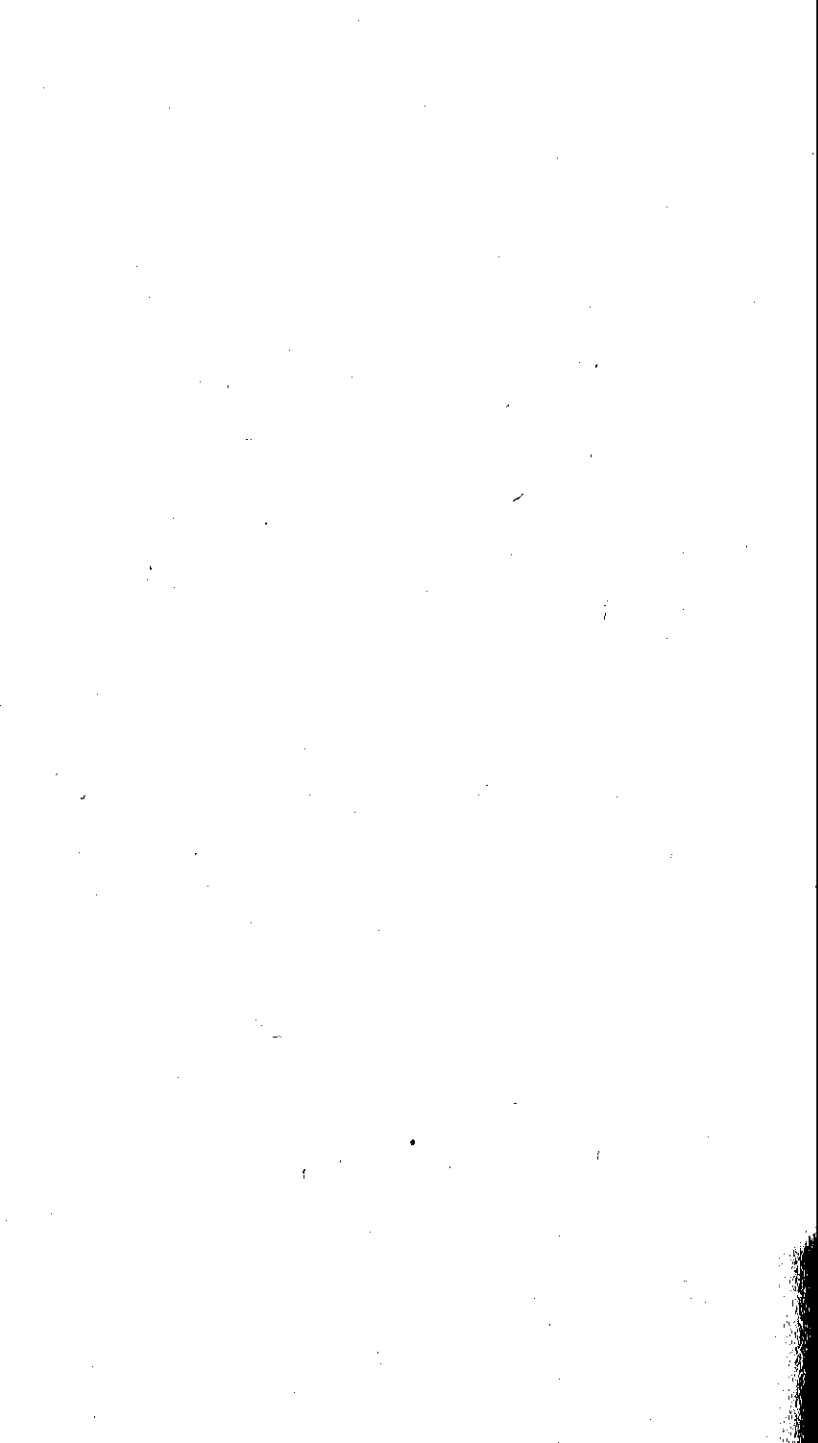
Но если обстоятельства в гораздо большей степени, чем слабость каролингской династии или мудрость Гуго, и привели к краху последних Каролингов, то нужно признать, что политика наследников Карла Великого в отношении к Германии сильно способствовала случившемуся несчастью. Их неприязнь к императорам стала для них роковой, лишив их драгоценной поддержки в борьбе с неповиновением герцогов Франции. Представим на секунду, что Лотарь, Людовик и Карл были бы друзьями империи; тогда бы

ловкая дипломатия Адальберона и Герберта была бы всецело на их стороне, и положение Каролингов было бы неуязвимым. Конечно, попытки последних Каролингов вновь захватить Лотарингию стала основной причиной утраты ими короны. Но кто осмелиться упрекнуть их за это? Потомкам Каролингов всегда было непривычно видеть колыбель их династии под владычеством саксонца. Несмотря на свою слабость, они никогда не смирялись с этим до конца. В этом заключалась их честь и беда одновременно. Однако основная причина падения Каролингов заключалась в загадочном и всемогущем элементе в истории, — то, что одни называют Провидением, а другие, просто случайностью.

Каролинги не были чрезвычайно могущественными, но они вполне могли бы еще долго царствовать. Падение их было неожиданностью, к которой никто не был готов, даже Робертины. Впрочем, если бы их владычество продолжилось, оно бы только продолжило это состояние более или менее скрытой вражды, которая поделила королевство на две партии, королевскую партию и партию герцога франков, и рано или поздно парализовала бы оба лагеря. Поэтому приход к власти Капетингов, пусть и несколько бесславный, нельзя назвать несчастьем. Было необходимо, чтобы одна из партий исчезла. Стремительная и окончательная победа Гуго позволила избежать впоследствии кровавых распрей. Налицо реальный результат восшествия на престол новой династии, единственный, заслуживающий нашего внимания. Если рассматривать его с сочувствием, то не в силу необъяснимой и неоправданной симпатии к одной из двух династий (династический или расовый вопрос — грустное пристрастие), а только из-за того, что это уменьшило количество войн и меньше пролилось крови. Впрочем, по нашему мнению, этот результат в той же мере мог бы быть

достигнут и с победой Каролингов. Требовалось, чтобы одна из двух партий была уничтожена, но, по правде говоря, мы не видим, чем исчезновение Каролингов было лучше исчезновения Робертинов.

ПРИЛОЖЕНИЯ



ПРИЛОЖЕНИЕ I

ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ НА ПРЕДМЕТ СМЕНЫ ДИНАСТИЙ И ИЗБРАНИЯ ГУГО КАПЕТА

Переворот, в результате которого были окончательно свергнуты потомки Карла Великого и на престол взошли потомки Роберта Сильного, представляет собой одно из тех событий в истории Франции, которые стали предметом самых жарких споров и часто ошибочных толкований.

Сразу же отметим, что для истории конца X века из подлинно современных свидетельств того времени мы располагаем лишь письмами Герберта Орильякского и хроникой Рихера Реймского. Однако, если Герберт и сыграл немаловажную роль в интригах, предшествовавших избранию Гуго Капета, то он не оставил связного повествования. Из его переписки всего лишь явствует, что он был полностью предан Гуго и его сыну Роберту. По правде сказать, в какой-то момент Герберт засомневался в законности королевской власти Капетингов. В августе 989 г., спустя некоторое время после того как Карл Лотарингский завладел Реймсом, Герберт написал Асцелину, епископу Лана, послание, в котором называл Гуго и Роберта захватчиками: «Единокровный брат божественного и августейшего Лотаря, наследник престола, из королевства изгнан. Его преемники, по мнению многих, избраны королями на время. По какому же праву законный наследник лишен своего наследства?» Таким образом, по свидетельству самого Герберта, множество людей расценивало царствование Капетингов лишь как временное. Известно, что колебания Герберта были

непродолжительными, и в 990 г. он снова примкнул к партии Гуго Капета.

Что же касается Рихера, ученика Герберта и верного почитателя Реймского архиепископа Адальберона, то он сразу же принял сторону новой династии и называл Карла «тираном».

Дудон из Сен-Антина, несомненно, являлся очевидцем событий, поскольку он рассказывает, как Альберт де Вермандуа, испугавшись угроз Гуго Капета, которого он отказался признать королем, отправил его с поручением к Ричарду Нормандскому. Не сообщая никаких подробностей о коронации Гуго Капета, также Дудон ни слова не говорит о Карле Лотарингском и даже не упоминает о правлении Людовика V. На самом деле, сочинение каноника из Сен-Квентина было составлено исключительно в интересах нормандских герцогов спустя примерно тридцать лет после падения каролингской династии.

Все анналы сообщают одной фразой о возведении на трон Гуго Капета, не давая ни положительной, ни отрицательной оценки этому событию. Эймон из Флери, во второй книге «Чудес святого Бенедикта», написанной им спустя какое-то время после 1004 г., кажется, благоприятно настроен в отношении к Гуго Капету, который, как он говорит, «некогда умело правил герцогством Франции».

Зато анонимный автор «Санской истории франков», написанной после 1015 г., называет Капета «мятежником». Ведь Сегуин, епископ города Санса, где была составлена эта хроника, являлся врагом Гуго Капета. Это и объясняет враждебность такого суждения. Также «узурпатором» Гуго назван в «Хронографии» Сигиберта де Жамблу, который, по-видимому, попросту скопировал современные ему анналы. В труде лиможского хрониста Адемара Шабаннского присутствует некоторое несоответствие. Он пишет: «Королество же после него (Людовика V) захотел получить его дядя Карл, но не сумел, ибо Господь решением своим избрал лучшего: франки, посоветовавшись, его отстранив, герцога Гуго, сына Гуго, королем избрали». А ниже прибавляет несколько строк: «Вильгельм же, герцог Аквитании, не одоблив подлость франков, отказался подчиниться Гуго».

Похоже, что автор использовал два разных источника, даже не озаботившись тем, чтобы сгладить противоречия.

Когда же династия Капетингов закрепилась на троне, доказав свою стабильность и постоянство, естественно, что более никто не осмеливался оспаривать ее законность.

Рауль Глабер и Одоран, творившие в середине XI столетия, даже не уделяют внимания борьбе Гуго с его соперником. Рауль Глабер всего лишь пишет, что Гуго усмирил бунтовщиков, не уточняя, кем были эти «мятежники». Еще лучше сделал Одоран, выдумав, что Людовик V на смертном одре передал права на свое королевство Гуго Капету. Куда более необычный рассказ содержится в «Хронике Сен-Обен д'Анжер», в котором утверждается, что Лотарь даровал свое королевство и вместе с рукой своей дочери Констанции Роберту Благочестивому.

Гильом Годель, монах Сен-Марсьяль в Лиможе, живший во второй половине XII века, полагал, что Гуго достиг трона, победив Карла Лотарингского и Людовика V. Кроме того, он утверждал, что Гуго никогда не надевал корону. Данная легенда, мне кажется, изначально является попыткой истолковать прозвище «Капет» (т. е., *sarratus, charrez* — тот, кто носит шапку).

В первой половине XI столетия церковь создает благочестивую легенду о приходе Капетингов к власти. Гуго Капет всегда был приверженцем церкви. В 980 г. он реформировал аббатства Сен-Валери на Сомме и Сен-Рикье, а 1 апреля 981 г. получил от папы Бенедикта VII буллу, которая ставила аббатство Сен-Валери-сюр-Сомм под непосредственную власть Святому престолу. Эти реформы предшествовали перенесению в оба монастыря мощей святого Валерия и святого Рихария, которые были похищены графом Фландрским, Арнульфом Великим и, в свою очередь, отняты Гуго у Арнульфа II. Обрадованные монахи Вимё и Понтё пожелали, чтобы эту церемонию, проводившуюся 2 и 3 июня 980 г., сопровождали чудеса. Когда граф Бушар и виконт Орланд переходили Сомму вброд, неся на своих плечах раку с мощами святого Валерия, поднявшаяся и грозившая их поглотить пучина остановилась перед телом святого. Но на этом их признательность Гуго Капету себя не исчерпала. Те же монахи придумали, что Гуго Капет

организовал перенос мощей по указанию самого святого Валерия. Святой якобы явился ночью герцогу Франции и повелел ему перевезти свое тело и тело святого Рихария на прежнее место. В награду он посулил ему корону и предсказал, что его потомки процарствуют семь поколений.

Эта легенда имела большой успех. Она в некоторой степени снимала обвинения в узурпации с династии Капетингов, ей пророчили долгое будущее и выставляли ее основателя в самом благоприятном свете. На это предсказание ссылаются в «Хронике Сен-Дени» и хронике Гильома де Наньи, чтобы подтвердить, что коронация Гуго Капета была вполне законной. Впрочем, начиная с XIII века, французские хронисты успокоили свою совесть, заметив, что династия Карла Великого вновь оказалась на престоле благодаря браку Изабеллы Фландрской и Филиппа Августа. Ведь Изабелла являлась дочерью Балдуина, графа Эно, который считал, что его род происходит от дочери Карла Лотарингского. В XIV веке Жан д'Ипр заинтересовался приходом Капетингов к власти. Он начал с того, что отверг версию, согласно которой Капетинги происходили от одного парижского мясника (известно, что эту легенду поведал Данте). Он знал о предсказании святого Валерия, но все равно порицал Гуго Капета, который, по примеру своих предков, взбунтовался против своего короля, несмотря на анафему, издавна грозившую тем, кто посягал на трон, принадлежащий потомкам Пипина.

Начиная с нового времени, представления об избрании Гуго Капета изменились. Даже благоприятно настроенные авторы перестали опираться на предсказание святого Валерия и принялись искать другие аргументы.

В XVI столетии мы видим только двух авторов, неприязненно настроенных к Гуго Капету — это Робер Гаген и Хотман. Первый прямо называет Гуго Капета узурпатором и заявляет, что тот сумел заполучить королевство лишь благодаря предательству. Хотман, утверждавший, что во Франции всегда существовал Большой совет, который мог выбирать и низлагать королей, заявляет, что Гуго Капет, чтобы расположить к себе знать, установил право на наследование фьефов. Хотман серьезно заявляет, что это было посягательство на прерогативы Большого совета, ко-

торый, разумеется, существовал только в его воображении. Однако историков, настроенных положительно по отношению к капетингской династии, было гораздо больше.

В это время начинают приписывать падение Каролингов патристическим причинам и оскорбленному национальному чувству, которое обернулось против этой германской династии. Спустя три столетия Огюстен Тьерри вновь вернулся к этому тезису, развив его.

Жиран дю Айян, возможно, был первым, кто его поддержал. Он писал: «Французы питали страшную ненависть к Карлу из-за того, что он всегда находился в партии германцев, заклятых врагов французов, а также потому, что он был скверным государем для своих подданных».

Папир Массон и Николя Винье выражали те же мысли, почти в то же время и почти теми же словами.

Франсуа Бельфорс пошел дальше. Он видел в приходе к власти Гуго Капета конец правления «германцев» и возвращение «галлов». Эти суждения в XVII веке были приняты Сципьоном Дюплексом, а особенно Мезереом, который писал: «Войны, которые долгое время распаляли смелость французских кельтов в отношении германцев, сделали для них ненавистным этот народ и всех тех, кто поддерживал их интересы. Вот почему Карл, все время искавший почестей в Германии, даже поднявший оружие против своей родины и с помощью интриг германцев на какой-то момент провозгласивший себя королем в ущерб своему брату Лотарию, тем самым навлек на себя гнев французов, опасавшихся стать вассалами германцев».

К середине XVII века споры оживились и приняли черты национальной вражды. Жак Шиффле, писатель на жаловании у испанцев, взялся доказать, что Филипп IV происходит от Хлодвиги и Карла Великого через королей Италии, графов Бургундских и королей Испании. Шиффле начал с того, что обнаружил (совершенно обоснованно), что Гуго Капет не имеет никакого отношения к потомкам Карла Великого, к коим его причисляла добрая часть французских ученых. Соответственно, он считал, что Гуго заполучил престол незаконно, «коварством и хитростью». Шиффле дошел до того, что обвинил его в злодейском истреблении династии Карла Великого.

Не стоит и говорить, подобные утверждения Шиффле вызывали бурный гнев у французских историков, гнев которых вызван не только вопросами науки, но и национальными интересами.

В то время самые ничтожные генеалогические вопросы имели колоссальное значение. Государи позволяли себе на этой основе объявить войну и узаконить в своих глазах ограбление побежденных. Ришелье и Людовик XIV не упустили случая финансировать услужливых ученых, чтобы те занимались поиском «королевских прав».

Таким образом объясняется волнение, порожденное научными рассуждениями Шиффле. Два французских ученых тотчас взялись ответить на это двумя трудами, которые они, естественно, посвятили Людовику XIV.

Давид Блондель постарался детально оспорить все тезисы Шиффле в отношении королей Испании и, в свою очередь, раскритиковал созданные тем генеалогии. Доминиси был больше озабочен тем, чтобы придать легитимность капетингской династии, связав ее с Каролингами. Обладая живым воображением, он набрал до четырнадцати доказательств, которые я кратко перечислю в качестве достопримечательности. Капетинги восходят к потомкам Карла Великого:

1. Через Аделаиду, дочь Людовика Благочестивого, жену Роберта Сильного.

2. Через Беатрису де Вермандуа, супругу Роберта I.

3. Через Аделаиду де Пуату, супругу Гуго Капета.

4. Через Изабеллу д'Эно, жену Филиппа-Августа.

5. Через Жанну Наварскую, жену Филиппа Красивого, являющуюся потомком Берты, дочери Матильды, королевы Бургундии и сестры короля Лотаря.

6-7. Через Беатрису Бургундскую, жену Роберта, графа Клермонского.

8-9. Через Аделаиду де Морьенн, жену Людовика Толстого, и Анну де Клермон, жену Людовика II, герцога Бурбонского.

10-11-12. Через Констанцию Арльскую, супругу Роберта II, и повторно через Беатрису Бургундскую.

13-14. Наконец, через Бланку Кастильскую.

Эти превосходные доказательства были подкреплены победами Тюренна и Конде. Войска Людовика XIV засвиде-

тельствовали Испании и Империи прочность прав Капетингов на французский престол.

Историки XVIII столетия лишь повторяют историков XVII и XVI веков. Отметим, между прочим, соображения П. Даниэля в отношении Гуго Капета, бывшие одними из забавных нелепостей: «Он (Гуго Капет), как и Пипин, был очень сдержан, мягок и приветлив, эти качества снискали ему любовь не только французов, но и короля Лотаря. Поэтому, как он теснил Карла, своего соперника, пока он боролся за корону, и по всему его правлению, видно, что он был и великим полководцем и великим политиком».

Суждения, сформулированные Монтескье, не походят на те, что можно ожидать от столь великого ума. Он заявляет, что Гуго Капету передали корону, поскольку он был единственным в состоянии защитить страну от набегов норманнов. Монтескье видел в капетингском господстве «большой фьеф» — абсолютно неверное представление, однако снискавшее успех.

Буленвилье всеми силами оспаривал мысль, «что это по милости данного государя (Гуго Капета) сеньоры получили в собственность свои земли и право передачи этого владения». Поверхностная теория объясняла рождение феодализма так называемым отказом Гуго Капета от королевской прерогативы в пользу сеньоров, чтобы с их помощью заполучить корону. Кроме того, тот же Буленвилье утверждает, что избрание Гуго было осуществлено с применением силы; он основывается на письме Герберта, откуда явствует, что Гуго разогнал находившуюся в Компьене ассамблею. Но это письмо, в действительности, датируется 985 г., а не 987 г. Потому упрек Буленвилье надуман. Если не придирается к деталям, суждения Мабли гораздо толковее: он доказывает, что ошибочно полагать, будто Карл был удален от трона из-за того, что был вассалом императора Оттона II; он совершенно отрицает, что Гуго был избран национальной ассамблеей. По его мнению, Гуго избрали королем всего лишь его родственники, вассалы и сторонники. Королевская власть тогда мало значила, и он не встретил большого сопротивления. Мабли к тому же утверждает, что приход к власти Гуго Капета, хоть и незаконным образом, явился отрадным событием, поскольку на этом прекратились распри.

Вольтер в своем «Эссе о нравах» высказывает мнение, что сила и хитрость были единственным правом Гуго Капета на трон.

Любопытно, что коронация Наполеона I возродила дискуссии в начале XIX века. Девизм, член Законодательного собрания, выпустил памфлет, в котором уверял, что коронация Наполеона I была законнее, чем коронация Гуго Капета. «Основание 4-й династии не имеет ничего общего с воцарением 3-й династии». Эта династия является захватнической, ибо неверно полагать, что «потомство Карла Великого было лишено короны декретами представителей народа (!)». Девизм, естественно, оценивает пристрастно Гуго Капета; он подозревал его в отравлении Людовика V. Но зато автор создал обворожительный портрет его соперника, Карла Лотарингского. «Он обладал безупречными нравами, прямым и благородным характером, чувствительной и благодарной душой, и т. д.» Несмотря на всевозможные оплошности, этот автор тем не менее не считает, что если Карл был устранен от престола, то никак не из соображений патриотизма.

Схожее мнение можно найти у Сисмонди: «Карл, принявший лен от Оттона и поклявшийся ему в верности, не отказался от своих прав, не оскорбил чувств французского народа и не нарушал никаких обычаев феодального времени». Сисмонди не питал никаких иллюзий в отношении достоинств Гуго Капета: «Гуго Капет, оказавшись на троне, стал, таким образом, лишь дополнением феодального переворота; у него не было таланта, который бы мог его направлять; сам лично он сделал мало; но, полностью лишенный способностей и благородства, этот основатель новой династии подходит лучше к зарождающемуся строю, чем прежняя династия королей».

В то самое время, когда Сисмонди писал эти строки (1820 г.), Огюст Тьерри продолжал развивать идеи Айяна и Бельфорса, посвященные низвержению второй династии. Известно, что этому блестящему историку Каролинги представлялись потомками германских завоевателей, а Капетинги — представителями национального мнения. Избрание Гуго Капета «произошло вопреки устоявшимся правилам; это был воодушевленный бросок, и Гуго Капет стал

королем франков, потому что обладал огромной популярностью. Хотя происходил он из германского рода, отсутствие любой родственной связи с имперской династией, сама неясность его происхождения, четкий след которого более так и не был обнаружен спустя три поколения, превратили его в представителя коренного населения, которое постепенно воспряло после распада империи. Все это не имеет четкого освящения в современной истории, а это не должно быть неожиданностью. Народные массы, когда они в движении, не отдают себе отчета в том, что ими движет импульс. Массы двигаются инстинктивно и стремятся к цели, не стремясь к определенности. Если рассматривать их поверхностно, можно подумать, что они вслепую следуют личным интересам какого-нибудь вождя, одно имя которого шумит в истории. Но даже частное имя важно, так как оно служит лозунгом для толпы, которая, произнося его, знает, что хочет сказать, но не может выразить свои мысли точнее». Нет, ни слова в этом отрывке, которое не являлось бы заблуждением и не обнаруживало обманчивых представлений, более своеобразных, в отношении социальной структуры X века. Огюст Тьерри, как обычно, свой вымысел помещает на место подлинных текстов. Он основывает свои суждения только на свидетельствах Рауля Глабера, Гуго Флери и Жана д'Ипра, истолковывая их по-своему. И самое главное то, что он полагает, будто эти летописцы являлись современными свидетелями происходивших в 987 г. событий. Теория Огюста Тьерри была поверхностной и ошибочной. Однако у нее были все шансы стать популярной. Да и сегодня она все еще пользуется успехом, который не скоро пройдет.

Генрих Мартен и Мишле принимают ее на веру, поскольку используют большую часть идей Огюста Тьерри. Видимо, сам Гизо находится под его влиянием и не демонстрирует свойственной ему трезвости взглядов, высказывая следующие соображения: «Правление потомков Карла Великого вызвало подозрение у старых служителей короны, герцогов, графов и т. д., так как власть, которую они узурпировали, те могли у них потребовать обратно. Своим природой, правами, привычками, своими воспоминаниями,

королевская власть Каролингов была, таким образом, неприемлема для нового феодального режима.

Удивляет легкость, с которой Гуго Капет завладевает короной. Но, в сущности, королевский титул не давал ему никакой реальной власти, которая могло бы встревожить равных ему по положению людей: корона, перейдя на его голову, перестала быть для них враждебной и подозрительной. Гуго Капет не имел ни воспоминаний, ни прошлого — это был выскочка, соответствующий требованиям обновленного общества. В этом была его сила, благодаря которой его позиция стала гораздо более устойчивой, чем позиция устраненной им династии».

Идеи Гизо принял на вооружение Пардессю. В общем же, эти два писателя лишь возвратились в иной форме к теории «большого фьефа» Монтескье. До Люшера его уже опровергнул в одном из лучших отрывков своей «Истории Права» Лаферрьер, сегодня уже устаревшей.

Мурен и Хенебер, авторы более чем посредственных работ, посвященных графам Парижа, вновь вернулись к тезисам Огюста Тьерри. Мы не будем тратить время, чтобы их процитировать и обсудить, т. к. это напрасный труд. Мы предпочтем отослать читателя к превосходной критике, сделанной Г. Монодом. Идеи Огюста Тьерри еще оставляют свой след в столь замечательном произведении М. Фримана «Норманнское завоевание». М. Фриман всегда видел в последних Каролингах представителей тевтонских корней и языка, тогда как Капетинги для него олицетворяют романский элемент. Он противопоставляет романский город Париж тевтонскому поселению Лану. Другой английский историк, Пальграв, допускает нелепое сравнение Революции 1789 года и прихода к власти Гуго Капета, восьмьсот лет ранее. «Город Революции, — говорит он, — в самом деле, начал свою историю с первой французской Революции».

К счастью, эти ошибочные теории господствовали единолично не более полувека. С 1838 года Варен в превосходной докторской диссертации уважительно, но решительно оспаривает выводы Огюста Тьерри. Одно за другим он разобрал его утверждения, оспаривая их со значительной долей критики и эрудицией, не оставив камня на камне. Он не только доказывает, что «Каролинги не были воспи-

таны в Германии», но еще он настойчиво опровергает представления, приписывающие значительную роль расовым вопросам в исторических событиях. В этом вопросе Варен опередил более чем на пятьдесят лет французских и английских ученых. Поэтому он не получил признания. Спустя двадцать пять лет Оллерис в связи с своей работой о Герберте был вынужден исследовать диссертацию Огюста Тьерри. Он признал, в свою очередь, всю ее фальшивость и довершил ее разгром. Оллерис показал, что вместо того, чтобы быть представителем народной партии, Гуго Капет являлся родственником, другом и протееже саксонской династии.

Отметим также среди противников Огюста Тьерри и Гаде, который сделал следующий вывод: «Таким образом, получается, что нам хотят доказать, будто в Галлии десятого века были господствующая германская прослойка и коренное население, которое поднялось и закончило тем, что отвергло от своей груди ненавистных господ. Мы же ответим, что события, объединенные в единое целое, способны соблазнить большинство, потому что ум воспринимает их без малейшего труда. Но, на самом деле, история не является частью целого произведения, и история, в особенности X в., ничем не похожа на картину, которую хотят нам показать».

Но самый неистовый протест проявили два бельгийских историка, Варнкёниг и Жарар. Они не прекращают нападков на Гуго Капета и, ссылаясь на его причастность к предательству Асцелина, произносят в его адрес следующие слова: «Таковы подвиги, из-за которых династия Капета заняла место потомков Карла Великого. И французам осмеливаются говорить, что эта революция была порождением национального движения; что их история началась лишь со славной эпохи, когда галльская раса восторжествовала с Гуго Капетом во главе над расой франков. Народу, по сути дела, доблестному, трусливое выжидание представляют как героический поступок, а гнусных узурпаторов превращают в вождей первой народной династии». Суровое и страстное, но это мнение, в сущности, неправомерно.

В Германии идеи Огюста Тьерри не имели того успеха, что во Франции. В 1840 году очень сдержанный Вильманс,

однако, написал: «В союзе с лотарингско-германской партией Гуго Капет не упустил благоприятного случая; теперь он хотел реализовать задуманные его предками планы в отношении французского трона. Он немало сделал в 984 г., чтобы сохранить германский трон для законного наследника. Теперь его сторонники (точнее партия, сочувствующая германцам в Лотарингии и Франции) твердо решили отнять единственное наследование у законного наследника Каролингской династии, Карла Лотарингского, брата Лотаря, и возложить корону на голову их могущественного покровителя, графа Гуго». Спустя десять лет после Вильманса, Бюдингер равным образом показал, что Германия не только неблагоприятно относилась к последним Каролингам, но была к ним совсем враждебна: «Пришедшие в упадок Каролинги, с воспоминаниями об империи их предков, для Германии были беспокойными соседями в переменчивой политике: бесполезными друзьями в мирное время, источником волнений в тревожную эпоху». Похоже, что с тех пор началась своего рода реакция: Калькштейн почти всегда видит в Гуго Капете врага Германии и обходит молчанием роль, которую она сыграла при его восхождении на престол. Гизебрехт открыто придерживается того же мнения. Однако можно сказать, что сегодня идеи Огюста Тьерри никем больше не признаются как научные. Так, мы полагаем, что обязаны были отвести этому много времени, поскольку нет ничего труднее, чем искоренять исторические заблуждения. Как только с ними перестают бороться, они снова немедленно возникают.

Нельзя закончить лучше, не напомнив о таких замечательных работах А. Люшера, посвященных французским институтам во времена первых Капетингов. А. Люшер не без оснований настаивает на роли, сыгранной Церковью в смене династий: «Восшествие на престол Гуго Капета, — справедливо говорит он, было целиком и полностью делом рук Церкви». Люшер показывает, что первые Капетинги с самого начала не проводили никаких изменений в общественном состоянии и политике страны. Следовательно, возвышение этой династии ни коим образом не являлось порождением глубоких и непреодолимых исторических процессов.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ГОВОРИЛИ ЛИ КАРОЛИНГИ ПО-ФРАНЦУЗСКИ? РАЗВИТИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В X ВЕКЕ

Из одного пассажа Рихера известно, что Гуго Капет не знал ни латинского, ни тевтонского языков, и, как следствие, разговаривал он на вульгарном наречии, которое принято называть романским языком. Историки не упускают случая противопоставить Капетингов, говоривших на этом наречии, Каролингам, которые, как считают, говорили только на тевтонском. Фриман даже называет их столицу, Лан, «тевтонским городом». Подобный взгляд основан на кратком тексте, но который, по нашему мнению, излишне раздут: Флодоард рассказывает, что когда в 948 году на собор в Ингельхейме принесли буллы папы Агапита, их перевели с латинского «из-за королей, на тевтонский (*propter reges, juxta Teutiscam linguam*)». На этом собрании присутствовали короли Оттон I и Людовик Заморский. Поэтому решили, что не только Людовик IV, но и все Каролинги знали только тевтонский. Это не совсем верный вывод. Рихер, рассказывая о встречах Лотаря или Людовика V с Гуго Капетом, отмечает, что у них не было необходимости в переводчике. Это не говорит о том, что данная деталь его мало интересовала, поскольку процитированный несколько выше фрагмент свидетельствует об обратном. Нам кажется вполне достоверным, что Лотарь, Людовик V и Карл Лотарингский знали так же хорошо романский, как и тевтонский.

Незнание Людовиком IV романского языка может быть только частным случаем, который объясняется тем, что он провел свое детство и юность в Англии, германской стране. Мы пойдем еще дальше и посчитаем, что, в действительности, он знал романский. Возможно ли, чтобы король франков не знал романский язык, когда даже король Германии, Оттон I, по свидетельству одного из летописцев, разговаривал на нем.

Как согласовать это утверждение с записями Флодоарда? По-нашему, более чем просто: ни Людовик IV, ни Оттон I не знали латынь, оба одновременно говорили и на тевтонском и на романском; но Людовик находился в государстве Оттона I, которого он просил о помощи и искал дружбы. Совершенно естественно, что ему переводили папские буллы на тевтонский, поскольку знали, что король франков владеет этим языком; странно было бы, если в Ингельхейме, в германской области, их переводили на романский.

Из «Истории» Рихера также известно, что Карл Простоватый и его окружение говорили на романском. В 920 году встреча между Карлом и Генрихом I, королем Германии, под Вормсом была нарушена кровавой стычкой между свитами двух королей, вызванной языковыми различиями: «Германские и галльские юноши, не зная языков друг друга и раздраженные этим, начали осыпать друг друга бранью».

Правда, Карл Великий и Людовик Благочестивый не знали романского языка и говорили только на тевтонском и латинском; но в их времена романский был еще в зачаточном состоянии и представлял собой лишь варварский выговор и неправильный синтаксис латинского языка, которого человек с изысканным вкусом старался избежать. Однако использование вульгарного наречия вскоре стало столь насущной необходимостью, что Карл Лысый и даже Людовик Германский должны были на нем разговаривать (см. знаменитые клятвы у Нитгарда).

В X веке романские языки берут верх над германскими языками даже в тех странах, где те, похоже, укоренились. Известно, что в середине этого века личная столица нормандских герцогов, Руан, была почти полностью романизирована. Чтобы услышать скандинавский говор, нужно было отправиться в Байё, где датчане обосновались с

IV века. Похоже, что в эту эпоху знание французского языка являлось необходимостью среди высокопоставленных лиц, даже живущих в германских областях. В 995 году Эймонд, епископ Вердена, председательствовал на соборе в Музоне, поскольку хорошо владел вульгарным романским языком. Главными же участниками собора были: папский легат Лев, Леодульф, архиепископ Трира, Ноткер, льежский архиепископ, Сугерий, аббат Мемнингена, а из мирян присутствовали: Ренье, реймский епископ, и Годфрид, граф Верденский. Любопытно также и то, что сам Эймонд являлся германцем. Таким образом, очевидно, что романский был языком населения верденской округи. То же самое можно сказать о Туле и Меце. Для биографа святого Герарда, епископа Туля, тевтонский является «варварским языком (*lingua barbara*)». Теодорих, граф Меца и герцог Верхней Лотарингии, часто отправлял в качестве посла, в особенности к королю Роберту Благочестивому, аббата из Сен-Мишель, Нантера, зная о его превосходном владении французским. Наконец, добавим, что Урсмар, аббат из лоббского монастыря, находившегося на Самбре, между Мобежем и Шарлеруа, одновременно владел тевтонским и французским.

Этих нескольких свидетельств достаточно, чтобы доказать, что в Лотарингии и Бельгии граница французского языка была уже приблизительно такая же, как и сегодня. Но самый любопытный документ об использовании французского языка в Лотарингии представлен саксонским монахом Видукиндом, жившим в X веке и являвшимся современником пересказываемых им событий. Он сообщает о военной хитрости, которую использовали саксонские войска короля Оттона I в битве при Бирте (939 г.), чтобы одержать верх над лотарингскими войсками, находившимися под командованием Генриха, младшего брата короля, и герцога Жильбера Лотарингского, имеющих значительное численное превосходство: «Среди наших были такие, которые умели немного говорить на галльском языке; такие, подняв сильный крик, по-галльски призывали противника к бегству. Те, полагая, что такого рода крики исходят от друзей, обратились, как им кричали, в бегство». Этот рассказ ясно свидетельствует, что французский язык с X века являлся языком подавляющего большинства лотарингцев,

а известно, что под Лотарингией подразумевался весь большой регион, расположенный между Рейном и Маасом. Можно возразить, что лотарингская армия состояла только из тех воинов, что были набраны в личных владениях герцога Жильбера. Но ведь эти домены располагались между Льежем и Маастрихтом. Таким образом, употребление французского в этих регионах можно считать несомненным.

КОММЕНТАРИИ
РЕДАКТОРА

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

1) Меровинги — династия франкских королей, правившая во Франции в 486–751 гг.

2) Хлодвиг — франкский король из династии Меровингов (484–511 гг.). В 486–507 гг. захватил территорию Франции и основал франкское королевство. В 498 г. принял крещение.

3) Дагоберт — франкский король из династии Меровингов (613–639 гг.), при котором франкское королевство пережило период экономического и политического расцвета.

4) При Тертри произошло столкновение между армиями двух соперников в борьбе за власть — майордомов (титул управляющего государевым дворцом, который постепенно стал обозначать фактического правителя королевства) Австризии Пипина II Геристальского и Нейстрии — Берхера. В результате победу одержал Пипин II, ставший единоличным правителем франкского государства от имени короля Теодориха III, поддерживавшего Берхера и попавшего в плен.

5) Правление Хильдерика III, последнего короля из династии Меровингов (743–751 гг.), закончилось в ноябре 751 г., когда он был смещен фактическим правителем королевства Пипином III Коротким, ставшим первым государем из династии Каролингов.

6) Карл Великий — франкский король из династии Каролингов (768–814 гг.).

7) Теодорих III — франкский король из династии Меровингов (763–691 гг.).

8) Хильдеберт III- франкский король из династии Меровингов (695–711 гг.).

9) Роберт Сильный — граф Тура с 852 г., граф Анжера и Блуа, с 861 г. владеец аббатств Мармутье и Сен-Мартен в Туре. Основатель династии Робертинов–Капетингов.

10) Ричард Заступник — граф Оксерра, герцог Бургундии. Ум. в 922 г.

11) Эд I — сын Роберта Сильного, с 886 г. граф Парижа и маркграф Нейстрии (область в междуречье Сены и Луары), в 888 г. после смерти императора Карла III Толстого (884–888 гг.) выбран королем Франции. Ум. 898 г.

12) Рауль I — сын Ричарда Заступника, герцог Бургундии с 922 г., выбран королем Франции в 923 г. Ум. в 936 г.

13) Карл III Простоватый — король Франции с 898 г. Смещен в 922 г. знатью королевства и умер в заточении в 929 г.

14) Людовик IV Заморский — сын Карла III Простоватого, король Франции в 936–954 гг.

15) После того, как восставшая знать Северной Франции сместила Карла III с престола, он предпринял несколько попыток вернуть себе корону, но был разбит в битве при Суассоне (923 г.). В ходе переговоров с одним из вождей мятежных вельмож, Гербертом II, графом Вермандуа, Карл был обманом захвачен в плен и умер в 929 г. в Перонне.

16) После своей коронации в 936 г. Людовик IV попытался вернуть свои родовые владения в Северной Франции, узурпированные знатью после свержения его отца в 923 г., и повел независимую политику в отношении крупных вельмож, призвавших его на престол — Гуго Великого, маркграфа Нейстрии и Герберта II, графа Вермандуа. Между противниками завязалась долгая борьба, которая с небольшими перерывами длилась до 953 г.

17) Гуго Великий — сын короля Роберта I, маркграф Нейстрии с 922 г., граф Тура, Анжера, Парижа, Блуа и Шартра, владеец аббатств Сен-Мартен в Туре, Сен-Дени в Париже. В 936 г. получил от короля Людовика IV почетный титул «герцога Франков». Ум. в 956 г.

18) Майордом — при первых Меровингах управитель королевского дворца. Впоследствии этот титул, который принимали представители родовитой франкской аристократии, стал обозначать фактического правителя королевства, обладавшего властью при номинально царствующем короле. Первоначально, с VII в. в каждом обширном регионе, составлявшем франкское королевство — Австразии, Нейстрии и Бургундии, — был свой майордом, но после победы в 687 г. Пипина II Геристальского титул майордома был сохранен в его династии.

19) В 936 г. после своего коронования Людовик IV в знак благодарности пожаловал Гуго Великому титул «герцога Франков» («dux Francorum»). В историографии велись долгие споры о реальном содержании этого титула: одни историки считали, что он давал право осуществлять своего рода вице-королевскую власть на территории всего государства, другие — что Гуго получил возможность на герцогские полномочия в пределах Северной Франции (в то время известная под именем Francia — Франкия, Франция), подобно герцогам Бургундии и Аквитании. Однако то, что Людовик VI, жалую Гуго Великому этот титул, назвал его «герцогом Франков, вторым после нас во всем королевстве», говорит в пользу первой версии. Сам Ф. Лот придерживался второго истолкования (см. подробнее стр. 143, пр. 1). В тексте он чередует название «герцог Франков» с «герцогом Франции».

20) «Ленивые короли» — прозвище номинально правивших последних Меровингов, данное им в период царствования династии Каролингов.

21) Герберт II — прямой потомок по мужской линии Пипина I (ум. в 810 г.), сына Карла Великого, с 900–907 гг. граф Вермандуа, Суассона, Мо, Омуа, владелец аббатств Сен-Крепен и Сен-Медар в Суассоне. Ум. в 943 г.

22) Вильгельм I Длинный Меч — сын и наследник норманнского вождя Роллона, граф Руана в 927–943 гг.

23) Оттон I — представитель династии саксонских герцогов, сын германского короля Генриха I Птицелова (919–936 гг.), король Германии и Лотарингии с 936 г., император Священной Римской империи с 962 г., король Италии с 951 г. Ум. в 973 г.

24) В борьбе против мятежной знати Северной Франции Людовик IV получил поддержку, в основном, от одного крупного магната Южной Франции — Гильома III Патлатого, графа Пуатье (934–963 гг.), которому угрожала экспансия со стороны Гуго Великого. В остальном аристократия Южной Франции оставалась безучастной к событиям, разворачивавшимся на севере.

25) Лотарингия, обширный пограничный регион между Францией и Германией (в междуречье Мааса и Мозеля), издавна была спорной территорией. Во время раздела империи Карла Великого его внуками в 843 г. в Вердене Лотарингия досталась старшему из трех братьев — императору Лотарю (840–855 гг.). После смерти в 869 г. его сына, императора Лотаря II, не имевшего законных детей, Лотарингия была поделена между королями Франции и Германии (870 г.). Однако после династических кризисов во Франции (884, 922–923 гг.) и Германии (911, 919 гг.) Лотарингия окончательно перешла под власть германских королей Саксонской династии (925–935 гг.). Для Людовика IV и его преемников возвращение Лотарингии было не только возможностью усилить свое материальное положение, но и «делом чести», поскольку эта область была родовым владением их предков и именно там располагалась легендарная столица Карла Великого — Ахен, на которую германские короли, с 911 г. не являвшиеся Каролингами, не имели законных прав. Лотарингская знать всегда была строптивой и с трудом переносила усиливавшийся контроль германских королей. В 939 г. к Людовику IV обратились представители Лотарингии, от имени своего герцога Жильбера (915–939 гг.) предложившие ему корону страны. Но попытка подчинить ему Лотарингию провалилась, как из-за силового перевеса Оттона I, который заключил союзный договор с Гуго Великим и Гербертом II, так и из-за идейного вдохновителя восставших лотарингцев, герцога Жильбера в 939 г.

26) Арнульф Великий — граф Фландрии в 918–965 гг. Арнульф и Вильгельм вели между собой войну за пограничные земли на побережье, в частности, Монтрей.

27) Ричард I — сын Вильгельма I, граф Руана и герцог Нормандии в 943–996 гг.

28) Эдмунд I — король Англии в 939–946 гг., дядя Людовика IV по материнской линии.

29) Ги I — епископ Суассона в 937–943 гг. Сын анжуйского виконта Фулька Рыжего (907–941/942 гг.).

30) Тибо I Плут — граф Блуа, виконт Тура с 940 г., вассал и ближайший помощник Гуго Великого. Однако графом Шартра Тибо стал только между 956–970 гг., захватив этот город у Гуго Капета.

31)* Конрад I Тихий — король Заюрской Бургундии и Прованса в 937–993 гг.

32) Гуго де Вермандуа — сын Герберта II де Вермандуа, архиепископ Реймса в 925–931, 940–946 гг. Ум. в 962 г.

33) Артольд — архиепископ Реймса в 931–940, 946–962 гг., канцлер и ближайший советник Людовика IV.

34) Союзник Гуго де Вермандуа, герцог Гуго Великий попросту помешал епископам Франции прибыть на эти соборы.

35) Агапит, папа Римский в 946–955 гг.

36) Конрад Рыжий — граф Вормса, герцог Лотарингии в 940–953 гг.

37) Рихер — монах из Сен-Реми в Реймсе, написавший «Историю галльских войн», охватывающую период с 888 по 998 гг.

38) Гуго Черный — сын Ричарда Заступника, герцог Бургундии в 923–950 гг.

39) Адальберон I — епископ Меца (ум. в 962 г.), брат Фридриха, графа Бара и герцога Верхней Лотарингии.

40) Карл-Константин — сын императора Людовика Слепого, граф Вьенны.

41) Людовик Слепой — король Прованса с 890 г., император с 926 г. Ум. в 928 г.

42) Летольд — граф Макона.

43) Ф. Лот не случайно тщательным образом фиксирует перемещение короля по территории Франции. Во время таких разъездов франкские короли часто принимали клятвы верности у правителей крупных областей в знак их символического подчинения. Таким образом, мы можем представить себе территорию, на которую распространялось более-менее сильное влияние Каролингов.

44) Даже после заключения официального мира в 953 г. продолжались столкновения между отдельными феодальными кланами, поддерживавшими либо Гуго Великого, либо Людовика IV, например, конфликты между графами Вермандуа и вассалом короля, Рено, графом Руси. Вообще замечено, что мир 953 г. значительно повредил Гуго Великому: по условиям мирного договора между королем и герцогом сохранялось равновесие, что не могло удовлетворить соратников Гуго, надеявшихся на более крупные приобретения.

45) Брюнон — сын короля Генриха I Птицелова, архиепископ Кёльна с 953 г., герцог Лотарингии, фактический регент Франции в 956–965 гг. Ум. в 965 г.

46) Людольф — старший сын короля Оттона I, герцог Швабии в 949–959 гг. В 953–954 гг. Людольф в союзе с герцогом Лотарингии Конрадом поднял восстание против своего отца.

47) Гуго Великий трижды распоряжался передачей короны: в 923 г. он участвовал в выборе северофранцузскими князьями короля Рауля I; в 936 г. именно он пригласил вернуться во Францию Людовика IV; в 954 г. он дал свое согласие на коронацию Лотаря. Подобная традиция вскоре превратилась в своего рода привилегию рода Робертинов — в 979 г. Лотарь в свою очередь обратится к сыну Гуго Великого, герцогу Гуго Капету, с просьбой организовать коронацию своего сына, Людовика V.

48) Отец Гуго Великого, король Роберт I (922–923 гг.), погиб в битве при Суассоне (923 г.) со своим противником, свергнутым королем Карлом III Простоватым; Рауль I, заменивший на троне Роберта I, столкнулся с противодействием могущественного феодала Герберта II де Вермандуа, захватившего в плен Карла III и под угрозой выпустить его на свободу вымогавшего у нового короля привилегии. Чтобы заставить знать королевства, а особенно Южной Франции, признать себя королем, Рауль должен был пойти на широкие территориальные уступки — например, в обмен на символическое подчинение Гильома Юного, графа Оверни и герцога Аквитании отдать ему область Берри с городом Буржем. Кроме того, английский историк Р. Льюис высказал еще одно правдоподобное объяснение того, что Гуго Вели-

кий, который мог вступить на трон в 923 г. и 936 г., не пошел на этот шаг: согласно традиции, король, вступая на престол, складывал с себя все графские должности, которые как раз и представляли основу могущества Гуго Великого. Передать же эти должности по наследству он не имел возможности, так как его старший сын, Гуго Капет, родился только ок. 941 г.

49) Рено — граф Руси (крепость в области Суассона) в ок. 930–967 гг., возможно граф Реймса с 948 г., ближайший соратник Людовика IV.

50) Альберт — сын Герберта II де Вермандуа, граф Вермандуа в 943–987 гг.

51) В 943 г. Людовик IV пожаловал Гуго Великому герцогства Аквитанию и Бургундию взамен обещания не мешать королю действовать в Нормандии; теперь от Лотаря потребовалось подтвердить это дарение. С 936 г. герцог Франков вел активную захватническую политику в отношении Аквитании (графство Пуатье) и Бургундии. Однако к 956 г. он добился лишь незначительных результатов в Бургундии (в 937 г. он отнял у герцога Бургундского город Санс) и потерпел полное поражение в Пуатье.

52) Гильом III Патлатый — граф Пуатье (934–963 гг.), представитель династии, практически без перерыва правившей в Пуатье с 60-х гг. IX в.

53) Иммунитет — предоставляемое королем право независимости от вторжения светских властей. Как правило, жаловалось церквям и монастырям, чтобы хоть как-то избавить их от притязаний светских феодалов.

54) Герберт III Старый — сын Герберта II де Вермандуа, граф Омуа в 943–980/984 гг., владелец крепости Сен-Тьерри и аббатства Сен-Медард в Суассоне, «дворцовый граф» короля Лотаря.

55) В 936 г., почти сразу же после коронации Людовика IV, Гуго увел короля на войну с Гуго Черным, герцогом Бургундским, чьи владения планировал захватить. В результате боевых действий Гуго Великому достался Санс.

56) Жильбер I — граф Отена и Шалона, герцог Бургундский в 950–956 гг., зять Гуго Черного.

57) Оттон — второй сын Гуго Великого, граф Отена и герцог Бургундии в 956–965 гг.

58) Фридрих — сын Вигерика, графа Арденн (ум. 915 г.), граф Бар, герцог Верхней Лотарингии с 965 г. Ум. в 978 г.

59) Употребление Ф. Лотом слова «французы» кажется преждевременным для X в., когда вместо него использовали собирательное имя «франки».

60) Флодоард — каноник Реймской церкви, автор «Анналов» (описывающие события в период с 919 до 966 г.) и «Истории Реймской церкви», благодаря исторической точности и кругозору являются самым надежным нарративным источником по X в.

ГЛАВА II

1) Гуго Капет — сын Гуго Великого, герцог Франков с 961 г., владетель аббатств Сен-Дени, Сен-Мартен де Туре, Мармутье, Сен-Мор-де-Фосс, король Франции с 987 г. Ум. в 996 г.

2) Эд-Генрих — третий сын Гуго Великого, герцог Бургундии в 965–1001 гг.

3) В 956 г. Гуго Капету исполнилось около 14 лет.

4) Тем не менее за период несовершеннолетия Гуго Капета княжество Робертинов пережило глубокий кризис, поскольку крупные вассалы герцога Франков Тибо Плут, граф Блуа и Фульк II Рыжий, граф Анжуйский (940–960 гг.), и до того обладавшие определенной автономией, сумели, возможно, при молчаливом содействии Лотаря, добиться фактической независимости от своего малолетнего сеньора. Во время встречи в Верроне, в 958 г. Тибо и Фульк открыто именовали себя «правителями этого королевства» (т. е. Нейстрии, земель теоретически подвластных Гуго Капету). В период между 956 и 960 гг. Тибо де Блуа захватил у Гуго Капета графство Шартр и начал в своих владениях строительство укрепленных замков, что означало нарушение прав своего сеньора, которому единственно позволялось строить укрепления. В 959 г. Рауль, виконт Дижона, взял штурмом замок Бон и захватил Леудегарду, жену герцога Бургундского Оттона, в надежде получить

права на ее приданое, т. е. на титул герцога. Когда Гуго Капет попросил и получил от короля официальное пожалование титул — «герцога Франков», оказалось, что его владения уменьшились почти вдвое (фактически единственный город, который ему принадлежал лично, был Орлеан), а его вассалы, хоть и внешне ему подчиняются, на деле являются абсолютно независимыми.

5) Ренье III Длинная Шея — племянник герцога Лотарингского Жильбера, граф Эно в 932–958 гг.

6) Вдовья доля — земли, которые оставались вдове после смерти мужа.

7) Инвеститура — пожалование фьефа, входившая в процедуру оммажа — подчинения вассала сеньору. Судя по всему, Лотарь намеренно тянул с пожалованием Гуго Капету и Оттону титулов герцога Франков и герцога Бургундии, чтобы сковать их активность и выгадать время для распространения своего влияния на подвластные им земли.

8) Роберт — сын Герберта II де Вермандуа, граф Мо с 943 г., граф Труа по браку с дочерью Жильбера Бургундского Аделью-Веррой. Ум. в 966 г.

9) Возможно, что Роберт все-таки получил в приданое за Веррой графство Труа.

10) Ренье IV — сын Ренье III Длинной Шеи, граф Эно в 976–1013 гг.

11) Ламберт — сын Ренье III Длинной Шеи, граф Лувена в 976–1015 гг.

12) «Друзья» — члены одного дома, ближайшее окружение графа или епископа.

13) Фридрих — граф Бара и Меца, герцог Лотарингии с 965 г. Ум. в 978 г.

14) Ренар Старый — граф Санса в 949–997 гг.

15) Манассия — граф Омон, владелец Ретеля.

16) В данном случае Брюнон придерживался традиционной политической линии германских императоров, которая состояла в том, чтобы поддерживать равновесие между Каролингами и Робертинами и помешать королям Франции захватить Лотарингию.

17) Франкское королевство традиционно разделялось на три крупные области — Аквитанию, Бургундию и Францию (Франкию), которая в свою очередь подразделялась

на Нейстрию (междуречье рек Сены и Луары) и малую Франкию (междуречье Сены и Мааса). В данном контексте Франция обозначает север королевства, от Луары до Мааса.

18) Леудегарда — дочь Герберта II де Вермандуа, в первом браке супруга графа Руана Вильгельма I Длинного Меча, во втором — Тибо Плута, графа Блуа. Ум. в 975 г.

19) После смерти графа Нанта и герцога Бретани Алена II Кривобородого (936–952 гг.) в 952 г. Тибо Плут (чья сестра была замужем за Аленом) стал опекуном своего племянника Дрогона и сам надеялся осуществлять влияние на Нант и Ренн.

20) Недовольство Гуго Капета было вызвано не только враждой Тибо Плута к Нормандии, но всей независимой политикой графа Блуа — захватом Шартра, строительством крепостей в Блуа, Шартре, Шиноне без разрешения герцога и т. д.

21) Жоффруа Серый Плащ — граф Анжера в 960–987 гг. Жоффруа, чей дед Фульк I Рыжий одно время был графом Нанта, также претендовал на контроль над нантской областью.

22) Раймунд I — граф Родеза и маркграф Готии (943–961 гг.).

23) Раймунд II — граф Руэга в 961, 972–984 гг.

24) Гуго Прованский — король Италии в 926–941 гг.

25) Прованс вместе с Лионом и Вьенном в 870 г. перешел под власть короля Франции Карла II Лысого (840–877 гг.) и оставался в составе Франции до 979 г., когда граф Бозон Вьеннский провозгласил себя королем Прованса. Тем не менее Каролингам удалось сохранять права на Прованс и иногда добиваться признания своего сюзеренитета.

26) Иоанн XII — папа Римский в 955–964 гг.

27) Одельрик — архиепископ Реймса в 962–969 гг. В лице Одельрика, представителя знатного лотарингского рода, Оттону I и Брюнону удалось внедрить в сердце владений короля Франции преданного им человека.

28) Св. Арнульф — епископ Мецкий (ум. в 640 г.). Прямой предок династии Каролингов.

29) Герард Броньский — аббат Горцкого монастыря с 919 г. в Лотарингии, одним из первых в X в. начал реформировать монашеский устав на основе строгих правил св. Бенедикта (VI в.), предусматривавших аскетизм и замкнутость монастырской жизни, целомудрие, покорность аббату и личную бедность. В ходе реформирования аббатства предполагалось возвращение монастырских земель, захваченных светскими лицами и раздаренных им аббатами.

30) Эбль Манцер — граф Пуатье. Ум. в 934 г.

31) Арнульф II — граф Фландрии в 965–989 гг.

32) Лотарь — король Италии в 947–950 гг.

33) Речь идет о совместном походе 946 г. Оттона I во Францию, чтобы восстановить на престоле Людовика IV, низложенного Гуго Великим. В ходе похода Оттон I с Людовиком IV безрезультатно осаждали Руан, где находился союзник Гуго Великого герцог Нормандии Ричард I.

ГЛАВА III

1) Гильом Жюмьежский — монах нормандского монастыря Жюмьежа, написавший «Деяние герцогов Нормандских».

2) Здесь имеется в виду область в междуречье Сены и Мааса, где находились основные королевские владения.

3) Аллод — наследственное владение

4) Испанская марка (совр. Каталония) — образована после захвата Барселоны у испанских арабов.

5) Борель — граф Ургеля и Барселоны в 948–992 гг.

6) Преемник Одельрика, Адальберон (969–989 гг.), происходил из лотарингского клана, всецело преданного германским королям и потому действовал в ущерб королям Франции и впоследствии стал одним из инициаторов свержения Каролингов.

7) Именно в лотарингских монастырях началось движение за реформу церкви, и оттуда вышли наиболее известные церковные реформаторы X в. Еще ранее Ф. Лот отмечал, что в период регентства во Франции (956–965 гг.) Брюнона, брата Оттона I, ряд важных церковных постов в Северной

Франции и, прежде всего, в сердце королевского домена попали к представителям знатных лотарингских семейств, привязанных к германским королям узами верности.

8) Годфрид Старый — граф Вердена. Ум. в 996 г.

9) Донжон — центральная башня в замке, становившаяся последним убежищем осажденных.

10) Реформирование монастырей встречало сильное сопротивление со стороны монахов или каноников, живших по мягким правилам и не желавших подчиняться строгой дисциплине и распорядку. Не раз дело доходило до вооруженного противостояния. Известный канонист, аббат Флери Аббон был убит гасконскими монахами, когда приехал реформировать реольское аббатство. Не менее известен случай, когда Бушар, граф Вандомский, обманом выманил монахов из монастыря Сен-Мор-де-Фосс, а обратно пустил только тех, кто согласился жить по новому, более строгому бенедиктинскому уставу.

11) Речь идет первых аббатах Ключи, монастыря, основанного на юге Бургундии в 909 г. Ключи стал источником мощного реформаторского движения в Южной Франции, стремившегося к высвобождению из-под власти светских лиц, свободе аббатских выборов, духовному и нравственному совершенствованию монахов, введению строгого монастырского устава.

12) Экспансия Робертинов в Аквитанию началась почти одновременно с расцветом этой династии в к. X в., которая, владея обширными территориями в междуречье Сены и Луары, стремилась расширить границы своих владений на юг. Король Эд I, воспользовавшись смертью Рамнульфа II, графа Пуатье и герцога Аквитании и малолетством его сына Эбля Манцера, попытался захватить Пуатье и сделать графом этого города своего брата, будущего Роберта I. Однако эта попытка окончилась неудачей; вплоть до 970 г. Робертины не прекращая старались завоевать Аквитанию и, за исключением отдельных периодов, не смогли ничего добиться. После брака Гуго Капета и сестры графа Пуатье и герцога Аквитании между двумя династиями надолго воцарился мир.

13) Иоанн XIII — папа Римский в 965–972 гг.

ГЛАВА IV

1) Манс — надел, владение

2) «Божий мир» — движение, начавшееся на юге Франции в связи с ослаблением королевской власти и феодальной анархией. По инициативе епископов, опиравшихся на низшее духовенство и прихожан, каждый человек в епархии брал на себя обязанность не воевать в определенные дни недели, не разорять и грабить крестьян и т. д. Впоследствии в процесс «Божьего мира» активно включились светские князья, увидевшие в этом возможность упрочить свою власть в регионе и не обуздать непокорных вассалов.

3) По традиции во Франкском государстве королевскую власть наследовали все сыновья, которые делили между собой королевство. Последний раздел подобного рода состоялся в 879 г., когда после смерти короля Людовика II Заики Франция была поделена между двумя братьями королями. — Людовиком III (879–882 гг.) и Карломанном (879–884 гг.). Поэтому Лотарь, лишив своего младшего брата Карла части наследства, чтобы не дробить королевский домен.

4) Ф. Лот упоминает об окончании борьбы между двумя феодальными родами Северной Франции — графами Вермандуа и графами Гуи-ан-Арруэз (в Камбре), Остревана и Валуа. В 943 г. Рауль, граф Валуа, был убит сыновьями Герберта II де Вермандуа при попытке вернуть себе Гуи. Согласно хроникам, гибель Рауля сильно опечалила его союзника короля Людовика IV, враждовавшего с домом Вермандуа. Ф. Лот намеренно делает акцент на то, что теперь король Лотарь, ставший союзником клана Вермандуа, не испытывал сожалений по поводу поражения графа Камбре.

5) Адальберон, епископ Лана (977–1023 гг.). Он был близким родственником, возможно, племянником, архиепископа Реймского Адальберона и графа Вердена Годфрида и, таким образом, происходил из семьи, которая была верной германским королям из Саксонской династии.

6) Бенедикт VII — папа Римский в 974–983 гг.

7) Сегуин — епископ Санса в 977–991 гг.

8) Готье I, граф Амьена, Валуа, Вексена в 952/965–992/998 гг.

9) «Центурии», «центурион» — эти термины историк Рихер Реймский, поведавший о походе Лотаря на Ахен, заимствовал у римского историка Саллюстия, чье произведение служило ему образцом для подражания.

10) Инсигнии — знаки королевской власти (держава, скипетр).

11) Скорее всего подобные цифры выдуманы Рихером Реймским. Средневековые армии, состоявшие из воинов-профессионалов, насчитывали гораздо меньшее число бойцов.

12) В 982 г. армия, которую Оттон I двинул в Южную Италию против византийцев, потерпела сокрушительное поражение от сарацин в Калабрии. Самому императору удалось спастись с большим трудом.

13) Регалия — в данном случае королевское право в период между смертью епископа и назначением его преемника пользоваться имуществом и доходами от епископства.

14) Пребенда — владение, жалуемое церковным лицам.

15) Ротхард — епископ Камбре в 980–995 гг.

16) Граф дворца — высший придворный чин при Каролингах.

17) Роберт II — сын Гуго Капета, король Франции в 987–1031 гг.

18) Фульк Нерра (Черный) — граф Анжуйский в 987–1040 гг., сын Жоффруа Серого Плаща.

19) Бушар — граф Вандома, Корбейля, Мелена, вассал и ближайший соратник Гуго Капета.

20) Майель — четвертый аббат Ключни в 942–994 гг.

21) Одилон — третий аббат Ключни в 994–1048 гг.

ГЛАВА V

1) Аделаида — дочь Фулька II Доброго Анжуйского, род. в 950 г. Первым браком сочеталась с Этьеном, графом Жевордана и Бриуда (ум. в 975 г.?), вторым — с Раймун-

дом, графом Тулузы (ум. в 978 г.), третьим — с Людовиком V (развелись в 982 г.), четвертым — с маркграфом Прованса Гильомом Арльским (970–993/994 гг.). Ум. в 1026 г.

2) Феофано — византийская принцесса, с 972 г. супруга императора Оттона II.

Аделаида — дочь Рудольфа II, короля Заюрской Бургундии, супруга короля Италии Лотаря, с 950 г. — супруга Оттона I, германского короля и императора.

3) Генрих Баварский (Гезилон) — двоюродный брат Оттона II, герцог Баварии с 955 г.; лишен герцогства после мятежа против императора 976 г.

4) Гуго Раймунд — вероятно, речь идет о Раймунде II, графе Руэга в 961, 972–984 гг.

5) Теодорих — герцог Верхней Лотарингии в 983–1027 гг., сын Фридриха, графа Бара и герцога Верхней Лотарингии.

6) Вероятно, речь идет о встрече в Шевремонне или Льеже в 984 г. между королями Лотарем и Людовиком V, Карлом Лотарингским, Годфридом, графом Вердена, Экбертом Трирским, Ноткером Льежским и Теодорихом Мецким, где присутствовавшие, будучи сторонниками малолетнего Оттона III, поклялись оказывать друг другу взаимную поддержку.

7) Теодорих напоминает о событиях 978 г., когда Карл Лотарингский был провозглашен королем Франции в захваченном германцами Лане.

8) То есть обвинил в прелюбодеянии с супругой короля Лотаря Эммой.

9) Имеется в виду король Прованса Конрад.

10) Ж. Аве — французский медиевист, издавший письма Герберта Орильякского.

11) То есть Мецкое и Верденское архиепископство.

12) Когда Лотарь по просьбе архиепископа Реймского в 984 г. стал опекуном Оттона II, он потребовал для себя заложников из германского королевства. Одним из этих заложников и стал племянник Адальберона Реймского, которого оставили при дяде в Реймсе. Отпуская заложника, принадлежавшего королю, архиепископ Реймский открыто совершал акт измены.

13) Использование слова «французские» в письме Герберта введено Ф. Лотом для уточнения, так как во времена Герберта такого понятия еще не существовало.

14) Зигфрид — граф Люксембурга в 963–998 гг., брат Фридриха, графа Бара и герцога Верхней Лотарингии.

15) Эд I — сын Тибо Плута и Леудегарды, граф Блуа, Шартра и Тура в 977–996 гг., вассал Гуго Капета.

16) Герберт Юный — сын Роберта де Вермандуа, граф Мо и Труа. Ум. в 994 г.

17) Вероятней, что он пожаловал Эду графство Омуа с крепостью Шато-Тьерри, а Герберту Юному — графство Пертуа и Эперней.

18) Герберт III Старый — сын Герберта II де Вермандуа, граф Омуа в 943–980/984 гг., владелец крепости Сен-Тьерри и аббатства Сен-Медард в Суассоне, «дворцовый граф» короля Лотаря.

19) В письмах Адальберон должен был подтвердить свою преданность Лотарю и, возможно, добиться возвращения или осуждения своего племянника Адальберона, епископа Верденского, без ведома короля покинувшего Францию.

20) То есть Адальберон, епископ Верденский. Клятва, о которой идет речь, — клятва верности, которую лотарингские вельможи королю Лотарю, как опекуну Оттона III в 984 г.

21) Ренье IV, граф Эно.

22) Т. е. Адальберона Верденского, который получил свое епископство не из рук Лотаря, а из рук германского короля Оттона III.

23) Сын Гуго Капета Роберт получил свое образование в церковной школе Реймса.

24) Речь идет о четырех лотарингских вельможах — Годфриде, Зигфриде, Фридрихе и Теодорихе, попавших в плен во время повторной осады Лотарем Вердена.

25) Аль-Мансур — фактический правитель Кордовского халифата с 976 г., визир при халифе аль-Хакаме II (961–976 гг.). Ум. в 1002 г.

26) Манускрипт «Истории» Рихера Реймского, единственного подробного нарративного источника по истории

Франции второй половины X в. был найден в 1833 г. Г. Пертцем.

27) Гельгон — монах аббатства Флери, написавший хвалебное жизнеописание короля Роберта II.

28) Капефик, Мурен — французские историки XIX в. Капефик (Ж.-Б.-О.-Р.), французский публицист и историк, автор книги «Гуго Капет и третья династия до Филиппа-Августа». Мурен (Э.) — франц. историк XIX в., автор «Графов Парижских» (Париж, 1869). Оба автора, обладая легким пером, часто создавали выдуманные ими портреты политических деятелей изучаемой эпохи, не опираясь при этом на достоверные источники.

29) Поэма о Рауле из Камбре — поэма, записанная в XII в., где в искаженном виде передаются события 40-х гг. X в. Герой поэмы — реальный исторический персонаж, погибший в столкновении с графами Вермандуа в 943 г.

30) Рауль Глабер — бургундский хронист XI в.

31) Карл Лысый — внук Карла Великого, король Франции в 840–877 гг.

32) Гильом Санш — гасконский граф с 966 г., герцог Гаскони с 977 г. Ум. ок. 989 г.

33) В 959–960 гг. клан Вермандуа был враждебен королю из-за того, что тот отказался вернуть Реймское архиепископство их брату Гуго.

34) Теодорих II — граф Голландии в 939–988 гг.

ГЛАВА VI

1) Аббон — аббат Флери (Сен-Бенуа на Луаре), в 988–1004 гг. знаменитый канонист и церковный реформатор.

2) Арнульф, епископ Орлеанский, сам старался утвердить свою власть над аббатством, считая это привилегией епископов.

КНИГА ВТОРАЯ

ГЛАВА I

1) В 993 г. Асцелин Ланский и Эд I, граф Блуа и Шартра, составят заговор с целью заманить королей Гуго Капета и Роберта II в ловушку и выдать Оттону III, которому, таким образом, досталась бы Франция. В награду Эд I потребовал себе титул герцога Франков, который ранее принадлежал Гуго Капету. Заговор был раскрыт, и Асцелин заключен под стражу.

2) Дудон, монах из аббатства Сен-Квентин, написал «Деяния герцогов Нормандии» по заказу своего покровителя Ричарда I.

3) Судя по всему, архиепископ Адальберон надеялся после смерти Гуго передать корону Франции Оттону III.

4) Василий II Болгаробойца — византийский император в 976–1025 гг.

5) Генрих I Птицелов, основатель династии Оттонов, был герцогом Саксонии.

6) Генрих II Святой — германский король и император в 1002–1024 гг.

7) Конрад II — германский король и император в 1024–1039 гг.

8) Борьба за инвеституру — в XI в. борьба между светскими властями в лице германского императора и церковью, возглавляемой папой Римским, за право назначать на епископские посты.

ГЛАВА II

1) Гинкмар — архиепископ Реймский в 944–982 гг. Его активная политическая и культурная деятельность позволила Реймсу стать религиозным центром Франции и оттеснить на второй план своего соперника, архиепископа Санского.

2) В любом случае король должен был утвердить кандидатуры на пост архиепископа и мог ее отвести.

3) Имеется в виду Адальберон, архиепископ Реймский, дядя епископа Вердена.

4) Паллий — знак главы церкви во Франции.

5) 17–18 июня 991 г. на церковном соборе, где судили Арнульфа Реймского за измену Гуго Капету и Роберту II, Ренье выступил свидетелем, рассказав о разговоре с архиепископом на берегу р. Эны.

6) Бенефиции — владение, передаваемое на время или пожизненно, в обмен на службу.

7) Речь идет о двух знаменитых эпизодах времен англо-французской войны за корону Франции, известную под названием Столетняя. В битве при Креси (1346 г.) французский король Филипп VI (1328–1350 гг.) потерпел сокрушительное поражение от англичан; битва при Пуатье (1356 г.) также окончилась полным разгромом для его сына и наследника короля Иоанна II Доброго (1350–1364 гг.), который сражался до конца и попал в плен. В обоих случаях причиной поражения стало не отсутствие способностей командования у французских королей (хотя Филипп VI не смог заставить своих подчиненных уважать свои приказы), а новая тактика англичан, использовавших лучников против беспорядочно наступавшей феодальной конницы.

8) Русский историк Н. Бубнов выдвинул весьма правдоподобное объяснение отступления Гуго Капета, предположив, что тот мог опасаться нападения с тыла войск Эда I, графа Блуа и Шартра, придерживавшегося враждебного нейтралитета.

9) В начале 90-х гг. XX в., когда была издана книга Ф. Лота, еще не были известны документы, которые проливают дополнительный свет на дальнейшую судьбу сыновей Карла Лотарингского. В период между 1005 и 1012 гг. Людовик появляется в окружении герцога Аквитании Гильома V; его подпись, сохранившаяся под одним из герцогских актов, гласит — «Людовик, сын короля Карла». Возможно, что Людовик искал поддержки при дворе Гильома V против сына Гуго Капета, короля Роберта II. Второй документ — дарственная хартия монастырю Узез в Южной Франции, —

датируемый 1009 г., заканчивается словами: «дана в месяце мае, в год от воплощения Господа Нашего Иисуса Христа MVIII, в царствование Роберта (II — *Прим. ред.*) и Людовика с Карлом». Эта хартия может свидетельствовать об определенном противодействии королю из династии Капетингов на юге Франции, скорее всего исключительно пассивному. Больше данных о прямых наследниках Карла Лотарингского мы не имеем.

10) Феодализм в представлении Ф. Лота заключался в двух процессах, растянутых во времени: во-первых, узурпация государственных постов королевскими чиновниками (графами, маркграфами), которые с этого времени стали осуществлять в свою пользу королевские права и привилегии, и, во-вторых, — изменение прав на собственность земель, которая делилась между сеньором и его вассалом.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. ИСТОЧНИКИ

1. Adelbod, *Vita Heinrici II imperatoris* (*Acta Sanctorum*, t. III de juillet, p. 746; éd. Waitz, *Mon. Germ. SS.*, IV, 679–695).
2. Adhémar de Chabannes, *Chronicon Aquitanicum et Francicum*, ou *Historiarum libri III* (éd. Waitz, *Mon. Germ. SS.*, IV, p. 106–148).
3. *Commemoratio abbatum basilice S. Marcialis* (éd. Duplès-Agier, dans les *Chroniques de S.-Martial de Limoges*, Paris, 1874, in-8 (Société de l'Histoire de France)).
4. Adon. *Secunda continuatio* (éd. Partz, *Mon. Germ. SS.*, II, 326).
5. Aimoin, *Miracula Sancti Benedicti*, I. 11 et III (éd. de Certain, Paris, 1858, in-8, Société de l'Histoire de France).
6. *Vita S. Abbonis abbatis Floriacensis* (Mabillon, *Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti*, saec. VI, partie I, p. 37. Migne, *Patrologie*, t. CXXXIX, col. 387).
7. Aubry de Trois-Fontaines, *Chronicon* (*Historiens de France*, IX, 37; éd. Scheffer-Boichorst, *Mon. Germ. SS.*, XXIII, 631–950).
8. Alpert, moine de S.-Symphorien de Metz, *De diversitate temporum* (*Mon. Germ. SS.*, IV, 700–723).
9. *De episcopis Mettensibus* (*Ibid.*, IV, 696–700).
10. *Annales Altaenses majores* (éd. Giesebrecht et Oefele, *Mon. Germ. SS.*, XX, 772–824).
11. *Annales S. Benigni Divionensis* (éd. Waitz, *Mon. Germ. SS.*, V, 37–50).
12. *Annales Blandinienses* (éd. Bethmann, *Mon. Germ. SS.*, I, 96).
13. *Annales Colonienses* (éd. Partz, *Mon. Germ. SS.*, I, 96).
14. *Annales Colonienses breves* (*Mon. Germ. SS.*, XVI, 730).
15. *Annales Sanctæ Columbae Senonensis* (éd. Partz, *Mon. Germ. SS.*, I, 102).
16. *Annales Sancti Dionysii* (*Historiens de France*, X, 297; éd. Waitz, *Mon. Germ. SS.*, XIII, 720).
17. *Annales Elnonenses majores et minores* (*Mon. Germ. SS.*, V, 10 et 17).
18. *Annales Engolismenses* (*Mon. Germ. SS.*, XVI, 485–487).
19. *Annales Floriacenses* (*Mon. Germ. SS.*, II, 254).

345. Thierry (Augustin), *Lettre douzième sur l'histoire de France et sur l'expulsion de la seconde dynastie franke*. Paris, 1820 (*Lettres sur l'histoire de France*, éd. de 1867, pp. 139-155).

346. Tillet (Jean du), *Recueil des rois de France, leur couronne et maison*. Paris, 1587, in-fol.

347. Vaddere (Jean-Baptiste de), *Traité de l'origine des ducs et duché de Brabant*, nouv. éd. de Paquot, Bruxelles, 1784.

348. Vaissète (dom), *Histoire de Languedoc*. Paris, 1730-1745, 5 vol. in-fol. nouv. éd. Toulouse, Privat, 1872-1889, 14 vol. in-4.

349. Van Kluit, *Historia critica comitatus Hollandiae et Zeelandiae*. Middelbourg, 1777, 2 vol. in-4.

350. Varin, *De l'influence des questions de race sous les derniers Carolingiens*. Paris, 1838, in-8 (Докторская диссертация, защищенная в Сорбонне 23 октября 1838).

351. Veqqtault, *Le pape Sylvestre II (Revue du monde catholique, nouv. série, 8^e année, t. II, n 12, 25 sept. 1868)*.

352. Vignier (Nicolas), *Sommaire de l'histoire des François*. Paris, 1579.

353. Vinchant (François), *Annales de la province et comté d'Haynau*. Mons, 1648.

354. Vogel, *Ratherius von Verona and das X. Jahrhundert*. Jena, 1854.

355. Vuitry (Adolphe), *Etudes sur le régime financier de la France*. Paris, 1877, in-8; nouv. série, Paris, 1877-1883, 33 vol. in-8.

356. Warnkönig, *Histoire de la Flandre et de ses institutions civiles et politiques*. Trad. franç. Bruxelles-Paris, 1835-1864, 5 v. in-8 (le tome I).

357. Warnkönig et Gérard, *Histoire des Carolingiens*. BBruxelles, 1862, 2 vol. in-8.

358. Wattenbach, *Deutschlands Geschichtsquellen*. 5^e éd. 1885, 2 vol. in-8.

359. Wilmans (Roger), *Jahrbücher des deutschen Reichs unter Otto III*. Berlin, 1840, in-8.

360. Witte (Diedrich-Johannes), *Lothringen in der zweiten Hälfte des zehnten Jahrhunderts*. Göttingen, 1869, in-8 (Докторская диссертация, защищенная в Гёттингенском университете).

361. Zeller, *Histoire d'Allemagne*. Paris, 1872-1891, 7 vol. in-8 (le tome II).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕННОЙ

- Аббон, аббат Сен-Бенуа 153, 154
Аве, Ж. 115, 129
Авраам 210
Агапит, папа Римский 25, 26
Адальберон I, епископ Меца 64
Адальберон II, епископ Меца 26, 116
Адальберон, архиепископ Реймса 63, 64, 67-70, 73, 75, 78, 80, 81, 87, 88, 92, 94, 98, 109, 110-112, 115, 117-120, 123, 126-134, 138, 151-160, 163-166, 168-175, 180, 182, 184, 186-195, 198, 202, 236, 238, 239
Адальберон, епископ Вердена 116, 123, 124, 183, 184, 197, 216
Адальберон, епископ Лана 79, 80, 83, 95, 130, 180, 137, 157, 158, 171, 178, 181, 185-187, 197, 202, 209, 210, 220-224, 228, 229, 234, 235, 238
Аделаида Английская, графиня Пуатье 50, 143
Аделаида, графиня Жевордана 76, 104-106, 136
Аделаида, дочь Жильбера Бургундского 37, 39
Аделаида, дочь Карла Лотарингского 225, 232
Аделаида, императрица, супруга Оттона I 52, 53, 56, 57, 107-109, 115, 116, 151, 152, 155, 157, 159, 165, 171, 185, 187
Аделаида, супруга Гильома III, графа Пуатье 49
Аделаида, супруга Гуго Капета, королева Франции 71, 172, 173, 181
Альберт I, граф Намюра 230, 232, 234
Альберт, граф Вермандуа 29, 46, 64, 77, 78, 81, 94, 174
Альбрада, сестра Лотаря 29, 95, 197
Альбрада, супруга Ренье, герцога Лотарингского 62
Альгерий, священник 205-207
Аль-Мансур, визир Кордовы 135
Амальберт, аббат Сен-Бенуа на Луаре 92, 141
Анастасий, архиепископ Санса 61, 81
Ангерран, монах из Корби 97
Анsegиз, епископ Труа 41, 42
Ансельм, священник 184, 186
Ансфрид, граф 61
Ардуин, кастелян Куси 38
Арнульф I Великий, граф Фландрии 23, 24, 37, 49, 51, 78, 96, 142
Арнульф II, граф Фландрии 51, 52, 60, 96, 142, 176
Арнульф Валансьенский, граф 62, 75, 77, 78, 93, 94
Арнульф, аббат Сен-Квентен-ан-л'Иль 82
Арнульф, архиепископ Реймса 178, 181, 196-208, 210-213, 215-219, 221-225, 228, 234, 235
Арнульф, епископ Орлеана 91, 95, 102, 103, 153
Арнульф, поверенный 62
Артольд, архиепископ Реймса 24, 25, 28, 31, 36, 38, 42, 45, 46, 63
Аршамбо, архиепископ Санса 42, 47, 61

Балдуин, граф Фландрии 37, 44, 45, 49, 51, 52, 229
Барониус 230
Беатриса, графиня Бара 31, 112-114, 116, 120, 129, 133, 134, 159
Бег, епископ Клермона 105
Бенедикт VII, папа Римский 81, 103
Беренгарий, епископ Камбре 36
Беренгарий, король Италии 177
Бернар, граф Санлиса 150
Бернард, норманн 23
Бернгард, герцог Саксонский 109
Бернье, рыцарь из героической песни 137
Берта, графиня Руэга 45, 142
Бертран, сын Этьена Жеворданского 76
Блондель, Д. 230, 233
Бодри, епископ Льежа 33, 231
Бозон, граф 149
Бордон, лотарингский сеньор, племянник Годфрида Старого 121, 186
Борель, граф Барселоны 62, 72, 135, 144, 174, 175, 177
Брюнон, архиепископ Кёльна и герцог Лотарингии 27, 28, 34-37, 39, 40-44, 46-48, 50, 52-54, 56, 60, 63, 74, 137, 140, 146
Брюнон, епископ Лангра 95, 197, 206, 214-216
Бушар, архиепископ Лиона 95
Бушар, граф Вандома 96, 102, 150
Варин, архиепископ Кёльна 108
Василий II Болгаробойца, император Византии 106, 175
Вергилий 183
Верра, дочь Жильбера Бургундского 37
Видрик, епископ Лангра 95
Викфрид, епископ Вердена 48, 53, 116
Веллар 145
Виллигиз, архиепископ Майнца 109
Вильгельм I, Длинный Меч, граф Руана 22, 23, 59,
Гильом Жюмьежский, хронист 57
Вильгельм, архиепископ Майнца 52
Вольфганг, епископ Регенсбурга 88
Вульфальд, епископ Шартра 48, 58
Гаганон, лотарингский сеньор 172
Гадульф, епископ Нуайона 48, 81, 94
Гардуин, епископ Шартра 48
Гарнье, граф 74
Гарольд, норманн 23
Гаттон, епископ Вика 72
Гатуида, дочь Гуго Капета 232
Гатуида, супруга Гуго Великого 22, 30, 35, 37, 39, 52
Гельгон, монах 42, 136
Гельпон, лотарингский сеньор 42

Генрих II Святой, император Священной Римской империи 192, 227, 231, 233

Генрих Распон 223

Генрих Юный, герцог Баварии и Каринтии 109

Генрих, архиепископ Трира 36

Генрих, герцог Баварский 107–111, 115–119, 129, 133, 134, 146, 186

Генрих, сын Ламберта, графа Лувена 233, 234

Гёрен, граф 67

Геранн, архидьякон Реймской церкви 72, 73

Герард Броньский, лотарингский аббат 49, 66

Герард, епископ Камбре 89, 227

Герард, епископ Туля 61, 109

Герберга, дочь Карла Лотарингского 225, 230, 232, 233, 234

Герберга, сестра Лотаря 29, 77, 81

Герберга, супруга Германа II Швабского 229

Герберга, супруга Людовика IV 23, 27, 28, 30, 35, 36, 39, 41, 44, 46–48, 52–54, 61–63, 137, 140

Герберга, супруга Фулька Доброго 60

Герберт II, граф Вермандау 22–25, 29, 30, 38, 46, 57

Герберт III Старый, де Вермандау 50, 51, 71, 77, 95, 184

Герберт Орильякский (Сильвестр II), архиепископ Реймса, затем папа Римский 72, 73, 109, 114, 121, 123, 125–127, 132, 133, 152, 156–158, 165, 168, 171, 174, 176, 180, 182, 185, 187, 189, 190, 194, 195–198, 202–204, 208–211, 220, 229, 238, 239

Герберт Юный, граф Мо и Труа 61, 71, 120, 130, 132, 133, 139, 149, 151, 157, 158, 160, 173, 184, 188, 212, 218

Герберт, епископ Оксерра 71, 139

Герек, граф Нанта 140

Геривард, сеньор из Камбрези 79

Герлуин, граф Монтрей 23, 37

Герман II, герцог Швабии 229, 230

Герман, сын Годфрида Старого, графа Вердена 124, 231, 233

Герменгарда, легендарная дочь Карла Лотарингского 230–232, 234

Герольд, аббат Орильяка 71, 111

Герри, рыцарь героической песни 137

Ги II, епископ Суассона 81, 211–213

Ги Анжуйский, епископ Суассона 24

Ги, граф Суассона 206, 207

Ги, епископ Пюи 76, 105

Ги, епископ Суассона 48, 207, 211

Гибуин, епископ Шалона 45, 46, 48, 50, 51, 61, 71, 83, 92, 95, 130, 184

Гизелер, епископ Магдебурга 108

Гизель, супруга Конрада II 229, 230

Гильдеман, архиепископ Санса 42

Гильом I, граф Арля 106

Гильом III Патлатый, граф Пуатье 29, 30, 32, 39, 45, 49, 50, 71

Гильом Санш, герцог Гаскони 140

Гинкмар, аббат монастыря Сен-Реми в Реймсе 27, 52

Гинкмар, архиепископ Реймса 195
 Гифред, герцог Руссильона 62, 144
 Гоберт, кастелян Вердена 120
 Годфрид Старый, граф Вердена 77, 79, 82, 88, 89, 93, 94, 109, 116, 119, 121, 124, 127, 131-133, 151, 152, 158, 173, 183, 184, 227
 Годфрид, герцог Нижней Лотарингии, сын Годфрида Старого 227, 233
 Гозилон, лотарингский сеньор, племянник Годфрида Старого 121, 132, 186
 Гозлен, аббат Сен-Дени 59
 Гозлен, отец Адальберона Реймского 64
 Гомбольд, епископ Гаскони 140
 Готскальк, епископ Пюи 30, 76
 Готфрид Бульонский, герцог Лотарингии 64, 231
 Готье де Ланс, вассал церкви Камбре 78
 Готье, граф Вексена и Амьена 81, 180
 Готье, граф Дрё 60, 96
 Готье, епископ Отена 81
 Готье, кастелян Витри 149
 Готье, сын Готье, графа Дрё 96
 Гуалон, аббат Сен-Жермен-де-Пре 196
 Гуго Великий, герцог Франков 21-37, 44, 54, 63, 71, 137, 139, 140, 149, 237
 Гуго де Вермандуа, архиепископ Реймса 24, 25, 46-48, 50, 79
 Гуго Капет, герцог Франков, король Франции 34, 35, 39, 40, 43-48, 49, 53, 59, 61, 71, 75, 76, 87, 91, 92, 95-105, 119, 120, 124, 125, 132, 134, 141, 146, 149, 151, 152, 155-160, 163-165, 168-174, 195, 176, 177, 180, 181, 185-190
 Гуго Черный, герцог Бургундии 26, 30
 Гуго, архиепископ Буржа 105
 Гуго, вассал Гуго Капета 95
 Гуго, граф 61, 145
 Гуго, граф Лана 45, 148
 Гуго, король Италии 45
 Даимберт, архиепископ Буржа 180
 Дудон Сен-Кантенский, монах 174
 Дудон, вассал Герберта де Вермандуа 188, 205
 Ева, супруга Готье, графа Вексена 81
 Жильбер, герцог Бургундии 30, 33, 36, 37, 39, 41, 61, 62, 144
 Жильбер, граф Руси 206, 207
 Жоффруа Серый Плащ, граф Анжуйский 44, 45, 60, 72, 76, 81, 87, 89, 95, 104, 141, 142, 172
 Зенкенберг, Г.-К. 230
 Зигфрид, граф Люксембурга 119
 Зигфрид, сын Зигфрида, графа Люксембурга 119, 121, 124, 125, 132
 Ив, рыцарь 87
 Изабелла д'Эно, супруга Филиппа Августа, короля Франции 230
 Изембрад, рыцарь 81
 Имиза, приближенная императриц Эммы и Аделаиды 110

Иммон, сеньор Шевремона 40, 43
 Иоанн II, король Франции 219
 Иоанн XII, папа Римский 47
 Иоанн XV, папа Римский 203, 213, 214, 217
 Иоанн, майордом Камбре 77, 78
 Иов 186
 Иуда 214, 223
 Калефик 136
 Карл II Лысый, король Франции 140, 149
 Карл III Простоватый, король Франции 22, 23, 24, 79, 149
 Карл Великий, франкский король 21, 22, 55, 63, 85, 92, 135, 136, 159, 169, 191, 230, 231, 235
 Карл, герцог Лотарингский 35, 52, 61, 93, 130, 134, 148, 155, 157, 159, 160, 163-167, 169, 170, 171, 174, 175, 178-182, 184-187, 189, 193, 195-197, 204-209, 211-216, 218-227, 229, 230-239
 Карл, сын Карла Лотарингского 224, 228, 229
 Карл-Константин, граф Вьеннский 26, 245
 Карломан, король Франции 149
 Каролинги, династия 21, 22, 27, 29, 31, 34, 35, 43, 46, 51, 53-56, 63, 76, 79, 82, 94, 98, 104, 106, 119, 127, 136, 144, 148-150, 160, 165, 192, 198-220, 231, 234-240
 Конан, граф Ренна 140
 Конрад I Тихий, король Бургундии 24, 29, 46, 103, 115, 142, 146, 152, 187, 229
 Конрад II, император Священной Римской империи 192, 229
 Конрад Красный, герцог Лотарингии 26, 27
 Конрад, герцог Швабский 109, 229, 230
 Константин VIII, император Византии 106, 176
 Константин, преподаватель в Туре 153
 Константин, римский император 191
 Кролл, Г. 230
 Ламберт, сеньор 42
 Ламберт, сын Ренье III, графа Эно, граф Лувена 38, 74, 75, 77-79, 82, 230-233
 Ламберт, сын Роберта Дижонского 37, 38
 Ландрик, граф Дрё 81
 Летальд, аббат Тен-ле-Мутье 67
 Летольд, граф Макона 26, 33, 145
 Леудегарда, герцогиня Бургундская 30, 36, 38
 Леудегарда, дочь Арнульфа I Великого 49
 Леудегарда, супруга Вильгельма I, графа Руана, затем Тибо, графа Блуа 44
 Лиудульф, епископ Нуайона 81, 83, 94
 Лотарь I, франкский император 145
 Лотарь, король Италии 53, 56
 Лотарь, король Франции 21, 27-31, 33-49, 51-63, 67, 69, 71, 74-106, 110, 114, 116-121, 123, 126-130, 132-135, 137-146, 148-154, 157,

159, 160, 165, 169, 171, 190, 192, 194, 196, 197, 209, 213, 226, 228,
 229, 236-239
 Лозрель — см. Лотарь 137
 Людовик II Заика, король Франции 149
 Людовик IV Заморский, король Франции 21-30, 34, 54, 63, 97, 135, 137,
 140, 145, 149, 169, 170
 Людовик V, король Франции 91, 92, 98, 104-106, 118, 119, 126, 128,
 135, 144, 151, 152, 154-160, 163, 166, 169, 170, 171, 194, 228, 236,
 237, 239
 Людовик Благочестивый, франкский император 71, 76, 138
 Людовик Бородатый, лангграф Тюрингии 229, 230
 Людовик Слепой, император, король Прованса 26, 145
 Людовик, сын Карла Лотарингского 204, 225, 228, 229
 Людольф, сын Оттона I 27
 Мак-Аллан, аббат Сен-Бенуа 68
 Манассия, вассал реймской церкви 42, 184, 205, 206
 Марин, легат 25
 Марн, де 234
 Матильда, королева Германии, супруга Генриха I 52, 63
 Матильда, сестра Лотаря 29, 46, 142, 146, 229
 Матильда, супруга Годфрида Старого, графа Вердена 124
 Меровинги, династия 21, 231, 235
 Мурен 136
 Ноткер, епископ Льежа 94, 109, 113, 118, 127, 133, 134, 173
 Одельрик, архиепископ Реймский 47, 50-53, 57, 62, 63, 64, 79
 Одельрик, граф 42
 Орланд, виконт, Вимё 96
 Осмунд, норманн 23, 59
 Отрик, священник 209
 Оттон I, король Германии 22-28, 36-38, 40, 47, 52-56, 62, 72, 74, 177
 Оттон II, император Священной Римской империи 74, 75, 82-93, 97-102,
 106-108, 110, 119, 137, 142, 146, 171, 175, 190
 Оттон III, император Священной Римской империи 107, 108, 110, 112,
 115-117, 120, 124, 127, 133, 134, 152, 171, 181, 187, 191, 192, 194,
 195, 203, 204, 216, 227, 228
 Оттон, герцог Бургундии 30, 34, 35, 37, 39, 43, 44, 53
 Оттон, герцог Нижней Лотарингии 226, 227, 228, 232, 233
 Паги, П. 230
 Петр, епископ Павии 109, 110
 Петроальд, аббат Боббио 109
 Пипин III Короткий, франкский король 193
 Ронс, сын Этьена Жеворданского 76
 аймунд I, граф Руэрга, маркграф Готии 45
 аймунд II, граф Руэрга 45, 111
 ауль Глабер, хронист 138
 ауль де Камбре, легендарный рыцарь 137
 ауль, аббат Сен-Реми 67, 69
 ауль, граф Дижона 38

Рауль, граф Иври 59
 Рауль, епископ Лана 25
 Рауль, отец Рихера 26, 35
 Рауль, король Франции 22-25, 27
 Рауль, сын Готье, графа Дрё 96
 Рейнгарда, конкубина 71
 Ренар Старый, граф Санса 42
 Рено, граф 74
 Рено, граф Руси 29, 30, 32, 41, 45, 57, 95, 197
 Рено, рыцарь 212
 Ренье III Длинная Шея, граф Эно 35-37, 54, 74, 77
 Ренье IV, сын Ренье III, граф Эно 38, 74, 75, 77-79, 82, 130, 232, 233
 Ренье, видам Реймса 156, 208
 Ренье, священник 184
 Рестольд аббат Сен-Валери 97
 Рихер, вассал Оттона I 38
 Рихер, хронист 29, 32, 56, 80, 84, 122, 136, 159, 168, 173, 178, 199, 219, 222, 232
 Ричард I, граф Руана, герцог Нормандии 23, 24, 31, 35, 44, 48, 49, 57-59, 92, 141, 172, 174
 Ричард, аббат Сен-Бенуа на Луаре 61, 76, 141
 Ричард, герцог Бургундский 22, 24
 Роберт I, маркграф Нейстрии, затем король Франции 27
 Роберт II Благочестивый, король Франции 71, 95, 119, 124, 132, 136, 138, 176, 177, 180, 181, 187, 194, 200-202, 207, 208, 213, 215, 228, 229, 234, 237
 Роберт де Миси 186
 Роберт Сильный, граф Анжера 22
 Роберт, аббат Сен-Дени 188
 Роберт, архиепископ Трира 25, 33, 36
 Роберт, вассал Карла Лотарингского 205
 Роберт, граф Намюра 231, 232
 Роберт, граф Труа 36, 37, 38, 41-43, 46, 48, 50, 51, 61
 Роберт, лотарингский сеньор 43
 Роберт, сын графа Мангауда 49
 Робертины, династия 35, 39, 43, 46, 48, 50, 53, 54, 60, 71, 75, 76, 84, 88, 119, 124, 132, 137, 140, 143, 150, 178, 193, 208, 215, 219, 220, 225, 231, 238, 239
 Роже, граф 69, 70
 Роже, граф Амьена 96
 Роже, граф Шато-Порсьен 205, 206
 Роже, сын Герлуина Монтрейского 37
 Розалия-Сюзанна, графиня Фландрии, супруга Роберта II 176, 177
 Роллон (Роберт), граф Руана 59
 Ромульф, бургундский аббат 215
 Рорикон, епископ Лана 38, 45, 47, 48, 50, 52, 79
 Ротхард, епископ Камбре 64, 94, 109, 134, 135, 216
 Румальд, архитектор 70

Руссе 145
 Саксонская династия 35, 54, 55, 56, 85, 109, 114, 118, 165, 193
 Салическая династия 229
 Сальватор, епископ Алета (Сен-Мало) 92
 Св. Арнульф 47, 66, 231
 Св. Батильда 86
 Св. Валерий 96
 Св. Варфаломей 92
 Св. Герольд 72
 Св. Иларий 32
 Св. Маглуар 92
 Св. Майель, аббат Ключи 71, 96, 153
 Св. Медард 86
 Св. Ремигий 86, 136, 154
 Св. Рихарий 96, 97
 Св. Самсон 92
 Сегард, рыцарь 212
 Сегуин, архиепископ Санса 81, 83, 174, 180
 Сениофред, аббат Риполя 105
 Сетрик, норманн 23
 Сеульф, епископ Реймский 24
 Сигиберт де Жамблу, хронист 225, 227, 232, 233
 Сигиберт, граф 189
 Сонье, епископ Эльна 62
 Стефан, легат 81
 Стюарты, династия 234
 Сунифред, герцог Руссильона 62, 144
 Геодорих, герцог Верхней Лотарингии 112, 132, 173
 Геодорих, епископ Меца 53, 85, 112, 113, 227
 Геодорих, граф Голландии 22, 62, 112, 121, 142
 Геодорих, епископ Меца 80, 106, 108, 113, 114, 116
 Геотелин, епископ Макона 61, 145
 Гедон, епископ Камбре 75, 77-79, 82, 92, 94
 Гибо Плут, граф Блуа 24, 30, 31, 38, 44, 45, 48, 50, 51, 57-59, 61, 105, 141
 Гибо, епископ Амьена 81
 Гибо, сын Гибо Плуа 48
 Гурмод, норманн 23
 Галбод, аббат Сен-Бенуа на Луаре 141, 153
 Гда, мать Адальберона Реймского 64
 Теофано, императрица, супруга Оттона II 83, 85, 106, 107, 108, 111, 115, 117, 124, 125, 127, 133, 134, 154, 156, 157, 159, 165, 171, 173, 181, 185, 187, 203, 204, 208
 Филипп I, король Франции 232
 Филипп IV, король Испании 233
 Филипп VI, король Франции 219
 Ино Ж. 145

Флодоард, хронист 32, 56, 149
 Фолькмар, епископ Утрехта 108
 Фредуида, супруга Этьена, графа Порсьена 67
 Фридеруна, королева Франции, супруга Карла III 149
 Фридрих II, император Священной Римской империи 229
 Фридрих, архиепископ Майнца 25
 Фридрих, граф Бара и Меца, герцог Верхней Лотарингии 31, 41, 42, 52, 112
 Фридрих, сын Годфрида, графа Вердена 121, 124
 Фульберт, епископ Камбре 26, 36
 Фульк Добрый, граф Анжуйский 60
 Фульк Черный (Нерра), граф Анжуйский 96, 142
 Хакам II, халиф Кордовы 135
 Хетдон, вассал Карла Лотарингского 77
 Хоэль, граф Нанта 140
 Цецилия фон Зангерхаузен, супруга Людовика Бородатого 229
 Цицерон 215
 Шантеро-Лефефр 230
 Шиффле Ж.-Ж. 230, 233
 Эбль, граф Пуатье 50
 Эбрард, аббат Сен-Жюльен в Туре 153
 Эвераклий, епископ Льежа 52
 Эвергер, архиепископ Кёльна 159
 Эд I, граф Шартра и Блуа 61, 71, 130, 132, 139, 141, 142, 150, 151, 157, 158, 160, 172, 173, 183, 184, 188, 189, 212, 219
 Эд I, король Франции 22, 23
 Эд, аббат Сен-Кукуфа 135
 Эд, епископ Санлиса 207
 Эд, сын Альберта де Вермандуа 64, 66, 77, 78, 94
 Эд-Генрих, герцог Бургундии 34, 53, 71, 76, 87, 95 144, 172
 Эдмунд I, король Англии 23
 Эйран, рыцарь 66
 Экберт, епископ Трира 108, 112, 115, 116, 128, 134, 138, 152, 186, 203, 210, 211
 Элизиард, епископ Парижа 92, 141
 Эльмонд, епископ Руана 59
 Эмма, графиня Руанская 31, 44, 59
 Эмма, супруга Лотаря 53, 56, 57, 60, 61, 75, 78-80, 92, 95, 103-105, 121, 132, 136, 137, 146, 151, 152, 155, 157-159, 179-, 183, 185, 186
 Эммон, вассал Гуго Капета 77
 Эммон, граф 61
 Эрнст 226
 Этьен, граф Порсьена 67
 Юнан, аббат Леона 92
 Юрсин, вассал реймской церкви 35

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ

Аквитания 28-33, 39, 43, 45, 49,
 50, 71, 72, 104-106, 111, 143,
 144, 149, 151, 172, 177, 238
 Алет (Сен-Мало) 92
 Альера, р. 105
 Амьен 25, 26, 37, 81, 96, 207
 Амьенуа 96
 Англёр 62
 Аппуани 61
 Апулия 106
 Арденны, г. 65, 89, 148
 Арденны, д. 148, 149
 Ардеш, р. 147
 Арль 106, 147
 Аррас 51, 60, 78, 82, 92, 142, 149
 Аттиньи 86, 148
 Ахен 83, 84, 85, 90, 107
 Бавария 27, 108, 117, 133
 Баже 61, 145
 Бар 31, 41
 Барруа 148
 Барселона 62, 72, 135, 151
 Безансон 26
 Берневаль 59
 Бинш 74
 Боббио 109, 156
 Бовези 82
 Бозентелло 90
 Бон 37, 39, 144
 Брабант 233
 Бретань 44, 57, 92, 140
 Бризах 117, 118, 119, 133, 146
 Бриуд 106
 Бро на Маасе 66
 Броссак 105
 Брюссель 233
 Булиньи 45
 Бульон 82, 184
 Бурбон-ле-Бен 147
 Бургундское королевство 26, 28-
 31, 33, 37, 39, 41, 43-46, 53, 57,
 61, 81-83, 95, 103, 140, 142, 144,
 146, 147, 149, 150, 152, 187
 Бурж 105
 Буссуа 74, 75
 Бушен, р. 148
 Буржон 149
 Валентинуа 147
 Вандом 96, 102

Вани 42
 Варк на Маасе 65, 66, 148
 Вазс 62, 142
 Вексен 81
 Вербери 60, 148
 Верден 25, 47, 48, 53, 64, 82, 116,
 117, 119-124, 129, 130, 132, 134,
 137, 146, 147, 152, 158, 173, 184,
 191, 236
 Верденуа 148
 Вермандуа 30, 46, 55, 82, 140, 150,
 179, 218
 Верона 107
 Верхняя Бургундия 36
 Верхняя Лотарингия 142, 165, 173
 Верхняя Марна, д. 45, 148
 Виваре 147
 Византия 191
 Вильер 42
 Вимё 96
 Винши 94
 Витри-ан-Пертуа 49, 149
 Вонк 148
 Вормс 52, 116, 117, 159
 Восьен 95
 Вузьер 148
 Вьенн 46, 145, 147
 Галлия 33, 111, 114, 153, 157, 191,
 193
 Гасконь 140
 Гатине 150
 Гаттона замок 124
 Гент 49, 62, 76
 Германия 25, 27, 33, 36, 54-56, 63,
 74, 85, 90, 107, 108, 110, 115,
 118, 146, 152, 157, 165, 171, 191,
 204, 216, 227, 238, 239
 Герментрувиль (Сен-Север) 48
 Голландия 62, 112, 142
 Горц 64
 Готия 45, 104, 105, 144
 Гоцлар 229
 Грюйер 66
 Гугард 231
 Гюи 78, 94
 Гюрзи на Марне 149
 Дампьер 148
 Див, р. 23
 Дижон 37, 39, 41-43, 53, 61, 144,
 149, 186

Доль 92
 Дормуа 148
 Дре 96, 149, 150, 219, 220
 Ду, р. 147
 Дузи на Шьере 149
 Дуйсбург 129
 Дурдан 33, 149, 158
 Дуэ 51, 78, 142, 149
 Дюнуа 48, 57, 61
 Жамблу 232, 233
 Жефосс 48, 58
 Жизор 59, 60
 Жувины 173
 Ингельхейм 25, 36, 47, 52
 Ионн 71
 Ирсон 148
 Испания 58, 177, 178, 233
 Испанская Марка 62, 105, 135, 144, 175
 Италия 45, 53, 56, 72, 85, 98, 99, 102, 103, 107-109, 117, 118, 191, 203, 227
 Калабрия 106, 107
 Камбре 26, 36, 64, 75, 78, 82, 88, 92-94, 109, 134, 135, 137, 146, 231
 Камбрези 37, 148
 Кведлинбург 108
 Кельн 27, 35-37, 40, 41, 43, 52, 53, 85, 95, 159
 Клермон 105
 Климанн 62
 Клюни 33, 96, 139, 145, 153
 Компьень 31, 40, 53, 69, 75, 130, 132, 135, 148, 156, 158, 159, 163, 164, 166, 180, 187
 Конде45
 Корас, р. 106
 Корбени 149
 Корби 96, 97, 180
 Кордова 135
 Креси 219
 Куси 38, 51
 Кюзель 52
 Ла Манш 147
 Ла Фер 38
 Лан 23-26, 28, 29, 30, 33, 38, 40, 43, 45, 47, 48, 50, 53, 58, 59, 62, 79, 80, 82, 84, 86, 91, 95, 98, 121, 123, 135, 148, 150, 178, 180-182, 185-187, 189, 196-198, 206, 207, 209, 211, 216, 218, 219, 220-222, 224, 228, 229

Лангр 30, 61, 95, 144, 147
 Ланнуа 82
 Леон 92
 Ли 51, 142
 Лимож 106
 Лион 46, 95, 145
 Литтуа 62
 Лотарингия 22, 26, 27, 31, 35-37, 39, 40, 41, 42, 52-55, 57, 61, 63, 74, 76, 82, 83, 85-87, 90, 91, 97, 98, 109-111, 113, 121, 129, 134, 135, 146, 152, 165, 173, 187, 190, 216
 Луара, р. 33, 35, 53, 58, 141, 210
 Лувен 233
 Льеж 33, 94, 109, 118, 133-135, 146, 173, 226, 233
 Люксембург 64, 124
 Маас, р. 61, 63, 65, 66, 67, 84, 121, 122, 142, 146, 147, 148, 175
 Маастрихт 226, 227
 Майнц 25, 52, 109
 Макон 33, 61, 144, 145, 147
 Маннгейм 230
 Маргю 98, 99, 146
 Марзи 39
 Мармутье-ле-Тур 90
 Марна 47, 123, 125, 130
 Мезьер 42, 65, 66, 67, 148, 158
 Мемлебен 74
 Мерсен 62
 Мец 26, 41, 47, 53, 64, 67, 80, 85, 86, 106, 116, 113, 231
 Мо 47, 48, 61, 82
 Монмартр 87
 Монс 36, 77, 79, 82, 132
 Мон-Сен-Мишель 59, 141
 Монтегю 26, 189
 Монтиньи 149
 Монтирендер 95
 Монтрей 37, 96, 150
 Монфеликс 30
 Монфокон-ан-Артонн 159
 Музон 25, 26, 47, 66-68, 148, 158
 Намюр 43, 231, 234
 Нант 140
 Невер 39, 144
 Нейстрия 31
 Нижняя Лотарингия 62, 82, 112, 134, 140, 146, 165, 166, 169, 171, 178, 181, 227, 232
 Нимвеген 75

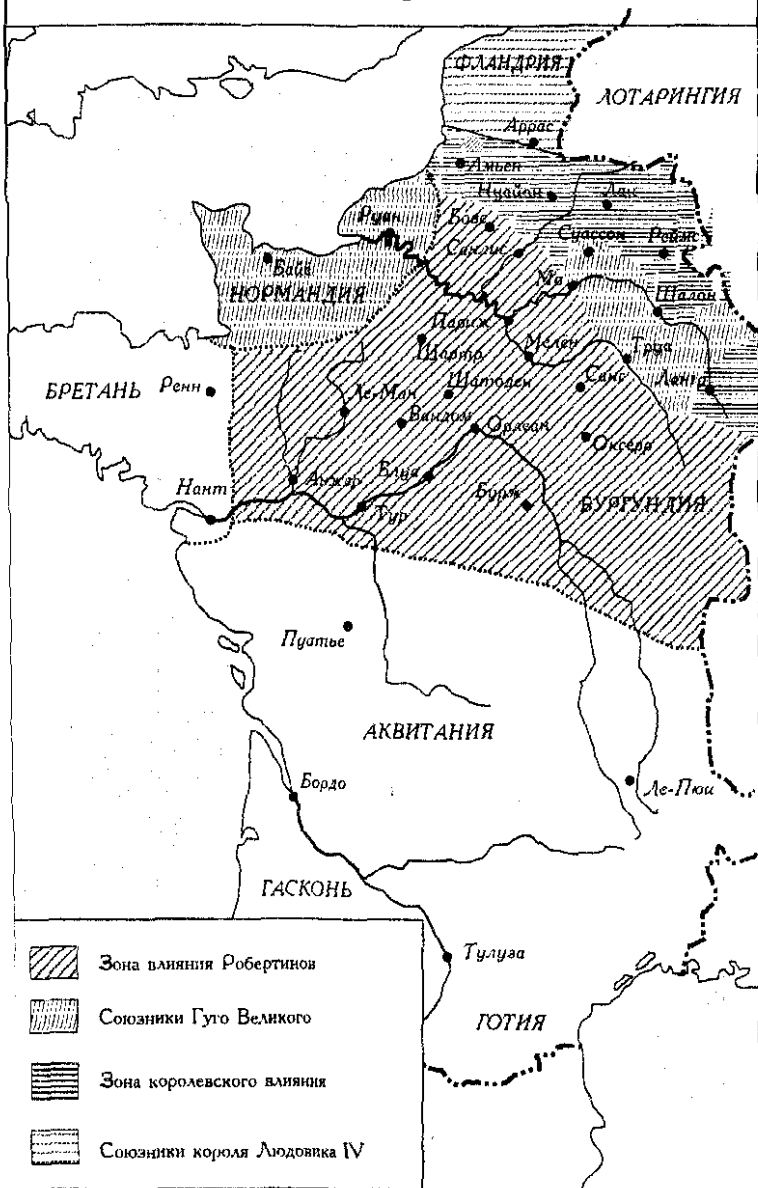
Нормандия 23, 24, 31, 44, 45, 48,
 49, 55, 57-60, 92, 141, 142, 150,
 172
 Нотр-Дам в Лане 149
 Нотр-Дам де Тардануа 68
 Нуайон 48, 81, 82, 94, 172
 Нуайонэ 82
 Овернь 31, 32
 Оксерр 37, 71, 139, 144
 Омблиер 51
 Омуа 82, 95
 Орильяк 72
 Орлеан 47, 91, 92, 95, 141, 149,
 150, 175, 225, 228
 Орнуа 148
 Отвильер 158
 Отен 81, 144
 Павия 47, 108, 109, 110, 117
 Па-де-Кале, д. 148
 Парентиньяк 105
 Париж 30, 33, 47, 86, 89, 92, 96,
 141, 149, 150, 186, 189, 190, 195
 Пёльде 94
 Перонн 74
 Пимпрез 149
 Пиренеи 72, 140, 177
 Понтье 96
 Порсьен 67
 Прованс 24, 26, 29, 106, 145, 146
 Пуатье 29, 30, 31, 32, 43, 49, 50,
 71, 72, 219
 Люи 30, 76, 105, 143
 Ревен 148
 Регенсбург 88
 Реймс 24-31, 36, 38, 42, 45-47,
 49-51, 53, 57, 64, 70, 72, 76,
 79-81, 86, 95, 109, 111, 112,
 117-119, 133, 136, 147, 150,
 156-158, 163, 172, 173, 184, 187,
 189, 190, 194-196, 198, 199, 201,
 204-206, 208, 211, 213, 215-218
 Рейн, р. 25, 35, 53, 119, 146
 Ремиромон 152, 154
 Ренн 140
 Ретель 184
 Рим 52, 68, 72, 81, 102, 103, 107,
 119, 171, 191, 203, 213, 214, 217
 Риполь 62, 105
 Роанн 147
 Рона, р. 147
 Орхейм 115
 Руан 23, 24, 45, 48, 58, 59
 урвуа (Булонский лес) 137

Румуа 96
 Руси 29, 30, 32, 55, 140, 150, 215
 Руссильон 62, 144
 Руэз 45
 Саксония 41, 42, 85, 109, 157
 Самбра, р. 84, 148
 Сандис 47, 141, 149, 150, 156, 159,
 164, 166, 187, 207, 208, 211-213,
 215, 217, 224, 225
 Санс 41, 42, 47, 61, 81, 144, 215
 Севенны, г. 147
 Северное, м. 147
 Сейль, р. 147
 Сена, р. 48, 57, 58, 87, 96, 141,
 142, 210
 Сен-Аман 51, 142, 149
 Сен-Аманда в Трикастене 145
 Сен-Бавон в Генте 49, 60
 Сен-Бенуа на Луаре (Флери) 48,
 61, 68, 76, 92, 141, 153
 Сен-Бертен 49, 96
 Сен-Вааст 60, 142, 149
 Сен-Валери на Сомме 103
 Сен-Баль-де-Верзи 31
 Сен-Венсен в Лане 68
 Сен-Гертруд де Нивелл 234
 Сен-Дени 33, 59, 70, 96, 141, 150
 Сен-Дизьер 148
 Сен-Жермен-де-Пре 96, 141, 150
 Сен-Жюльен в Туре 153
 Сен-Илер 66
 Сен-Кантен 25
 Сен-Квентен-ан-л'Иль 82, 174
 Сен-Кипрьен в Пуатье 50
 Сен-Клод 145
 Сен-Коломб в Сансе 71, 76, 145,
 180
 Сен-Корнель в Компьене 160
 Сен-Кукуфа 135
 Сен-Лоран на Соне 61
 Сен-Люсьен в Бове 97
 Сен-Маглуар в Париже 95, 141
 Сен-Макр 80
 Сен-Марсьяль 143
 Сен-Мартен 141, 150
 Сен-Мартен в Льеже 52
 Сен-Мартин-де-Савиньи 46
 Сен-Мексен 50
 Сен-Менеул 148
 Сен-Мишель де Кюкса 62, 148
 Сен-Мор-де-Фосс 141, 150
 Сен-Обен в Анжере 60, 76, 142
 Сен-Поль-Маритим 62, 144

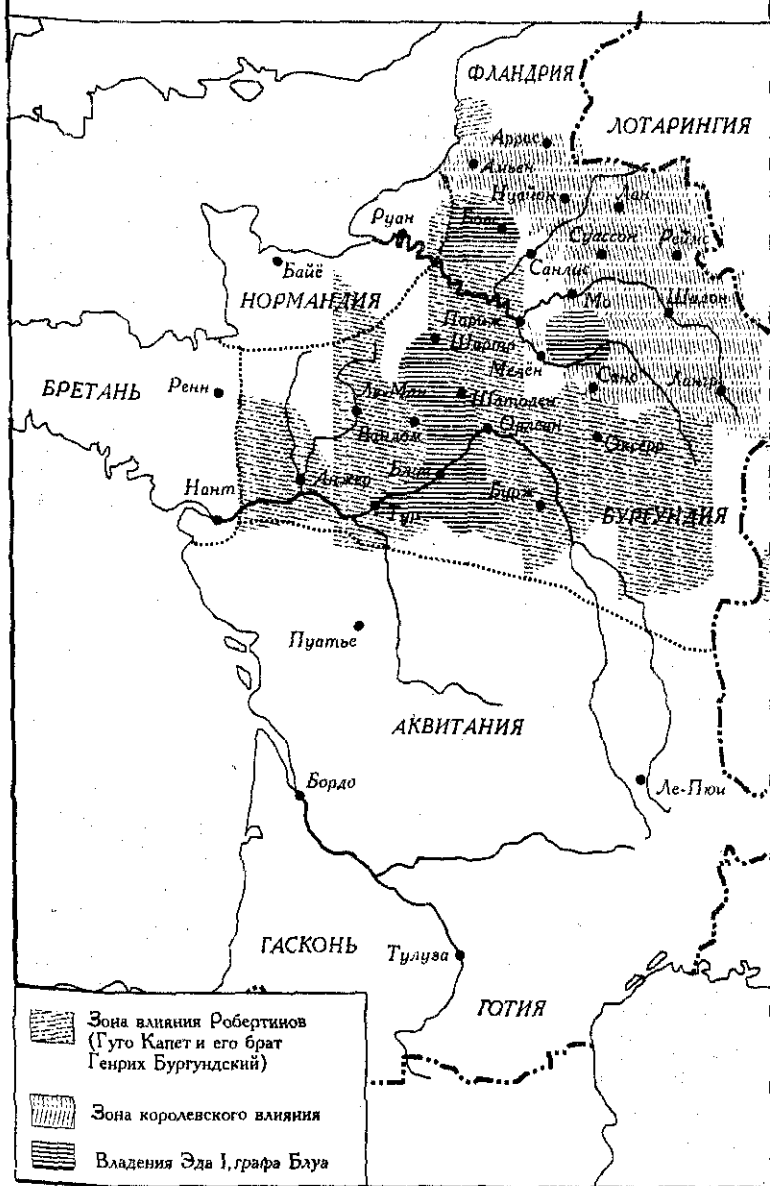
Сен-Пьер де Розес 105
Сен-Пьер-ле-Виф 42, 81
Сен-Реми в Реймсе 24, 27, 28, 45,
49, 52, 62, 63, 66-69, 149, 159,
168, 199
Сен-Рикье (Центула) 76, 97, 150
Сен-Серве в Маастрихте 226
Сен-Сов де Валансьен 37
Сен-Тронд 227, 232, 233
Сен-Тьерри в Реймсе 69, 75
Сен-Фаржа 71
Сен-Феликс-де-Жексаль 62, 144
Сен-Флорентин в Бонневале 61
Сень-Жиль 147
Сен-Эн्यान д'Орлеане 150
Сен-Этьен в д'Оксерре 81
Сите 92
Скарпон 124
Сомма, р. 96
Сона 140, 147
Соракт, г. 227
Сормонна, р. 65
Суассон 26, 38, 44, 51, 81, 86, 88,
89, 189, 207, 218
Суассонэ 82
Сэнтауа, 148
Гарденуа 82
Теи-ле-Мутье 66, 67
Тиль 147
Тирлемон 231
Тоннер 144
Тризлюр 149
Трир 25, 26, 33, 36, 47, 112, 116,
134, 146, 152
Трозли 148
Труа 41, 42, 43, 50, 61, 82, 95, 150,
184, 189
Тулуза 144
Тулль 61, 109
Турне 82, 94
Турнези 82
Туси 71
Тюзей на Маасе 149
Тюрингия 229, 230
Фамин 148
Фландрия 23, 37, 44, 49, 51-53,
57, 60, 79, 96, 142

Флорины 233
Форез 147
Франкония 52
Франкфурт 90, 133, 159
Франция 22, 24-26, 28-30, 33, 35,
37, 43, 46, 47, 51, 53-57, 59-61,
68, 73, 75, 76, 78, 82, 85-87,
90-92, 100, 102, 110, 116, 117,
120, 121, 124, 132, 134-136, 141,
142, 147, 148, 152, 156, 165, 166,
169, 170, 172, 175, 187, 190, 194,
195, 196, 211, 214-216, 228, 230,
236, 239
Франция (Франкия) 81
Франш-Конте (Бургундское графст-
во) 145
Фуаймон 66
Хам 25
Шалон на Марне 130
Шалон на Соне 37, 39, 61, 144,
147
Шампань 150
Шантрэн 67
Шартр 24, 30, 38, 44, 48, 57, 58,
71, 92, 142, 150, 185, 189
Шевремон 43, 173
Шаврени 149
Шель 86, 189
Шельда, р. 140, 148
Шер, р. 35
Шлюхт 120
Шомон 148
Эврэ 45, 48, 58
Эльзас 146
Эльн 62, 105
Эн 78
Эна, д. 148
Эна, р. 26, 45, 88, 89, 148
Эно 35, 36, 55, 65, 74, 75, 77, 82,
132, 148, 204
Эперне 50, 51
Эпта, р. 59
Эртен 61, 62
Этамп 87, 149
Южная Италия 107

Королевство Франция в 950 г.



Королевство Франция в 985 г.

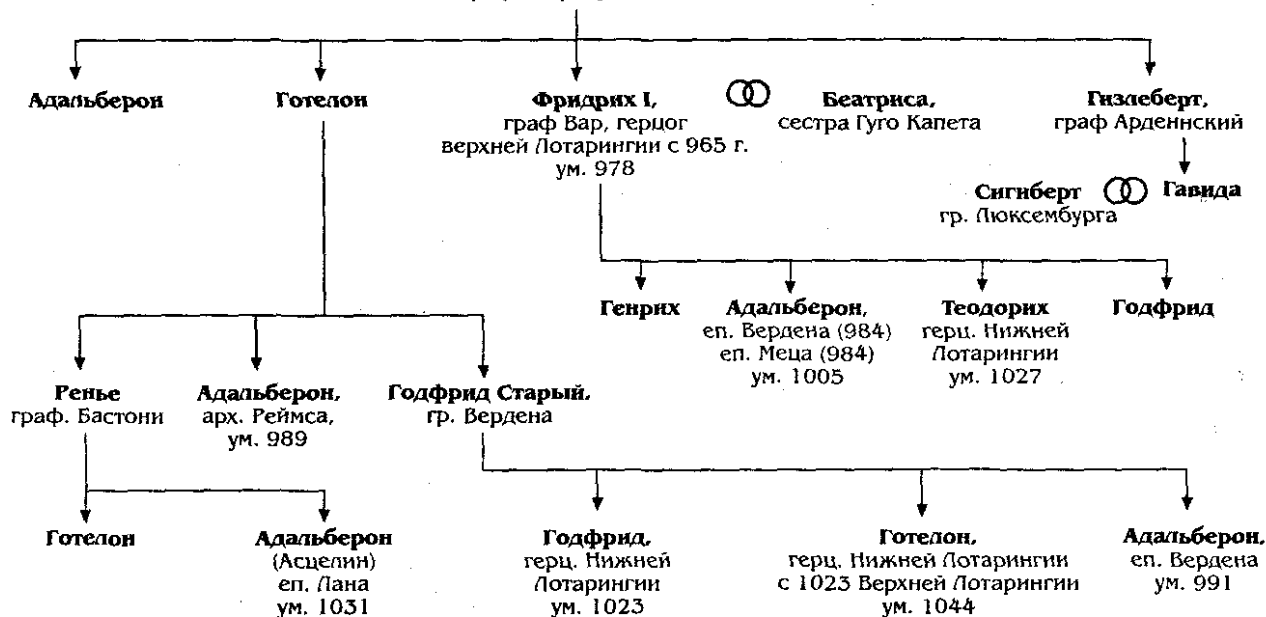


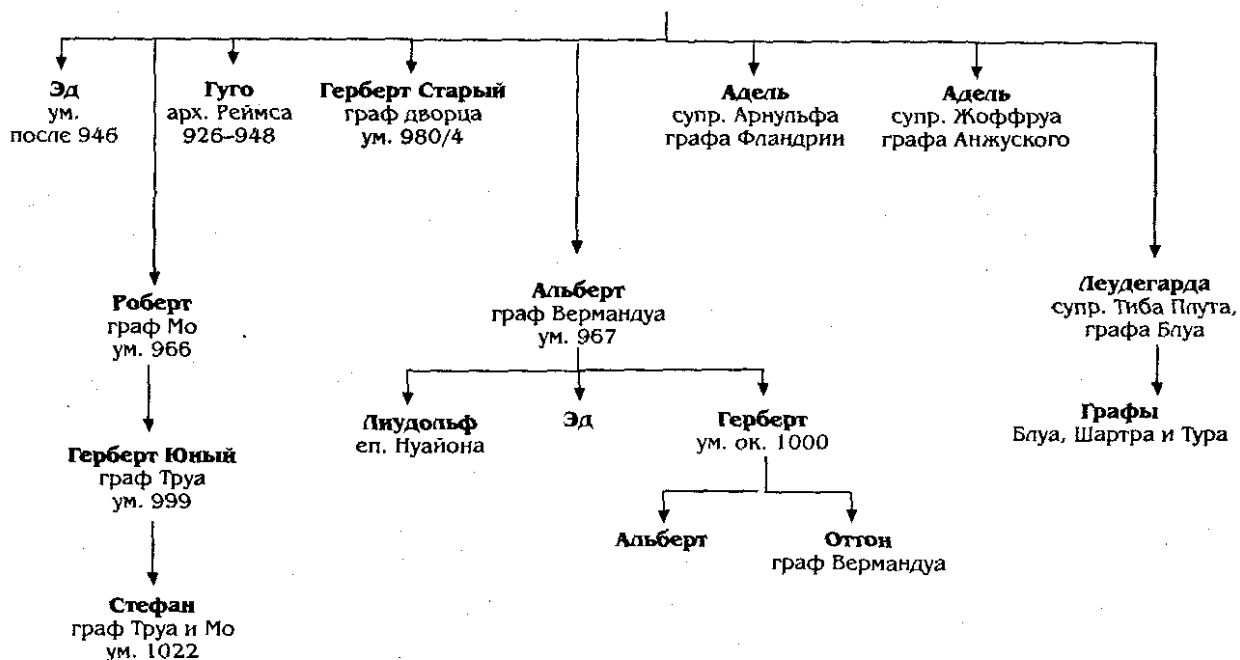
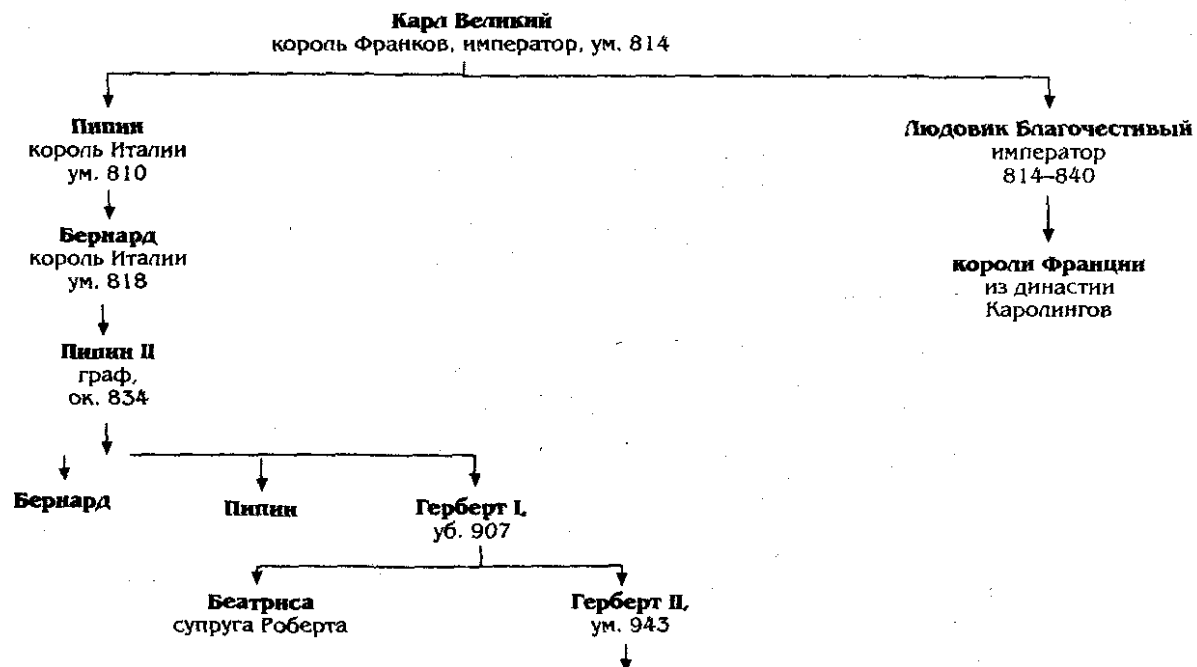
РОБЕРТ СИЛЬНЫЙ,
граф Анжуйский (ум. 866)



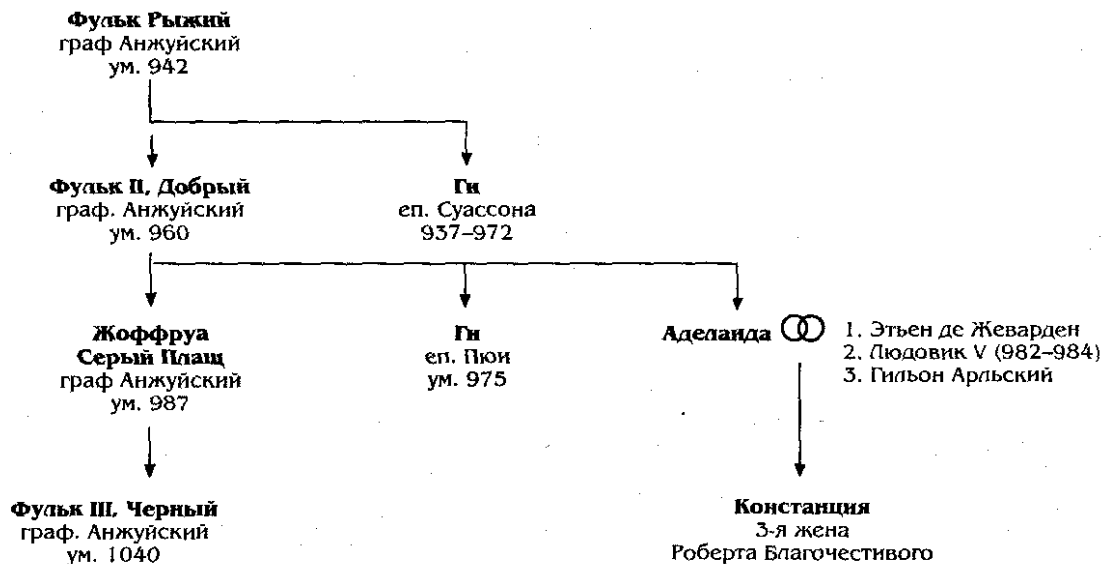
ГРАФЫ ВЕРДЕНА, ГЕРЦОГИ ВЕРХНЕЙ И НИЖНЕЙ ЛОТАРРИНГИИ

ВИГЕРИК
граф Арденнский,
граф двора, ум. 915





ГРАФЫ АНЖУЙСКИЕ



СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию	7
--	---

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава I. Несовершеннолетие Лотаря	21
Глава II. Несовершеннолетие Лотаря (продолжение)	34
Глава III. Со смерти Брюнона до смерти Оттона I	56
Глава IV. Вражда с Германией	74
Глава V. С мирного договора в Маргю до смерти Лотаря	99
Глава VI. Людовик V	151

КНИГА ВТОРАЯ

Глава I. С возведения на трон Гуго Капета до смерти Адальберона, архиепископа Реймса	163
Глава II. Со смерти Адальберона до пленения Карла Лотарингского	195

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I. Исследование различных точек зрения на предмет смены династий и избрания Гуго Капета	243
Приложение II. Говорили ли Каролинги по-французски? Развитие французского языка в X веке	255
Комментарии редактора	259
Библиография	281
Указатель именной	299
Указатель географический	308
Карты	312
Родословные	314